

ИЗДАНИЕ КРОНШТАДТСКАГО СОВѢТА РАБОЧ. И СОЛД. ДЕПУТАТОВЪ.

Кронштадтъ

въ 1906 году.

(Воспоминанія революціонерки)

Ю. ЗУБЕЛЕВИЧЪ

Часть I-я.

Издание Совѣта Рабоч. и Солдат. Деп. г. Кронштадта.

ИЗ КНИГ

Вос-
такъ и послѣдующи
съ бережно собирала

КРОНШТАДТЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ РЕВОЛЮЦІОНЕРКИ.
1906 годъ.

Ю. ЗУБЕЛЕВИЧЪ (ДАША).

Часть I.

Типографія Союза Крестьянскихъ Землячествъ (Крон. Вѣстн.).

7157
106. K

И

Весь чистый сборъ отъ изданія поступить въ фондъ по сооруженію памятника павшимъ борцамъ за Свободу въ Кронштадтѣ въ 1906 г.

21631 н.х.

ПР 1945 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Движимая глубокимъ чувствомъ любви и уваженія къ старымъ борцамъ—соратникамъ, чувствомъ преклоненія и благодарности за тѣ неизгладимыя свѣтлыя переживанія, которыя дали они мнѣ, я приложила всѣ усилія, чтобы собрать все, что касается какъ самаго возстанія, какъ предшествующаго времени подготовки, такъ и послѣдующей полосы царскихъ звѣрскихъ расправъ; бережно собирала всѣ детали о казненныхъ, стараясь полнѣе обрисовать ту картину моральнаго подъема, ту страстную жажду служенія народу, которая охватила широкія массы въ 1906 году.

Не моему неопытному и неодаренному перу было братья за подобный трудъ. Не разъ въ отчаяніи я бросала его, боясь исказить или иссушить всю картину, величіе которой не поддавалось моему описанію. Но мысль о замурованныхъ товарищахъ по тюрьмамъ и каторгамъ по всей необъятной Россіи, ихъ просьбы и завѣщанія описать столь дорогое для нихъ прошлое для поученія потомству, заставляли меня устыдиться своего малодушія. А тутъ еще помощь со стороны товарищей какъ моральная, такъ и фактическая, которая приходила такъ всегда кстати. Какъ учесть ту пользу, которую внесъ въ мой трудъ каждый изъ нихъ! Но имена В. М. Чернова, И. Е. Вольнаго, Н. С. Климовой я должна отмѣтить особо—такъ многимъ эта работа обязана имъ; первому—какъ незамѣнному редактору всего труда, а двумъ послѣднимъ—какъ литераторамъ помогшимъ мнѣ въ обработкѣ матеріала.

Много пробѣловъ, въ частностяхъ б. м. даже неправильностей, много несовершенствъ въ этомъ изданіи. Но вѣдь и въ такомъ несовершенномъ видѣ книга можетъ послужить канвой для будущаго историка; вѣдь со всѣми ея недочетами она сможетъ подтолкнуть другихъ участниковъ для написанія своихъ воспоминаній б. м. болѣе удачныхъ и цѣнныхъ.

Вѣдь и при всѣхъ своихъ несовершенствахъ она сможетъ вызвать вздохъ облегченія у товарищей участниковъ возстанія, живущихъ вдали отъ друзей, закинутыхъ въ глуши при мысли, что лучшіе завѣты прошлаго нашли путь связаться съ настоящимъ, а черезъ настоящее—отбросить свой отблескъ и на будущее.

И если чтеніе этой книги заставитъ читателя глубже вникнуть въ происходящее, и горячій порывъ охватитъ его душу, буду считать свою задачу выполненной.

Авторъ.

ГЛАВА I.

Разгулявшаяся стихія.

Какъ сейчасъ помню этотъ день. Высокая, чистая, хорошо убранная комната въ домѣ одного «сочувствующихъ» нашему дѣлу. Въ ней набилось болѣе 30 человѣкъ. Отовсюду глядятъ необычныя для такой обстановки, грубыя, загорѣлыя лица. Это—матросы, прибывшіе изъ Кронштадта къ намъ въ Петербургъ искать интеллигентовъ, которые помогли бы имъ организовать для революціи и руководили бы ими.

Эти люди уже приняли тюремное крещеніе. Ихъ судили по дѣлу о безпорядочномъ бунтѣ, который стихійно вспыхнулъ въ Кронштадтѣ осенью 1905 года и выродился къ ужасу болѣе сознательныхъ въ нелѣпый, дикій, пьяный погромъ. Кошмаръ этого погрома тяготѣетъ надъ ихъ умами, и они упорно изъ него исходятъ и къ нему возвращаются во всѣхъ своихъ разговорахъ.

— Вы хотите знать, какъ и почему все это вышло?— какъ бы въ раздумьи переспрашиваетъ Калмаковъ, маленький матросъ съ упорнымъ взглядомъ тревожныхъ, печальныхъ глазъ.— Да какъ вамъ сказать? Перво-наперво война... Потомъ манифестъ о свободахъ... Митинги, на которые ходили прямо толпами... Вліянія неблагонадежныхъ, которыхъ привозили къ намъ изъ другихъ гарнизоновъ вродѣ какъ въ ссылку... Такое время было, что не только съ нами, кто посознательнѣе, но и со всей массой словно что сдѣлалось: тревога какая-то, безпокойство... такъ и позывало чѣмъ-нибудь проявить себя, разбить дисциплину проклятую... Дома терпимости почитай каждый день громили... И вотъ, однажды вбѣгаетъ къ намъ, въ морскіе экипажи, рота пѣхотинцевъ съ фельдфебелемъ во главѣ—и кричатъ:

— Свобода! Долой дисциплину!

Зачѣмъ? Почему? По какому случаю? И посейчасъ толкомъ не извѣстно. Изъ за недовольства писчей, кажется. Ну, разумѣется, тотчасъ тревога. Ихъ заарестовали и по-

везли на форты. Съ этого все и пошло. «Заступитесь, товарищи! За свободу страдаемъ!»—закричали они изъ оконъ вагона. Услышали матросы, окружили вагонъ. «Ура! На помощь! Не выдавать товарищей!»—«Не выдадимъ!» Поднялась свалка. Двое изъ арестованныхъ въ суматохѣ скрылись. Конвой—стрѣлять. Кое-кого поранили, одного изъ отбивавшихъ убили на смерть. Вѣсть объ этомъ какъ по беспроволочному телеграфу облетѣла весь городъ. Матросы высыпали на улицы, наводнили площади. Только и слышно: «Братцы! Нашихъ бьютъ! Къ оружію! Мы имъ покажемъ, какъ въ насъ стрѣляютъ!» Словно кто головню въ пороховой погребъ подбросилъ.

Вспыхнулъ сразу и нашъ седьмой экипажъ. «Подымайся, ребята! Выходи на улицу! Свобода!» Я было ихъ уговаривать: «Братцы! Еще нѣтъ изъ центра приказа возставать! Все погубите, если теперь начнете. Васъ нарочно сбиваютъ недруги ваши. Не слушайте ихъ, не поддавайтесь обману!»—А они на меня: «Ага! проповѣдывать—такъ ты первый! А какъ до дѣла дошло, такъ и на пятую!» Нѣтъ, братъ, шалишь, не выпустимъ. Веди, такой-сякой!» И штыки на меня наставляютъ.

Вижу никакого сладу нѣту. «Ладно, говорю, только вотъ сбѣгаю за однимъ штатскимъ, тутъ по близости. Съ головой парень, научить, что дѣлать.»—«На кой, кричатъ, бѣсъ дался намъ твой штатскій! Знаемъ, братъ, улигнуть хочешь. А это видалъ?» И опять штыками грозятся. Совсѣмъ, какъ есть, темный народъ! А вѣдь нашъ экипажъ, почитай, самый сознательный былъ. Авралъ форменный поднялся. На дворъ уже вышли. Палятъ зря по воздуху. Галдежъ, сумятица. Рядомъ, въ четвертомъ, то же самое. Нечего дѣлать, соединилъ всѣхъ, построилъ. «Веди—кричатъ,—къ артиллеристамъ!» Повелъ.

Дошли по Соборной до угла Павловской. Еще пошли... Вдругъ изъ оконъ Сѣверныхъ казармъ выстрѣлы на насъ посыпались. Раненные валятся, убитые. Товарищъ Сахаровъ первый палъ мертвымъ. Крики, стоны... Остановились наши. А потомъ вразсыпную, кто куда. Иные и винтовки побросали.

Разбѣжались по городу. А около матросовъ уже посачи (хулиганы) увиваются, подбиваютъ напасть на казенки и на съѣстные лавки. Въ одномъ мѣстѣ, слышу, посачь ораторствуетъ: «Ну, давайте, братцы, хоть одну съѣстную разобьемъ, закусокъ достанемъ. Все равно, грабители—купцы отъ насъ наживаются! Наше добро, братцы, наша кровь!»—«Ребята,—кричатъ наши,—сшивай (бей) чертову сволочь! Чего она смущаетъ честной народъ!» Набросились на посача,—еле ноги уволокъ.

А за угломъ ужъ, слышимъ, стекла бьютъ, ставни

ломаютъ. Громятъ лавку. А подальше монополька уже разграблена. Водка льется, море разлитое. И посачи и нашъ братъ, уже натрескавшись, кричатъ: «Бей, пей! Одинъ отвѣтъ! Не жалѣй Романовскаго добра!» Стали мы съѣстную лавку отстаивать, надавили на пьяныхъ. А хозяинъ струсилъ, изъ окна товаръ свой выкидываетъ, бутылки съ виномъ, баранки, колбасу. Народъ внизу ловить. Свалка, крики, визгъ, пьяный хохотъ.

Какъ увидалъ я, что матросъ къ водкѣ припалъ, всосался въ нее, подлую,—сразу понялъ—конецъ всему. А тутъ и пожары начались,—съ пьяныхъ глазъ поджигать стали.

— Да, ужъ водка, это пропащее дѣло,—подтверждаетъ какой-то другой матросъ,—и сейчасъ же эхомъ отзываются остальные: «Все она, подлая! Первымъ дѣломъ всю ее въ море выльемъ, какъ снова начинать доведется!»

— Туда ее!

Снова и снова возвращаются къ бунту. И мало-помалу передъ нами, слушателями, встаетъ во весь ростъ эта жуткая картина разбушевавшейся стихіи.

Головня, подброшенная въ пороховой складъ. Что значила эта выходка со стороны роты пѣхотинцевъ съ фельдфебелемъ во главѣ? Прорвалось накопившееся подъ вліяніемъ необычайныхъ событій возбужденіе? Или то была сознательная провокація? Разобрать мудрено. Зато все остальное такъ понятно, такъ естественно вытекаетъ изъ этого начала.

Возбужденные сценой ареста, стрѣльбой и вѣстями, что «нашихъ бьютъ», матросы врываються въ свои экипажи (казармы) и вооружаются. Офицеры—на-утекъ. Матросы вслѣдъ имъ гогочутъ и улюлюкаютъ. Кое-кто кидается къ офицерскимъ квартирамъ и громить ихъ. Остальные валяютъ толпой на улицу, смѣшиваются съ городскими подонками,—и вскорѣ сами превращаются въ настоящихъ хулигановъ.

Я живо представляю себѣ этотъ переворотъ въ душѣ простаго малосознательнаго матроса. Такъ это необычно и такъ, должно быть, неудержимо притягательно—вырваться, быть-можетъ, въ первый разъ въ жизни, изъ крѣпкихъ желѣзныхъ рамокъ казарменнаго режима,—и дать полную волю взбудораженнымъ, разошедшимся страстямъ. Безъ думъ, безъ размышленій, безъ страха и загадываній въ будущее,—просто отдаться клокочущему чувству мести, упиться безграничной свободой, сознавать себя стихійной, безудержной силой. Стрѣлять, убивая этимъ послѣднюю искру смѣлости въ офицерахъ; рвать, ломать, разрушать все кругомъ; пить, пѣть, кричать безцѣльно, бѣжать куда-то; встать въ окнѣ монопольки и бросать съ высоты бутыл-

ку за бутылкой, бросать съ ожесточеніемъ, съ радостью, съ ненасытнымъ весельемъ, и слышать, какъ дребезжитъ и звенитъ бьющееся стекло, или видѣть, какъ ловко подхватываютъ бутылки протянувшіяся внизу жадныя руки.

Что имъ, этимъ обезумѣвшимъ отъ вина и возбужденія, что имъ за дѣло, что революція ими опозорена, обезчещена, что лозунгъ свободы затоптанъ ими въ грязь?

Такія думы тревожатъ лишь Калмакова и его немногочисленныхъ друзей. Чувствуя свое безсиліе, они кидаются за подкрѣпленіями. Увы, безуспѣшно! Къ минерамъ не проберешься, потому что разведенъ подъемный мостъ. На форты, къ артиллеристамъ, не проѣдешь, такъ какъ уведены катера. Арсеналъ занятъ сильной стражей. Этотъ рядъ неудачъ наполняетъ ихъ души отчаяніемъ. Но они все-таки пытаются то тутъ, то тамъ отвлечь темныхъ людей отъ пьянаго дѣла. Только—что могутъ они, ничтожная горсточка!

— Что ты зря палишь? Только на вольныхъ (штатскихъ) страхъ наводишь.

— А ежели мнѣ эдакъ нддрравится! Вотъ хочу у Ваньки Кронштадтскаго часы съ собора сшибить.

И матросъ продолжаетъ стрѣлять, отмахнувшись отъ непрошенныхъ указчиковъ.

А что же власти, жрецы дисциплины и блюстители порядка? Безъ труда помѣшавъ всѣмъ попыткамъ сознательныхъ, они пасуютъ передъ возбужденной толпой. Въ одномъ мѣстѣ показались было драгуны, но встрѣченные гиканьемъ и градомъ камней, пришпорили лошадей и скрылись. Боевая полуроты, на обязанности которыхъ слѣдить за порядкомъ въ городѣ, чувствуютъ свое безсиліе и держатся въ сторонѣ отъ бунтующихъ улицъ. Высшее начальство засѣдаетъ гдѣ-то въ безопасномъ мѣстѣ и требуетъ войскъ изъ Питера.

Никто и ничто не мѣшаетъ пока громиламъ. Напротивъ, все кругомъ какъ бы поощряетъ ихъ; и эта угодливость напуганныхъ обывателей, и эти возбуждающіе крики и призывы, и весь этотъ пьянящій хаосъ и шумъ. И бушуетъ стихія на полномъ просторѣ больше двухъ сутокъ, почти до полного насыщенія.

У татарскихъ рядовъ погромъ въ полномъ разгарѣ. Солдаты, матросы, хулиганы, женщины—всѣ смѣшались въ одну кучу. Одинъ громила напяливаетъ новое платье. Другой, не торопясь, складываетъ награбленные вещи въ щегольской чемоданъ. Подъ ногами валяются куски разорванной матеріи. Летятъ пустыя жестянки отъ консервовъ. Закинувъ голову, матросъ сосетъ изъ бутылки дорогую мадеру. Нищенка прячетъ въ котомку золотыя вещи, которыя ей передаетъ торопливо посачъ. Въ воздухѣ стоитъ

гулъ отъ криковъ, хохота, свиста, отъ падающихъ горящихъ балокъ неподалеку. Клубится и стелется дымъ; пламя кидаетъ зловѣщіе отблески.

У музыкальнаго магазина граммофонъ играетъ арію Ленскаго. Меланхолическая музыка Чайковскаго то пропадаетъ, то вновь появляется среди общаго шума. Вокругъ разсѣлись кучкой матросы. Блаженные, пьяныя улыбки. По рукамъ ходитъ бутылка «очищенной». Одинъ изъ слушателей начинаетъ подпѣвать:

«Ахъ, зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша!»

— Эй, голова! Да ты совсѣмъ не ту ноту тянешь!

— Буде!—бормочетъ въ отвѣтъ пѣвецъ:—Было время—мы имъ подтягивали, а теперь пускай-ка они попадаютъ намъ въ ноту!

Поодаль матросъ обнимаетъ солдата, мѣняясь съ нимъ скрипкой на гитару. Послѣ мѣны каждый ставитъ могоарычъ, пьютъ и обнимаются.—Братья мы теперь. Сухопутный ли, флотскій ли,—все едино. Отъ начальства-то одинако терпимъ.—У васъ ли, у насъ ли начальство,—все едино сволочь на сволочи!

Въ результатѣ бунта (по даннымъ обвинительнаго акта): убитыхъ и умершихъ отъ ранъ 24 чел., раненыхъ—74, сожженныхъ—2 камен. и 2 дерев. дома. Сожжено и разграблено—120 торг. и промышл. заведеній и нѣсколько частныхъ квартиръ.

Мелкія поврежденія въ Морскомъ Собраніи и въ библіотекѣ, въ двухъ офицерскихъ флигеляхъ и въ нѣсколькихъ казармахъ.

Пришли въ себя власти, заняли свои мѣста бѣжавшіе были офицеры, вылезли изъ своихъ угловъ и «шкуры» (сверхсрочные унтеръ-офицеры).

Пришли въ себя и матросы, запертые въ казармахъ, въ тюрьмахъ и на фортахъ. Одни съ похмѣлья протирали глаза. Другіе метались по камерамъ, какъ раненые звѣри, хватаясь за голову и тщетно стараясь понять,— какъ же это такъ вышло? какъ они, сознательные, не сумѣли во время сдержать стихію? И только ничѣмъ неисправимые балагуры и весельчаки упражняли свое остроуміе, безъ конца черпая для него пищу въ только что минувшихъ событіяхъ.

Съ какимъ жаднымъ, все растущимъ интересомъ вслушивалась я въ эти матроскія рѣчи, пересыпанныя шутками и прибаутками, сверкающія, словно самоцвѣтные камни, яркими образами и неожиданными сравненіями! Словно бурные горные ручьи, отдѣльные короткіе рассказы и замѣчанія встрѣчались перекрещивались, сливаясь въ

общій потокъ, еще болѣе бурлящій то веселымъ юморомъ, то гнѣвной, сдержанной силой

Яркой радугой, широко обнявшей весь горизонтъ, рисовалось для меня въ этихъ рѣчахъ будущее, когда осознавшая себя матроская и солдатская сила поможетъ русскому народу проложить себѣ широкую дорогу впередъ, къ свѣтлымъ перспективамъ свободной жизни. Въ вѣстѣ съ тѣмъ слышались въ нихъ далекіе раскаты грома, зловѣщіе предвѣстники грозы, какъ будто надвигалась тяжелая свинцовая туча озлобленія, прорѣзаясь зарницами гнѣва и зрѣющей мести—безжалостной и безпощадной.

Я вижу, какъ стянуты мускулы на лицѣ Калмакова, какъ сведены его брови. Жжетъ его душу позоръ, покрывшій матроса, жжетъ мысль о томъ, во что выродилось святое дѣло, о которомъ онъ такъ долго и такъ сосредоточенно мечталъ... Скорѣй, скорѣй, нужно поправить дѣло, смыть нестерпимый позоръ!

ГЛАВА II.

На перепутьи.

Это свиданіе съ матросами, эти разговоры, эти рассказы, — и въ заключеніе, — ихъ просьбы, ихъ молебны придти къ нимъ на помощь — словно перевернули меня.

Такъ живо представилось мнѣ, что народъ, это — былинный Илья Муромецъ, сиднемъ просидѣвшій не «тридцать лѣтъ и три года», а цѣлыя вѣка, и ждущій только, чтобы прохожій сказалъ ему вѣщее слово: «Встань, подымись, разогни свою мощную спину, испробуй непочатую богатырскую силу и убѣдись, что ты все можешь, если захочешь»!

Что такое я, что такое кучка товарищей, отдавшихъ дѣлу свободы и социализма, что всѣ мы въ сравненіи съ этимъ гигантомъ, не сознающимъ своей силы? Ничто... И все же онъ молить насъ о помощи, какъ левъ, попавшій въ тенета, молилъ ничтожную полевую мышку перегрызть сковывавшіе его путы. Да, онъ бьется въ тенетахъ незнанія, и мы, только, мы, на чью долю выпало счастье припасть къ родникамъ науки, подойти къ источникамъ свѣта человѣческаго разума, можемъ помочь ему. И мы должны. Да, должны. Ибо если не мы, то кто же? И если не теперь, то когда же?

И еще вспомнилась мнѣ старая сказка о спящемъ царевичѣ въ огромномъ заколдованномъ царствѣ. Надъ нимъ тяготѣютъ чары, въ его волосы воткнута волшебная булава. Надо только пробраться къ нему черезъ всѣ

препятствія—военное положеніе въ Кронштадтѣ, полицейскую охрану, тучи соглядатаевъ и шпионовъ — и вынуть эту злую булаву. Царевичъ тогда проснется и самъ раздѣлается со своими врагами и со всѣмъ ихъ злымъ волшебствомъ. Темнота, отъ которой страдаютъ, на которую жалуются кронштадтскіе матросы, — вотъ она, роковая булава!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ пришли на память и старые споры съ товарищами, студентомъ Дмитріемъ и рабочимъ Никитой, которые еще раньше убѣждали меня ѣхать съ ними въ Кронштадтъ. Въ ихъ рѣчахъ Кронштадтъ всегда выплывалъ изъ тумана обвѣянный чѣмъ-то мистическимъ — могучій, величественный, загадочный. Въ ихъ отношеніи къ нему было трогательное сочетаніе чисто материнской нѣжности и почти религіозныя обожанія. Свой энтузіазмъ они пытались вдохнуть въ меня.

— Доминирующее положеніе... Опорный пунктъ для возставаго флота... Ключъ къ столицѣ... Близость къ зимней и лѣтней резиденціямъ царя... Ультимативное требованіе созыва Учредительнаго Собранія, предъявленное властнымъ голосомъ двѣнадцати-дюймовыхъ морскихъ орудій...

Воскресаютъ въ головѣ эти обрывки фразъ, вмѣстѣ со всѣми этими «тактическими, стратегическими» и еще какими-то военными терминами, не до конца понятными и оттого еще болѣе внушительными и грозными.

Тогда я всѣмъ своимъ существомъ противилась, упиралась передъ этими соблазнительными пересpektивами, раскрывшими настежь двери — въ который разъ! — радужнымъ надеждамъ и пылкой вѣрѣ. Слишкомъ ужъ устала, истомилась душа отъ неудачъ, отъ гнета всѣхъ кошмаровъ русской жизни — казней, разстрѣловъ, карательныхъ экспедицій, грубыхъ насилій и утонченныхъ звѣрствъ, крови и грязи, — и отъ всей атмосферы случайностей и неожиданностей, безсильными жертвами которыхъ, какъ игрушками капризной стихіи, являлись, казалось, всѣ мы. Терялась вѣра, сила враждебныхъ намъ обстоятельствъ вырастала въ нѣчто неизмѣримо грозное, огромное, — и мы передъ нею оказывались какими-то карликами, тщетно хватающимися за колеса исторіи, чтобы быть ими раздавленными и отброшенными куда-то въ сторону и лежать тамъ съ перебитымъ спиннымъ хребтомъ въ прахѣ и пыли.

Въ разговорахъ съ Дмитріемъ и Никитой всякій разъ предо мною вставала въ особенности одна картина изъ недавняго прошлаго. Маленькій губернский городъ въ глухой провинціи, куда тоже докатилось, расходясь концентрическими кругами отъ столицъ, всеобщее волненіе.

Здѣсь творится нѣчто ранѣе неслыханное. Соціалистическіе ораторы открыто выступаютъ на массовыхъ митингахъ. Чуть не полсотни агитаторовъ разъѣхалось по деревнямъ. Безпрепятственно работаютъ двѣ, даже три соціалистическихъ типографіи, выпуская горы листовъ, которые открыто продаются, раздаются и кипами рассылаются въ деревню. Собирается губернской сѣздъ Крестьянскаго Союза. На сѣздѣ являются привѣтственные депутаты отъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, и публично обѣщаютъ поддержать народъ, если понадобится, силою штыковъ.

Какъ хорошо все шло, пока дѣло оставалось въ области словъ! Какъ мощно росло движеніе! Какимъ энтузіазмомъ горѣли сердца! Какъ властно звучало убѣжденное слово нашихъ ораторовъ, вожаковъ, лидеров! Такъ вѣрилось имъ и такъ вѣрилось въ нихъ. Вотъ, казалось, люди, которые знаютъ и цѣль и пути къ ней. Кто имъ не ввѣрилъ бы себя всецѣло, кто не пошелъ бы за ними всюду, за ними, кого толпа готова была на рукахъ носить!

И вдругъ... какой страшный, какой подавляющій контрастъ! Отъ словъ вдругъ пришлось перейти къ дѣлу; и перейти въ такой моментъ, когда все ясное вокругъ вдругъ сдѣлалось темнымъ, все понятное—дико бессмысленнымъ, все простое—бесконечно сложнымъ. Откуда-то вдругъ надвинулся черный туманъ, темныя силы заполонили все. Въ городѣ странная стукотня выстрѣловъ, то и дѣло говорить о новыхъ убитыхъ и раненыхъ, пляшутъ передъ глазами эти зловѣщія цифры. И солдаты, тѣ самые солдаты, что два дня тому назадъ клялись въ вѣрности народу,—это они обагрятъ кровью мостовыя площади и улицы. А вотъ и толпа. Она по прежнему сильна числомъ, передъ глазами мелькаютъ сотни лицъ. Но какіе же всѣ они другіе! По истинѣ стадо безъ пастыря! Они ищутъ глазами тѣхъ, отъ кого привыкли ждать указаній, и словно молятъ: «Скажите же намъ, что дѣлать! Ведите насъ!»

Вести? Куда? Какъ?.. Они были хорошими проводниками съ соціалистической кафедры, бродячими лекторами импровизированнаго всенароднаго политическаго университета—эти ихъ руководители. Но какъ имъ превратиться въ офицеровъ, въ полководцевъ уличнаго движенія? Они умѣли побуждать темныя силы въ словесномъ бою, умѣли двигать аргументы противъ аргументовъ, группировать въ стройные ряды доказательства, бомбардировать горячими, краснорѣчивыми доводами,—но и только. И я помню, какъ чуть не скрежеща зубами отъ безсилія, хватался въ отчаяніи за голову человѣкъ, который еще вчера какъ диктаторъ держалъ въ своихъ рукахъ тысячную

толпу. Въ моментъ дѣйствія онъ оказался неподготовленнымъ, застигнутымъ врасплохъ, банкротомъ,—пусть не злостнымъ, а несчастнымъ банкротомъ, но развѣ это мѣняетъ самый фактъ? И развѣ отъ этого легче толпѣ, которая въ него такъ безпредѣльно вѣрила, и которую онъ, самъ того не желая и не ожидая, такъ жестоко обманулъ?

Холодная дрожь пробѣгала по мнѣ при этихъ воспоминаніяхъ. И я неизмѣнно отвѣчала товарищамъ: «Намъ вѣхать въ крѣпость, въ первоклассную морскую крѣпость? Захватывать ее въ наши слабыя, неопытныя руки? Да что мы понимаемъ въ военномъ дѣлѣ? Куда мы тутъ гонимся? Нѣтъ, товарищи, не поѣду я, да и вамъ не совѣтую. Братъ дѣло не по силамъ—хуже, чѣмъ ошибка; это, быть-можетъ, преступленіе».

И въ самомъ дѣлѣ, ну что можемъ дать мы военнымъ—солдатамъ и матросамъ? Въ рабочихъ кварталахъ мы какъ у себя дома. Рабочее движеніе имѣетъ ясныя задачи и перспективы, имѣетъ и готовые образцы, данные другими, передовыми странами. Тамъ—вѣковѣчная борьба труда съ капиталомъ, о которой говорится въ сотняхъ книгъ, въ тысячахъ журнальныхъ статей. Но военный міръ—развѣ это не совершенно новая, невѣдомая область, со своими особыми условіями, особымъ бытомъ, даже особой психологіей? Одно уже то, что здѣсь имѣешь дѣло съ вооруженными людьми, надъ которыми нависла желѣзная дисциплина, и, значить, столкновеніе между ними и ею ежеминутно можетъ разразиться бурей кровопролитнаго возстанія,—развѣ это не роковой подводный камень?

Никита злится, что не можетъ никого найти для Кронштадта и всю злость на другихъ вымещаетъ на мнѣ. Онъ ворчитъ что-то объ интеллигентахъ, которые умѣютъ только мудрить да критиковать и которыхъ надо упрашивать, чтобы они помогли, чѣмъ могутъ «нашему брату, простому человѣку—рабочему, солдату, матросу». Ворчитъ что-то о партіяхъ, которыя «умѣютъ разводить словесность, а гдѣ начинается настоящее дѣло, тамъ ихъ и нѣтъ». Въ немъ, какъ всегда, когда онъ недоволенъ и хочетъ сорвать на чемъ-нибудь сердце, просыпается старое сословное отчужденіе «черной кости» отъ «бѣлой», фрондированіе рабочаго противъ интеллигента. Мои сомнѣнія для него не болѣе, какъ простая интеллигентская блажь.

Дмитрій тоже досадуетъ, но у него это выходитъ иначе: онъ пробуетъ подойти мягче, примирительнѣе. Онъ доказываетъ, что наша роль въ Кронштадтѣ будетъ лишь ролью простыхъ помощниковъ. Вопросы о прямой борьбѣ, о подготовкѣ и планѣ возстанія—все это будетъ разрабатываться самими матросами, т. е. самыми развитыми и ин-

теelligentными изъ нихъ. Военное дѣло имъ знакомо,—здѣсь имъ и книги въ руки. Но они нуждаются въ ораторахъ, въ пропагандистахъ, въ книжкахъ, въ людяхъ, умѣющихъ написать прокламацію, наконецъ, въ людяхъ, вообще знающихъ технику революціоннаго дѣла—надо вѣдь завести конспиративную квартиру, соорудить маленькую типографію, поддерживать связи съ другими городами при помощи всѣхъ этихъ явокъ, паролей, шифровъ для переписки и т. д. и т. д.

Съ доводами Дмитрія нельзя было не считаться. Не работа пугала меня. Съ какимъ наслажденіемъ я ушла бы въ нее съ головой, чтобы не думать, не терзаться сомнѣніями и колебаніями. Но вопросъ въ томъ, какъ работать? Кто возьметъ на себя все бремя отвѣтственности, предоставивъ мнѣ только исполнительную роль, роль чернорабочей въ революціи? Кто избавитъ отъ необходимости продумать все самой, отъ начала до конца, чтобы убѣдиться и увѣровать? Никто.

Такъ думалось мнѣ. И я находила въ себѣ каждый разъ достаточно силы, чтобы устоять передъ уговорами Никиты и Дмитрія.

И вотъ это собраніе. Оно сломило всѣ мои сомнѣнія, оно рѣшило мою участь. Эта бурливая, клокочущая стихія сразу захватила меня. Нельзя было не заразиться электричествомъ, исходившимъ изъ этихъ тридцати паръ глазъ. И какихъ глазъ! То дѣтски наивныхъ, широко раскрытыхъ то полныхъ жизнерадостнаго юмора, то упорно сосредоточенныхъ, впивающихся, словно гвозди, глазъ, обращенныхъ на тебя съ надеждой, съ настойчивой просьбой... нѣтъ, съ требованіемъ!

Да, они не просили, они требовали нашей помощи, они почти грозили.

— Ходуномъ все ходитъ у насъ, поймите вы! А ну, если прорвется снова, какъ по осени! Что тогда? И кровь понапрасну прольется, и Кронштадтъ для революціи будетъ потерянъ. Кто же, будетъ въ отвѣтъ?

— Коли не вы: кто же поможетъ? На то вы и есть интеллегенты! Вамъ по книжкамъ все видно. А мы развѣ знаемъ, какъ подступить къ дѣлу, какъ ее, революцію-то устроить?

— Эхъ-ма! Да что говорить! Большой грѣхъ на свою совѣсть возьмете.

И уже готовы отойти, сумрачные, угрюмые. И вспоминаются мнѣ Некрасовскіе мужики-просители:

И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: «Суди, его Богъ!»
Разводя безнадежно руками,

И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

— Думали, сидючи въ Арестномъ, что всѣ вы, на волѣ, которые сицилисты, заодно, и хоть сейчасъ за народъ въ огонь и въ воду. Анъ, стало какъ до дѣла доходить, тутъ васъ и не сыщешь.

— Видно не жаль имъ нашего брата!..

Какъ устоять передъ этой трагедіей? Что передъ нею моя личная трагедія, моя неувѣренность, мой страхъ передъ отвѣтственностью? И что можетъ быть притягательнѣе, чѣмъ наивная рѣчь вотъ этого чернаго пречернаго матроса, загорѣлаго, закоптѣлаго,—который съ застѣнчивой и дѣтски довѣрчивой улыбкой дѣлится со мною своимъ восхищеніемъ и своимъ недоумѣніемъ.

— И хорошо же дѣлается, когда про все этакое—такое узнаешь,—таково легко да радостно, словно весь міръ свѣтлѣетъ. Мнѣ такъ думается: каждый, коли только ввести его въ это понятіе, сейчасъ же долженъ социалистомъ задѣлаться, не такъ что-ли?

Я, усмѣхаясь, говорю ему что-то о фабрикантахъ, помѣщикахъ, чиновникахъ, которыхъ голосъ выгоды дѣлаетъ глухими къ правдѣ. Но онъ не внимаетъ:

— А по моему, они просто проморгали ее, правду-то, не вслушались въ нее ни разу какъ слѣдуетъ. А вотъ только бы сумѣть раскрыть имъ глаза, насторожить ихъ уши,—да какой бы онъ тамъ ни былъ фабрикантъ, либо офицеръ, или хотъ самый набольшій изъ министровъ,—противъ настоящей правды никто не устоитъ. Нѣтъ, никакихъ тутъ силъ не хватитъ. Упрись ка тутъ, пойдика-ка противъ сущей-то правды,—да послѣ этого совѣсть до конца загрызетъ, свѣтъ божій не милъ будетъ, и самъ себѣ опротивѣешь! Вотъ только,—и тутъ голосъ его понизился до интимнаго полушопота,—вотъ только вашего брата должно больше быть, чтобы всѣхъ до просіянія совѣсти довести, чтобы всѣмъ показать все, какъ есть, что и къ чему...

И такимъ-то людямъ подать камень вмѣсто хлѣба? Оттолкнуть протянутую руку? Нѣтъ и нѣтъ! Я чувствовала, что вся моя твердость исчезла, что всѣ мои самыя непоколебимыя рѣшенія куда-то рухнули. И кто осудитъ меня за это? Какой крѣпости долженъ быть человѣкъ, чтобы устоять противъ такихъ рѣчей, противъ этихъ, то довѣрчиво ждущихъ, то настойчиво требующихъ глазъ? Какъ не потянуться къ нимъ всѣми силами—пусть послѣдними силами—души, какъ бы ни была она измучена и устала?

Да, это сильнѣе всѣхъ моихъ сомнѣній. Они не разсѣяны, но далеко отгѣснены. Будь, что будетъ. Я не имѣю права не откликнуться на властный зовъ жизни. Я ѣду.

ГЛАВА III.

Прыжокъ въ неизвѣстность.

Яркій весенній день. Распускаются тополи. Мягкій, насыщенный смолистымъ ароматомъ воздухъ сладко вливается въ грудь, наполняя тѣло ощущеніемъ бодрой радости. Весна принарядила чиновничій городъ; все радостно блеститъ и улыбается, улицы запружены народомъ. Солнце расправило морщины на лицахъ. Ослѣпленные яркимъ свѣтомъ, шуряются и ласково горятъ глаза.

Съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, всѣмъ моимъ богатствомъ, уже съ часъ, какъ хожу по толкучкѣ, приглядываясь и прицѣпываясь къ подходящей для меня одеждѣ: въ Кронштадтѣ я должна буду жить подъ видомъ прислуги, въ одной знакомой товарищамъ семьѣ. Къ огорченію старья почти нѣтъ, а новое все дорого. Послѣ отчаянной торговли покупаю наконецъ широкую кофту—«распустиху» густо розоваго цвѣта, бѣлый платокъ съ калужскими разводами и бѣлый фартукъ. Потомъ долго стою надъ соблазнительно разложенной синей юбкой: густо набранная, въ поясѣ, широкая, она какъ разъ отвѣчаетъ моимъ цѣлямъ.

Прямо съ базара захожу къ знакомой старушкѣ, моей бывшей хозяйкѣ, маслю деревяннымъ масломъ волосы, зачесываю ихъ туго за уши, свиваю жгутомъ на маковкѣ. Подъ широкую старомодную жакетку набиваю, сколько влѣзетъ, нелегальныхъ книгъ и такимъ образомъ сразу превращаюсь въ толстую бабу.

Появляется въ дверяхъ товарка, живущая у этой же хозяйки. Она иронически оглядываетъ меня со всѣхъ сторонъ:

— Ну скажи, пожалуйста, за какихъ дураковъ принимаешь ты и шпиговъ и всю публику? Не поймутъ они твоего маскарада? Руки, лицо, говоръ,—все, все выдаетъ тебя. А въ Кронштадтѣ еще военное положеніе,—значитъ сугубая слѣжка. Да ты и доѣхать не успѣешь, съ парохода снимутъ. Ряженую революционерку поймали! То-то будетъ потѣха.

Искаженное мукой смотреть изъ зеркала мое лицо. А глаза! И это прислуга! Заставляю себя улыбнуться,—фальшивая, жалкая улыбка! Руки вылѣзаютъ изъ поднявшейся на плечахъ отъ книжекъ жакетки. Такъ же несуразно торчатъ свернутые на макушкѣ волосы. А какъ имъ надо лежать, не ухватишь. А сердце ноетъ, ноетъ...

Да кто же я наконецъ: глухая фантазерка, или еще того хуже—легкомысленная преступница, играющая чужими жизнями? Вѣдь, проваливаясь въ Кронштадтѣ сама, я неминуемо потяну за собою массу военныхъ, съ которыми буду связана!

Въ отчаяніи опускаюсь на стулъ.

— Да полноте убиваться! —успокаиваетъ старушка хозяйка:—И вовсе даже хорошо, —всамдѣлишная прислуга!

Скорѣй, скорѣй на пароходъ! Это питерскія болячки вонзаются въ меня! Море вылѣчитъ вдохнетъ бодрость, дастъ силы и умѣнье. Скорѣй въ кронштадтъ!

Старушка въ послѣдній разъ заботливо оправляетъ мой костюмъ. Въ ея глазахъ я читаю тайную тревогу, но съ чисто материнской чуткостью она оберегаетъ мой покой и крѣпится. Только при прощаньи не выдерживаетъ: долго креститъ меня дрожащей рукой, шепча молитву, а слезы бѣгутъ и бѣгутъ по щекамъ.

И вотъ я уже иду по широкимъ, полнымъ народа улицамъ столицы.

— Колобокъ, колобокъ! Я тебя съѣмъ! —разставивъ короткія руки и широко улыбаясь заросшимъ ртомъ, неожиданно преграждаетъ мнѣ дорогу пожилой подвыпившій рабочій: Те-те-рушка! Ма-ма-ка!

Молча отстраняю его руки, боясь, какъ бы онъ не нащупалъ книжки подъ кофтой. Полуобернувшись, рабочій грозитъ мнѣ пальцемъ:

— Я ти, каналюнчикъ, я ти-и! Чѣмъ ти Ванъ Якимычъ не пригожъ? Ну, докажи-ка!

Ближе къ пристани, чаще обгоняютъ извозчики. Обложившись картонками, пакетиками, зонтами, спѣшатъ дамы. Откинувшись къ спинкѣ сидѣнья и прищурившись, глядятъ по сторонамъ морскіе офицеры. Какъ и я,—съ узелками подъ мышкой, съ корзинками, мѣшечками, коробками, плетушками,—бѣгутъ мѣшанки и прислуга. Словно вода въ воронку, пестрыми струями всѣ текутъ въ переулочъ, выходящій на набережную.

Вотъ, наконецъ, и пароходъ, небольшой за зиму отремонтированный, блещущій вычищенными мѣдяшками. По сходямъ вздъ и впередъ шмыгаютъ носильщики. Въ воздухѣ стоитъ разногласый говоръ, смѣхъ, ругательства.

Чувствую, какъ съ каждымъ шагомъ тяжелѣютъ ноги и кружится голова отъ подступившей къ сердцу тревоги.

Машинально беру билетъ и пробираюсь на палубу. Здѣсь богомольцы и матросы, солдаты, торговки.

Итакъ, все кончено: я ѣду. Ёду въ страшный Кронштадтъ. Но вѣдь это же безуміе, безуміе! —кричитъ все во мнѣ. Мнѣ ли, женщинѣ, тамъ мѣсто! Крѣпко ухватываюсь за край лавки, чтобы не рвануться; хочется бѣжать, бѣжать, пока не поздно...

— Эй, подвинь монатки-то, фефела! —кричитъ мнѣ торговецъ, навьюченный со всѣхъ сторонъ товаромъ:—Ишь, разсѣлась съ хламомъ! Барыня, подумаешь.

Давка стоитъ неимовѣрная. Пароходъ пронзительно свиститъ и отчаливаетъ. Съ берега кричатъ, машутъ платками. Какая-то бабенка съ краснымъ носомъ горько плачетъ.

Стою на верхней палубѣ, прощаюсь съ Питеромъ. Бойко бѣжитъ пароходъ, оставляя послѣ себя вспѣнный слѣдъ и чуть замѣтно вздрагивая отъ мѣрнаго уханья машины. Миновали Васильевскій Островъ, Гавань, Франко-Русскій заводъ. Стало замѣтно свѣжѣе. Вотъ и взморье. Какая ширь впереди! Какъ глубоко и полно здѣсь дышится!

Мои предчувствія не обманули меня: этотъ воздухъ, этотъ просторъ, даже этотъ ритмъ машины словно бальзамъ полили на мои болячки. Что-то радостное уже трепещетъ и рвется изъ глубины души. Нѣтъ, я не должна поддаваться сомнѣніямъ: не страшенъ Кронштадтъ, не страшно и военное положеніе и, если случится, даже военное возстаніе. Вѣдь я же ѣду на самую черную, самую неотвѣтственную работу.

Публика уже уgomонилась. Тѣсными группами, въ ветхой и пыльной одеждѣ, сидятъ богомольцы. Дальняя дорога разморила кости, сѣрые сумки съ сухарями оттянули нагруженные плечи. Широко открытыми, наивными глазами глядятъ на тающій вдаль городъ, на пробѣгающія срѣдка пароходы и парусныя лодки. Все имъ ново и дивно. Будетъ имъ о чемъ поразсказать въ долгіе зимніе вечера, когда они вернутся въ свои убогія лачуги, затерянные въ глухихъ русскихъ лѣсахъ.

Вблизи отъ меня усаживается компанія матросовъ. Всѣ на-веселѣ, перекидываются съ женщинами двусмысленными шутками, подмигиваютъ, глядятъ вызывающе. Вздыхаю: не такими хотѣлось бы мнѣ видѣть ихъ въ сегодняшній, столь важный для меня день.

Торговецъ, навалившійся на меня съ товаромъ, заговариваетъ со мною. Прислуги мѣщанки пристають къ разговору. Я ликую: эти люди принимаютъ меня за свою, мой маскарадъ не замѣченъ.

Ко мнѣ подлетаетъ, поймавъ мой взглядъ, матросъ-блондинъ, на котораго я залюбовалась—такой удачью и смѣлостью вѣяло отъ его рѣчей, и движеній, отъ всей его стройной фигуры.

— Наше вамъ! Ручку, мамзель, пожалуйста! Желая съ вами знакомство завести.

Чувствую, какъ краска заливаетъ мое лицо. Точно на сценѣ—въ трудной, незнакомой роли, пронизанная десятками испытующихъ взглядовъ. Не знаю, что сказать. Съ усиленіемъ подымаю голову. Солнце бьетъ въ глаза, заливая морскую ширь золотою рябью. Фиолетовой дымкой подернуть горизонтъ.

— Скачешь больно быстро!—сбравъ все присутствіе духа бросаю я визгливо, стараясь поддѣлаться подъ манеры горничныхъ.

— Что, кавалеръ, получилъ? — добродушно смѣется сосѣдка-мѣщанка.

— Мы, матросы, народъ быстрый... Аль «круп» больше приглянулась?

Не знаю, кого онъ «крупой» величаетъ, и чтобы скрыть смущеніе, повертываюсь къ низенькому чернявому матросику, товарищу блондина. Послѣдній мнѣ положительно страшенъ съ своимъ острымъ, какъ жало, языкомъ.

— Служивый, съ чего нынче матросы гуляютъ?

— А ты рази не кронштадтская?—сбоку оглядываетъ меня блондинъ.

— Ни.

— Не знаешь дѣловъ нашихъ, что гуляемъ передъ плаваньемъ? Деревенская что ли?

— Да, изъ деревни.

— Фунтъ-те мыла, де-ре-вен-ская!

Матросъ насмѣшливо присвистываетъ, съ особымъ удареніемъ подмигивая публикѣ. Со всѣхъ сторонъ слышится смѣхъ. Увидавъ въ числѣ смѣющихся большеглазую дѣвицу съ взбитыми буклями подъ шелковымъ платкомъ, блондинъ стрѣлой мчится къ ней. Дѣвица хихикаетъ, скаля изъѣденные зубы. А тотъ передъ ней извивается, разсыпаясь въ комплиментахъ:

— Погибаю отъ тоски, сохну отъ глазъ вашихъ пронзительныхъ, очаровательная прелестница! Дозвольте несчастному моряку забросить якорь въ ваше сердце и найти тамъ тихую пристань послѣ грозныхъ бурь кипучей жизни матроса!

Дѣвица жеманно поводитъ бровями.

— Вотъ заливаетъ!—восторженно, съ оттѣнкомъ зависти, восклицаетъ товарищ блондина, глядя на него живыми, дѣтски наивными глазами.

А блондинъ прикладываетъ руку къ сердцу, покручиваетъ молодецкато усь и сыплетъ, сыплетъ безостановочно:

— Уста ваши сладкія, какъ фунтъ патоки! Поцѣлуй обжигательные, какъ... какъ... Э, чортъ, сбился! Уста ваши, какъ шимоза, обжигательны! Глаза ваши...

Дальнѣйшую рѣчь обольстителя заглушаетъ пронзительный гудокъ парохода.

— Попробуй, попробуй! Я те обожгу физику! Я те покажу шимозу!—прорывается визгливый голосъ бойкой дѣвицы.

А море дышитъ полной грудью и бросаетъ на палубу свѣжія волны воздуха, богатое, дарящее. Словно хочется

ему спануть со всѣхъ вывезенную изъ городовъ скучную, сѣрую пыль, хочется омыть всѣхъ своей освѣжающей влагой.

Во все растущей вблизи меня толпѣ привлекаетъ внимание новая фигура.

— Хоть все спущу, что за зиму накопилъ, а ужъ душеньку распотѣшу! Ну и что? Ну и гуляю! Потому наше положеніе такое! А они въ толкъ не могутъ взять. Должонъ я на послѣдки разгуляться безъ препятствія, али нѣтъ? А? Ты мнѣ только про это скажи: должонъ али нѣтъ?—наступаетъ на сосѣда пожилой морякъ съ дубоватымъ и плотнымъ, какъ огурецъ, лицомъ, съ мѣшками подъ глазами.

— Зачѣмъ у него углы на рукахъ?—спрашиваю я черняваго матроса.

А блондинъ ужъ тутъ какъ тутъ:

— Слышь, Ваше Благородіе! Мамзель Матреша любитъ на счетъ треугольной нашивочки!—язвительно кидаетъ онъ въ сторону пожилого, дергаетъ его за локоть, и вызывающе глядитъ ему въ осовѣлые глаза, насмѣшливо прикладывая руку къ фуражкѣ.

Того точно обухомъ по головѣ ударили. Съ минуту онъ стоитъ молча. Весь ошетинился, ноздри раздулись, задвигались усы и крѣпкія челюсти, тяжело сопить, точно съ духомъ собирается. Наконецъ прорвался, — и какъ изъ трубы полилась отборная ругань.

Публика, жадная до скандаловъ, радостно хохочетъ.

— Ага!—злорадствуетъ высокій:—лизнулъ горячаго!.. Мамзель Матрешъ, господинъ «шкура», не желаетъ съ вами въ разговоръ вступать. Ну, такъ я сдѣлаю вамъ разъясненіе на нашемъ грубомъ нарѣчій. Углы, Матрешъ, обозначаютъ «шкуру», это значитъ который Иуда Христопродавецъ сверхъ срока остался, чтобы съ нашего брата шкуру тянуть и нашимъ врагамъ подлостью своей подслуживаться!

Съ рвущейся ненавистью блондинъ крутитъ дрожащими руками папироску.

Толстякъ, видимо, чувствуетъ себя не особенно увѣренно.

— А если зямли дома нѣту, куды подашься?—сдерживаясь спрашиваетъ онъ.

— Зямли!—съ презрѣніемъ передразниваетъ блондинъ:— Молчи ужъ! Эхъ ты, шкура барабанная!

Споръ разгорается. Какъ остро отточенные клинки съ одной стороны и какъ тяжелыя дубины съ другой, сыплются словесные удары, уснащаемые изворотливой бранью.

А немного поодаль кучка матросъ сидитъ на свернутомъ канатѣ съ бутылкой въ рукахъ и колбасой. Проходя мимо, прислушиваюсь.

— Времячко-то, да-а... поглядимъ!

— Пускай куражатся напослѣдки, а тамъ... можно и хвостъ на порогъ...

И въ широко раскрытый ротъ ловкимъ движеніемъ опрокидывается бутылка.

Вотъ она, масса въ своемъ натуральномъ видѣ! Брожу по пароходу, вся слухъ и вниманіе, затерянная въ толпѣ. Еще часть тому назадъ она была чужая мнѣ и опасная,—теперь уже чувствую себя ея частью.

А старая, затхлая жизнь тутъ же, рядомъ. Заглядываю, проходя мимо, въ окно второго класса. Оттуда холодно глянули на меня стеклянные глаза сѣдой, затянутой въ корсетъ дамы. А рядомъ съ ней скучающая дѣвица съ фальшивой улыбкой на губахъ. Поскорѣй прохожу дальше.

Подсаживаюсь къ юнымъ дѣвушкамъ въ бѣленькихъ платочкахъ; со скромно потупленными глазами. Но какъ я ни пытаюсь вовлечь ихъ въ разговоръ, онѣ сидятъ, словно воды въ ротъ набравши.

— Это изъ деревень набраны, строго съ ними обращаются іоаннитки, то онѣ всего и опасаются,—поясняетъ мнѣ рабочій.

Вслушиваюсь въ гнусавый речитативъ одной изъ іоаннитокъ.

—... И вотъ это, родимые, надумали эти самые студенты—сичилисты надъ нашимъ батюшкой этакую шутку сочинить. Прикинулись безбожники смиренниками, пришли это къ батюшкѣ...

И тянется, тянется долгое перечисленіе чудесъ Іоанна Кронштадтскаго заученнымъ, долбящимъ голосомъ.

— А то еще привелъ Господь, сама сподобилась узрѣть грѣшными очами,—разсказываетъ іоаннитка, благочестиво подымая при этомъ глаза вверхъ:— Пришелъ не владѣющій ногами человѣкъ: исцѣли, говоритъ, батюшка!..

— Какъ такъ?—не выдерживаетъ наконецъ кое-кто изъ слушателей:—Не владѣющій ногами, а пришелъ!

— Запуталась, матушка, опростоволосилась!

— На жалованьи, что ли, состоишь у батюшки? Нанялась про чудеса разсказывать?

На бабу въ изобиліи сыплются колкія замѣчанія и насмѣшки.

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! Отсохни твой языкъ! Разорвись утроба у твоей матери!

Перекошенный отъ злобы ротъ дебелой бабы изрыгаетъ невозможныя проклятія и ругательства.

Я взглядываю на дѣвушекъ,—и сердце во мнѣ сжимается. Трудно себѣ представить болѣе разительный контрастъ между ихъ дѣвической чистотой и невинностью и цинизмомъ ихъ руководительницъ.

Рабочіе кругомъ такъ и сыплють рассказами про іоаннитокъ. Въ то время, какъ со всѣхъ концовъ Россіи сотни тысячъ богомольцевъ стекаются къ «батюшкѣ»,—его приближенные,—цѣлый штабъ женщинъ самого низкаго пошиба,—пользуясь его именемъ, широко раскинули паучьи сѣти обмана, воровства и разврата.

— Святитель! Угодникъ!—негодуютъ рабочіе:—только нищихъ да бродягъ разводитъ! По его милости нашъ городъ сталъ прямо разбойнымъ гнѣздомъ!

Много нелестнаго выслушиваю я про іоаннитскій пріютъ. Но соблазненная его дешевизной, — три копейки въ сутки,—рѣшаю на первое время ткнуться туда.

ГЛАВА IV.

Въ Іоаннитскомъ пріютѣ.

Вотъ и Кронштадтъ. Вотъ три дамбы, какъ раскоряченные пальцы, далеко протянувшіяся въ море. Вотъ тряская таратайка, «кукушка» по мѣстному, куда взбираюсь со своимъ скорбомъ и я.

Потянулись улицы съ незатѣйливыми деревянными домиками, съ досчатыми заборами и пустырями. Въ окнахъ кисейныя занавѣски, горшки съ цвѣтами. У калитокъ постѣрѣвшія, мшистыя лавочки. Совсѣмъ словно небольшой провинціальный городокъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ Россіи. Только гдѣ-то совсѣмъ близко рокочетъ море. Только безпрестанно снующіе солдаты и матросы напоминаютъ о томъ, что это — Кронштадтъ, Вѣнецъ — Городъ, щитъ столицы.

А вотъ и шикарныя улицы потянулись. Соскакиваю съ трясучки, захожу въ редакцію мѣстной газеты, протягиваю заранѣе заготовленную бумажку:

«Марія Терентьева ищетъ мѣста», добавивъ внизу каракулями: «спросить Іоаннитскій пріютъ», и, поспѣшно отдавъ по таксѣ плату, бѣгу дальше.

Пріютъ. Толпы пьяныхъ на дворѣ. Попала было не на ту лѣстницу, мужчины загораживаютъ дорогу, хмыкаютъ, облапливаютъ. Еле нашла нужную дверь.

Строгія иконы по стѣнамъ, строгая «начальница», командиръ—баба. Мой паспортъ послѣ долгаго оглядыванья со всѣхъ сторонъ на свѣтъ и ощупыванья признанъ правильнымъ; мой визитъ въ Кронштадтъ—безсмысленнымъ, п. ч. и здѣшней прислуги хоть прудъ пруди, но въ виду моего желанія помолиться батюшкѣ тоже удостоенъ всемилостивѣйшаго признанія; указано мѣсто на общихъ нарахъ, гдѣ всѣмъ полагается спать вповалку, только подушка соломенная каждой особо.

— Сними пальто и ложись здѣсь!—командуетъ начальница.

Но какъ же я сниму пальто, когда я вся обмотана полотенцами и напичкана книжками! Торопливо поправляю платокъ на головѣ.

— Дозвольте сходить, публикацію пропечатать!

— Куды? Вотъ дура деревенская! Не видишь,—ночь на дворѣ!

— Нѣтъ, ужъ дозвольте! Мнѣ бы поскорѣе съ мѣстомъ этимъ. Боязно въ большомъ то городу. Пропишусь ужъ лучше.

Провожаемая общимъ смѣхомъ, спѣшно выхожу. Тускло мерцаютъ фонари. Кутаясь въ платокъ, шлепаю по лужамъ. Въ вечернемъ воздухѣ пахнетъ весной. Разыскиваю адресъ моихъ будущихъ хозяевъ. Вотъ и нужный мнѣ домъ. Кладу руку на скобку и замираю. Что за люди живутъ за этими дверьми? Какъ встрѣтятъ? Понравимся ли другъ другу? Стучусь.

Впускаютъ меня, оглядываютъ со всѣхъ сторонъ. Пока я освобождаюсь въ кухнѣ отъ книжекъ, долго шепчутся между собою.

— То-то же, что грѣхъ. Мы вотъ и такъ судимъ, и этакъ рьядимъ. Пользѣ дѣла охота поспособствовать, это главное; а другое,—за себя страхъ беретъ.

— Такъ и сказали Дмитрію: пока не оглядимъ ее, согласія нашего окончательнаго нѣту!—говоритъ хозяинъ.

Онъ среднихъ лѣтъ, съ типичной фигурой русскаго торговца. Грубовато-добродушно-хитрое лицо, массивная, изъ новаго золота, съ брелкомъ, цѣпь черезъ брюшко. Хозяйка гораздо моложе его, съ черными красивыми глазами, статная, легкая. Она усиленно потчуетъ меня чаемъ.

— Ишь вѣдь какая: дѣвка, какъ дѣвка!—безцеременно оглядывая меня, снова заговариваетъ «самъ».

— А вы думали—страшная?—смѣюсь я, не совсѣмъ-то ловко чувствуя себя подъ его взглядомъ.

— Да ты поостерегись, Иванычъ! Чай, барышня!—останавливаетъ она:—Зарубилъ свое: «дѣвка» да «дѣвка»!

— Да я ничего! Я къ тому вотъ, что нигдѣ, молъ, вывѣски не имѣется, что въ нутрѣ-то у нея.

Самоваръ уже ворчитъ и пыжится на столѣ, вкусно пахнетъ горячимъ ужиномъ, но вспоминаю про пріютъ, про пьяныхъ на дворѣ. Отказываюсь отъ чая и прошаясь, еще разъ совѣтую хозяевамъ подумать, прежде чѣмъ соваться въ такое дѣло. Уславливаемся такъ: завтра появится въ газетѣ моя публикація, и если они надумаютъ, барыня завтра же придетъ въ пріютъ нанимать меня.

Прощаемся довольно дружески. Хозяйка, запирая за мною дверь, шепчетъ: «Безпремѣнно приду».

Въ пріютѣ всѣ уже спятъ. Въ комнатѣ тусклый полумракъ. Тѣни отъ лампадокъ шевелятся тихо и таинственно. Стою подъ стѣной, превращенной въ иконостасъ, и истово прикладывая пальцы ко лбу, плечамъ и животу, отвѣшиваю низкіе поклоны. Мягкое мерцаніе свѣчей, вспыхивающая то тамъ, то сямъ позолота иконъ, запахъ горячаго воска и лампаднаго масла придають помѣщенію церковный характеръ. Какое-то особое настроеніе внутренней подтянутости и тишины охватываетъ меня.

Я не жалѣю, что пріѣхала. Только новому чувству радости и облегченія примѣшивается чувство смутной тревоги. То ли мысль о трудности будущей жизни вдругъ конкретно встала предо мною, то ли боязнь отвѣтственности снова заговорила. Еще перваго шага успѣла не ступить, а уже приходится брать на свою совѣсть этихъ совѣмъ наивныхъ, совѣмъ далекихъ отъ революціи людей, и соглашаться на ихъ предложеніе, совѣмъ не провѣривъ себя въ новой роли.

Все усерднѣе отвѣшиваю поклоны и смотрю впередъ себя съ страшнымъ напряженіемъ всего существа. О если-быль кто-то высшій, къ колѣнямъ котораго можно припасть и въ чьи руки можно ввѣрить свою судьбу! Но намъ, невѣрующимъ, гдѣ, въ чемъ, у кого почерпнуть указаніе? Въ своей совѣсти? Но въ такія исключительныя минуты она становится ареной враждующихъ силъ. Я должна жить въ Кронштадтѣ, чтобы помочь матросамъ. Но имѣю ли я право начинать съ того, чтобы подвергать другихъ тому риску, который я беру на себя? Не лучше ли попросту наняться въ прислуги на самомъ дѣлѣ, къ совершенно чужимъ людямъ, которыхъ я не подведу, если даже меня откроютъ?

Эта мысль сразу успокаиваетъ меня. Отвѣшиваю послѣдній поклонъ и ложусь, подсунувъ 3 коп., плату за ночлегъ, подъ войлокъ въ ногахъ, какъ меня научили. Отъ жажды во рту все пересохло. Вспоминаю про апельсинъ, положенный въ узелъ хозяйкой, и начинаю ѣсть его.

А кругомъ въ тяжеломъ снѣ раскидалось десятка два больного несчастнаго народа. Ворочаются, почесываются, храпятъ: одни настойчиво и будто зло, другія съ тонкимъ присвистомъ, третьи съ тяжелыми хрипами. По временамъ раздаются то тамъ, то сямъ стоны, тяжелые и мучительные. На нѣсколькихъ лицахъ провалившіеся носы. Воздухъ спертый, дышать нечѣмъ. Колеблются и почти гаснутъ блѣдненькіе язычки лампадокъ передъ темными иконами. Моя сосѣдка, взмахнувъ руками, повернулась, почти всѣмъ корпусомъ навалившись на меня. Свѣтъ лампадки освѣтилъ ее разопрѣвшее въ духотѣ лицо: изъ закрытыхъ глазъ съ полусгнившими вѣками сочится гной; губы исковерканы не

то какой-то болѣзнью, не то операціей; изо рта долетаетъ до меня больное, зловонное дыханіе. Приподнимаюсь въ испугѣ на локтѣ,—апельсинъ блеснулъ на свѣту.

— Ты что это, грѣхободница? а?

Поодаль отъ меня, тоже приподнявшись на локтѣ, грозитъ мнѣ пальцемъ какая-то старуха.

— Ты молилась? да? Ну, и спи теперь! И спи! Праведница! Безбожница! Лежачи, фруктовы захотѣла!

Какъ же остро надо держать ухо!

— Бабушка! Я еще помолюсь! Вотъ те крестъ, помолюсь! Пить шибко захотѣлось! Не хошь ли половинку?

Старуха смягчается, и у насъ начинается разговоръ шопоткомъ. Долго шамкаетъ она беззубымъ ртомъ передавая мнѣ свою исторію, свою обиду деревенскую; вѣра въ правду, въ царскую милость загнала ее въ Питеръ, а оттуда и въ Кронштадтъ. Сухонькая, маленькая, пошамкаетъ, пошамкаетъ, а потомъ глянетъ слезливыми глазами на икону и долго шепчетъ жаркія слова молитвы, чтобы услышала Владычица сироту, въ мірѣ одинокую,—и изъ-подъ покраснѣвшихъ вѣкъ снова текутъ выстраданныя, мутныя слезы.

Поплачетъ, поплачетъ, утрется, попьетъ апельсиннаго соку:

— А ты, матушка по какому дѣлу въ Кронштадтъ?

— Въ прислуги наниматься.

— Поди што по сердешному? таешь? ась? Я еще давеча запримѣтила съ горя, думаю, безпремѣнно съ горя высохла. Поди што по сердешному? Да ты не кройся, касатушка! Выплачешься передъ батюшкой,—легче станетъ. Дѣло молодое,—вѣстимо.

Долго шамкаетъ старушка. Медленно ползетъ ночь. Я задыхаюсь въ ужасной атмосферѣ. И кажется мнѣ, что больныя, зловонныя испаренія, клубящіяся, словно чадныя туманы, надъ раскинутыми въ всевозможныхъ позахъ фигурами несчастныхъ женщинъ, являються отраженіями ихъ исковерканныхъ, изуродованныхъ жизней. И старушка, сухонькая и легонькая старушка, пришедшая за тридцать земель съ наивной вѣрой въ царя искать правды, кажется свѣтлымъ, почти символическимъ образомъ, разсѣвающимъ мракъ въ этомъ угарномъ туманѣ.

Чуть задремала подъ утро, будятъ къ заутренѣ. Дѣлаю надъ собою отчаянное усиліе, чтобы встать.

Сегодня служить самъ «батюшка», подобранный старичекъ съ пріятнымъ розовымъ лицомъ. Его проповѣдь на избитую тему о гееннѣ огненной поражаетъ отсутствіемъ живой любви къ людямъ и какого бы то ни было вдохно-

венія: какъ урокъ зазубренный и давно надоѣвшій, выходятъ изъ его устъ деревянныя скупыя слова. А его приближенныя въ какомъ-то историческомъ экстазѣ внимаютъ ему. Ихъ руки сложены крестомъ на груди, глаза уведены къ небу, громкія воздыханія оглашаютъ церковь, переходя въ стоны, становясь все неистовѣе. Сосредоточенно и важно молится рядомъ пришлый народъ. Какъ и у моей старушки, въ глазахъ у нихъ, устремленныхъ къ «цѣлителю», столько бездонной вѣры и столько страданія и тоски! Тяжелыя, мутныя слезы застреваютъ въ морщинахъ натруженныхъ изборожденныхъ лицъ.

Начинается обрядъ благословенія послѣ службы. Іоаннитки бросаются впередъ, безцеремонно расталкивая толпу. Натискъ ихъ все растетъ. Полицейскіе все съ большимъ трудомъ отбиваютъ ихъ отчаянныя атаки, работая локтями, кулаками и... глоткой, и отъ натуги становясь прямо багровыми. Мелькаютъ сорванные въ дракѣ платки съ головъ, растрепанные волосы; трещатъ разорванныя кофты; нѣкоторыя взбираются на рѣшетки и, сброшенные почти съ саженной высоты, дико кричатъ при паденіи, давя окружающихъ...

А на верху стоитъ розовенькій старичекъ, протягивая руку для поцѣлуя и равнодушнымъ взглядомъ скользя по толпѣ.

Знакомлюсь съ городомъ. Странная смѣсь самой захудалой провинціальности и кипучей, бьющей ключемъ дѣятельности. Маленькіе домики и безпокойно гудящія толпы рабочихъ. Надписи въ садахъ, напоминающія старыя, добрыя времена крѣпостничества: «Собакъ не водить, нижнимъ чинамъ входъ воспрещается»,—и на ряду съ этимъ улицы и тѣ же сады, кишашіе матросами, шумными, небрежно отдающими на ходу честь офицерамъ.

На улицахъ то и дѣло слышится иностранная рѣчь, вывѣски ресторановъ пестрятъ словами: Лондонъ, Парижъ и т. п. А рядомъ, — обиліе пришлаго народа, робкихъ, неотесанныхъ мужиковъ въ лаптяхъ, и лавочки за воротами, и чисто деревенскія заваленки, чтобы было гдѣ коротать вечерніе часы досужимъ обывателямъ. Роскошныя общественныя сады-парки, громадныя доки, каналы, пересѣкающіе городъ въ разныхъ направленіяхъ, мосты черезъ нихъ; безконечныя казармы, занимающія часто сплошь всю улицу или даже цѣлый кварталъ; угрюмыя громады правительственныхъ учреждений; и на каждомъ шагу солдаты, матросы, офицеры, «шкуры».

Сворачиваю въ большой паркъ, иду все дальше по прямой, широкой аллеѣ, и вдругъ замираю, какъ вкопанная. Передъ глазами раскинулось море, лѣсъ мачтъ и трубъ,

вереницы судовъ. Бойко пыхтятъ паровыя катера, бороздя воду во всѣхъ направленіяхъ; шныряютъ ялики; какъ стрѣлы несутся гребныя суда, точно крылья птицъ мелькаютъ взмахи дружныхъ веселъ. Матросскіе форменки синѣютъ повсюду, словно бусами оторачивая борта бѣлыхъ лодокъ и сѣрыхъ большихъ судовъ. Высоченныя лебедки то вздымаются кверху, то медленно и равномерно опускаютъ книзу свои острія. Въ Порту на заводахъ громяютъ и визжатъ машины; на ремонтирующихся судахъ сухо звякаютъ молотки о желѣзо. Понуканія надсмотрщиковъ, крики грузчиковъ, шмыганье рабочихъ и матросовъ, визгливые выкрики торговко въ квасомъ, подсолнухами и кислыми щами, смѣхъ остроты... Все это сливается въ такую красочную картину, насыщенную жизнью, солнцемъ, энергіей, полную труда и нервнаго напряженія...

На далекомъ рейдѣ сѣрѣютъ силуэты броненосцевъ, почти сливаясь съ безбрежнымъ горизонтомъ. Еще дальше черныя точки южныхъ фортовъ. А море, залитое золотистой рябью, съ мелкими кое-гдѣ бѣлыми парусами, тихо плещется о каменные стѣны, переливаясь и вздрагивая, словно отъ смѣха.

Мощной силой пахнуло на меня и отъ этихъ гигантовъ, и отъ шумной, ключемъ бьющей жизни. И страхъ и словно зачарованность сжали сердце.

Въ церкви кончается служба, и гудятъ колокола, внося еще больше полноты въ эту картину, бросая вверхъ гамму звуковъ, словно родня море съ небомъ, сливая ихъ въ единое ощущеніе могучей, стихійной радости жизни.

На бульварѣ ко мнѣ подсаживается женщина.

— Ты изъ кухарокъ?

— Нѣтъ... да... впервые.

Еще и еще подходятъ, и насъ собирается цѣлая куча. Выпытываю да выпрашиваю про жизнь у господъ, про кронштадтскія условія, про личную жизнь каждой. Про себя тоже рассказываю наскоро сочиненную исторію.

Откуда ни возьмись городской:

— Р-рас-с-с-ходишь!

— Это почему? Съ какой стати?

Чуть было «какое вы право имѣете?» не крикнула ему. За мной рыжая женщина тоже что то буркнула ему. Тотъ какъ рявкнетъ.

— Не знаешь про военное положеніе? Собираемъ запретъ! Ну поговори еще!

Да какъ схватить женщину за плечо! Та, даромъ что головой меня выше, еле на ногахъ удержалась.

Женщины, отойдя на приличное разстояніе, и ругаютъ собаку-фараона, и подсмѣиваются надъ нимъ. Мнѣ почти радостно, что я теперь «настоящая», ихняя, обруганная, какъ и онѣ, лишенная всѣхъ привиллегій.

Возвращаюсь въ пріютъ.

— Ты Терентьева? Къ тебѣ солдаты приходили!—огорашиваютъ меня въ пріютѣ.

— Солда-а-ты? — протягиваю я съ ужасомъ: неужто, думаю, наши послали? Какое безуміе!

— Ну, да, солдаты! А тебѣ генерала что ли?—кричитъ начальница:—приходили къ господамъ звать.

Отлегло. Но для видимости ною: мѣсто потеряла.

— А ты бы больше по городу-то шлялась, зѣва! Пріѣхала мѣсто искать а самое на цѣпи удержишь!

Своимъ нытьемъ я однако вызываю сочувствіе, меня снабжаютъ адресами, и я храбро двигаюсь «рядиться».

Вхожу въ одну кухню. Въ углу красненькій денщицкій сундучекъ, на немъ сапожныя щетки и тряпицы. Барыня выходитъ въ грязномъ капотѣ, растрепанная, видно сейчасъ съ постели. Смотритъ, шурится, не въ духѣ.

А мнѣ вдругъ дѣтство вспомнилось: такой же, любимый нами, красненькій нянинъ сундучекъ, сидя на которомъ, мы, бывало, любили слушать ея старинныя пѣсни, страшныя сказки и рассказы про жизнь деревенскую, тѣ рассказы, что впервые зародили во мнѣ любовь и вниманіе къ простому народу. И также приходила къ намъ рядиться прислуга...

Окончивъ оглядываніе, барыня приступаетъ къ разспросамъ. Отвѣчаю складно. Въ дверяхъ во всѣ глаза глазѣтъ на меня денщикъ.

— А жениховъ много?

Отъ этого неожиданнаго вопроса я волнуюсь, губы нервно дергаются.

— А! Смѣешься! Угадала, значитъ! Женихи будутъ приходить!—торжествуетъ барыня:—Можешь уходить, откуда пришла!

— Да нѣтъ же, барыня, право нѣтъ, напраслину взводите!.

— Ну, ну, не разсыпайся, матушка! По глазамъ вижу! Уходи, уходи! Проводи ее, Семень!

Прогнали! Не сумѣла взять правильнаго тона! Провадилась! Но что это? Мнѣ, кажется, не на шутку больно? Не могу подняться выше такихъ маленькихъ уколовъ самолюбія?

Иду въ новый домъ.

— Кумъ пожарный будетъ приходить?

— И, что вы, барыня! Нешто можно! Чай я изъ деревни!—говорю я, скромно опуская глаза.

Здѣсь я нравлюсь своей неиспорченностью. Мнѣ вѣлять приходитъ за отвѣтомъ.

Еще одинъ адресъ. Просторная, свѣтлая кухня. Нарядная горничная. Выходитъ пышно одѣтая, строгая дама.

— Вотъ съ са-а-баками надо гулять!—цѣдитъ она, указывая рукой въ брилліантахъ на двухъ большихъ бѣлыхъ псовъ, преважно разлегшихся на подушкахъ у окна.

— Съ собаками?

— Ну, да, съ сабаками!—А вы, можетъ, не любите сабакъ? Еще, пожалуй, бить ихъ будете?—обидчиво настаивается барыня.

— Зачѣмъ бить! Бить не буду. А только чудно по нашему деревенскому понятію,—чтобы собаки съ провожатыми гуляли.

— Ахъ, да, вы деревенская! Ну, конечно, какое у васъ можетъ понятіе быть!.. Ахъ, Боже мой, уходите!—устало раздражается она.

Въ два часа приходитъ въ пріютъ моя вчерашняя барыня, и начинаетъ рядить меня при всей публикѣ. Долго мы не сходимся въ цѣнѣ. Наконецъ ужъ начальница прикрикнула:

— Да будетъ ужъ! Бери, что ли! Много ли лучшаго въ деревнѣ видала? Глядите, кака барыня выискалась! И работы тяжелой боится: доктора, видишь, здоровья въ ней мало нашли, да еще и жалованье ей подавай настоящее!

Солашаюсь нехотя. Прощаюсь съ начальницей, съ больной сосѣдкой, что хранила мой узелъ. Та вдругъ поднимается на локтѣ и цѣлуетъ меня прямо въ губы. Внутренне вся вздрагиваю отъ этого поцѣлуя сифилитички. Прощаюсь со своей пріятельницей старушкой.

Обхвативъ узелъ, въ почтительномъ разстояніи слѣдую за барыней. А та кусаетъ губы и по временамъ трясется отъ еле сдерживаемаго смѣха.

Кажется, пройдены самые первые, самые страшные, самые неувѣренныя шаги. Что-то ждетъ меня дальше!

Идемъ мимо парка. Щебечутъ птицы. Лицо ласкаютъ низко спустившіяся молодая вѣтки.

ГЛАВА V.

Въ чужой кожѣ.

Два часа. Устраиваю себѣ постель на кухнѣ. Господа обѣдаютъ. То и дѣло барыня прибѣгаетъ ко мнѣ, хохочетъ, тормошитъ меня. То, что нужно скрывать, ее не-

обыкновенно волнуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ забавляетъ и радуетъ, какъ ребенка. Послѣ обѣда принимаюсь за мытье тарелокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ!—кричитъ барыня, отстраняя меня отъ полоскательной чашки:—Что на людяхъ, то дѣлайте, а въ домѣ не позволяю! Если хотите, вмѣстѣ.

— Барыня!—въ сотый разъ прошу ее:—Да говорите же мнѣ ты! Не ровень часъ, кто услышитъ!

Она замираетъ отъ восхищенія и опрометью бѣжитъ въ комнату подѣлиться съ «самимъ» своими впечатлѣніями.

На полу вынутыя зимнія рамы, ковры, сложенные въ кучу, груды пыли, накопившейся за зиму.

— Терентьевна! Вотъ коверъ нужно бы выбить!

Черезъ раскрытыя окна ея молодой звонкій голосъ далеко разносится по улицѣ.

Коверъ—гордость хозяевъ—во всю комнату. Съ трудомъ дотаскиваю его до двора, развѣшиваю. Барыня садится на заваленку. Размахиваюсь палкой. А коверъ упругій, какъ стѣна, почти не шевелится отъ моего удара, пыль еле-еле летитъ. А въ окнахъ жильцы глазѣютъ.

— Новую взяли, Варвара Степановна?

— Новую! Только работница, —наказанье Господне! Ишь, съ ковромъ не справится! А ты не жалѣй рукъ, матушка! Этакъ до заутрени промаешься!

Вывативъ у меня палку, она съ силой бьетъ по коврику. Густыми клубами пыль летитъ кверху, покрывая и ее, и все вокругъ. О, какъ въ этотъ моментъ я завидую ей, ея привычной къ работѣ рукъ, ея упорной силѣ!

— Видишь, какъ надо! Нечего губки-то равнять! Работай!

Съ прикушенными «губками» снова принимаюсь за дѣло. Господи, пронеси! Какъ злѣйшаго врага, начинаю ненавидѣть коверъ. Разъ за разомъ ударяю все сильнѣе, все ожесточеннѣе. Отчаяніе придаетъ силы; работаю до того, что протираю кожу на рукахъ...

— Ну, ужъ ладно! Сложи въ сундукъ, да поаккуратнѣе!

Начинаю стаскивать коверъ съ веревки, красные круги плывутъ передъ глазами, еле на ногахъ держусь. Нечего сказать, работница!

Со слезами на глазахъ, съ позоромъ въ душѣ вхожу въ домъ, а хозяйка слѣдомъ идетъ, утѣшаетъ меня.

— Понравилась ты на дворѣ: видно, говорятъ, скромница; на-диво по нонѣшнимъ временамъ.

Явившійся Дмитрій застаётъ меня за мытьемъ сте-

колъ. Оглядываетъ мой нарядъ, прическу, засученные рукава.

— Вотъ и ладно!—говоритъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ.—Впрочемъ, я только на минутку. Вотъ тутъ адресъ. Можно ей отлучиться часовъ въ 8?—полушутя, полусерьезно спрашиваетъ онъ моихъ „господъ“.

— Мы прислугу вольно держимъ!—заговорщически смѣется хозяйка.

Дмитрій уходитъ. Помогаю барынѣ закончить уборку, выношу соръ на дворъ, таскаю воду. Низко кланяюсь встрѣтившемуся дворнику. Онъ благосклонно заговариваетъ со мною. Бойко отвѣчаю, а у самой сердце бьется, бьется: такъ ли? ладно ли?

Пьемъ чай.

— Давно вы этакими дѣлами занимаетесь?—спрашиваетъ мужъ:—чай, страшно?

— Да вамъ страшнѣе,—смѣюсь я:—это только сначала, а какъ покатишься по рельсамъ, покончивъ со всѣмъ старымъ,—и думать обо всемъ постороннемъ забываешь.

— Позвольте полюбопытствовать: а у васъ имѣются родители? вы съ ними видаетесь? хоть крохотись какъ-нибудь?—съ широко раскрытыми глазами шепчетъ хозяйка:—небось, съ горя умираютъ?

— А какъ у васъ въ партіяхъ? кто наибольшій? Видали вы его? Кто его назначаетъ?

Не стѣсняясь, какъ дѣти, задаютъ десятки самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, первыхъ, что приходятъ имъ въ голову.

Въ 8 часовъ набрасываю шаль. Городъ уже знаю немного.

— А, Марья Ивановна! Наше вамъ съ длиннымъ хвостикомъ!—раздается надъ ухомъ.

Съ крикомъ испуга вскидываю голову: матросская форменка, чмокающее меня въ щеку пьяное лицо, и хоть пьяной компаніи надъ моимъ испугомъ. Стыжу себя за нервность: назвалась груздемъ, полѣзай въ кузовъ!

Вхожу въ обширный дворъ. Справа за колымажкой дверь, помѣченная крестомъ. Значить, сюда. Стучусь. Бородатый дворникъ молча впускаетъ меня въ каморку. Тускло, почти темно.

— Семеновъ здѣсь?

— Тутъ, малость обождите!—глухо отвѣчаетъ дворникъ, подходя ко мнѣ вплотную.

— Никита!—вскрикиваю я, пораженная.

Дворникъ поворачивается лицомъ къ свѣту, и я ясно вижу знакомое лицо, знакомую улыбку.

Никита въ восторгѣ, что я его не узнала. Да онъ и на самомъ дѣлѣ какъ будто измѣнился за тѣ нѣсколько

недѣль, что я не видѣла его обросъ, загорѣлъ, огрубѣлъ. На ногахъ тяжелые сапоги, штаны грубыя, заплатанные, вправлены въ голенища; красная бумазейная блуза, длинный грязный дворницкій фартукъ, съ перемычкой черезъ шею. Хибарка крохотная, вся проросшая сыростью, какъ погребъ. Въ углу на доскахъ гряда тряпья вмѣсто постели, ревматичный столъ, грязная скамейка. На стѣнѣ царскій портретъ, странно выдѣляющийся блестящимъ лакомъ и свѣжими красками, еще не засиженный мухами. Двѣ—три книжки про „Анику—воина“ и про «Доблести героя генерала Ермолова». Оконце крохотное. Тѣсно, душно.

Мнѣ стыдно за себя: я сравнительно съ нимъ живу барыней, и еще развожу какія-то трагедіи! А онъ! Онъ правитъ настоящую тяжелую дворницкую работу,—и ничего, веселъ и доволенъ!

— Вотъ погодите, скоро мои господа на дачу уѣдутъ, — то-то будетъ раздолье! Ну, а пока... приходится потерпѣть! Сегодня это...—онъ улыбнулся въ усы,—безпремѣнно нужно было отлучиться въ одиннадцать часовъ. А барыня какъ на зло: таскай вотъ, говорить, сундуки съ чердака. И сама тутъ. Что тутъ будешь дѣлать! Пришлось покоряться судьбѣ! Ладно. Вожусь это я съ сундуками въ полной исправности, со всѣмъ стараніемъ, а чуть отвернись барыня, я моментально и сигануль со двора. Вернулся. Боже жъ ты мой, что тутъ было! Не снести, думаю, мнѣ головы моей! И ногами изволи топтать, и «вонъ, вонъ!» визжать, какъ поросенокъ недорѣзанный! И-и, что тутъ было!

— Ну, и что жъ?

— Что жъ? Молчу. Мну картузъ, стою, какъ виноватый. Кончила-таки мытарить. Перетаскалъ я ей все приданное. Званія, какъ на зло, купеческаго. Однихъ простынь дюжинъ двѣнадцать, да вѣдь простыни-то эво какія! Платьевъ шерстяныхъ не то съ полсотни, не то вся сотня накоплена, салоповъ 25 штукъ!

— Простила?

— Женское сердце отходчиво, извѣстно. Видить, стараюсь, ну... и того... Зимнія рамы послала складывать.

— Ну?

— Да благо Сорокинъ подвернулся, однимъ духомъ съ нимъ сложили. А то, бываетъ, какой другой матросъ забѣжитъ, дровецъ мнѣ поколетъ али еще тамъ что,—глядишь, большое мнѣ облегченіе. А дворницкое жалованье тоже кстаги: какъ разъ на поѣздки въ Питеръ хватаетъ.

— Ого, пара,—куликъ да гагара!—Ну, здравствуйте!—привѣтствуетъ насъ подоспѣвшій Дмитрій.

Начинаются дѣловые разговоры. Гляжу я на товарищей,—и дивлюсь. У Никиты глаза свѣтятъ ласково, даже когда онъ говоритъ о взбалмошной барынѣ, безконечная

доброта и снисходительность звучитъ въ его голосѣ. Куда дѣвалась его раздражительность и грубость, которая порою такъ отталкивали въ Питерѣ? Или это—дѣйствіе кронштадтскаго воздуха? Или глаза мои видятъ здѣсь все по-другому? мой умъ по-другому воспринимаетъ?

— Никита! Ты опять пропалъ? Ни-ки-та-а!—раздается вдругъ со двора.

— Вотъ она — галка! — оправляя вылѣзшую рубаху, смѣется въ свѣтлую бороду Никита:—Экая непосѣда!... Чаво надоть?—кричитъ онъ, выходя изъ коморки.

«Ту-ту-ру-ту-ту!»—раздраженно звенитъ женскій голосъ сверху. «Ббу-ббу-ббу-ббу!»—откликается ей басъ Никиты. Тяжелые шаги его громяхаютъ по лѣстницѣ.

— Выдержитъ? — съ тревогой спрашиваю я Дмитрія.

— Стоить захотѣть,—все можно выдержать!—тихо и просто отвѣчаетъ онъ. Глубокая, крѣпкая вѣра и скромная, сдержанная въ себѣ сила сказывается въ этихъ немногихъ словахъ. Въ новомъ свѣтѣ является передо мною и Дмитрій, который въ Питерѣ казался вялымъ, нерѣшительнымъ, тусклымъ.

Громко переключается прислуга на дворѣ. Чья-то неумѣлая дѣтская рука бренчитъ на разстроенномъ піанино избитый вальсъ. Изъ подвального этажа раздается крикливая женская рѣчь вперемежку съ всхлипываніями и бранью.

— Вотъ что, Терентьевна, вы обживайтесь-ка поскорѣе, набирайтесь храбрости, да и за работу! Что въ низахъ-то дѣлается! Чтой-то чудится мнѣ, не поздненько ли мы и такъ сюда прикатили. Кабы не вышло, какъ въ прошлый разъ:

«Три денечка погуляли,—

На четвертый намъ капутъ!»—

подмигивая смѣющимися глазами, декламируетъ Дмитрій.

— Рано каркать, да погибель накликать!—сурово обрываетъ его Никита, появляясь въ дверяхъ.

Долго разговариваемъ, примостившись всѣ трое на Никитиной «кровати». Вслушиваюсь въ рассказы, споры, планы товарищей. Вижу, что они отлично ладятъ и понимаютъ другъ друга съ полуслова. Оба они—люди рядовые, неяркіе, даже внѣшностью. Отъ долговременнаго хроническаго недоѣданія оба худы, какъ замотанные лошади. Но какое у нихъ влюбленное отношеніе къ дѣлу, и какое простое, но глубокое смиреніе передъ огромностью выпавшей на ихъ долю задачи! Раньше отталкивала манера Дмитрія говорить обо всемъ въ шутиломъ тонѣ, а теперь разглядываю за ней боязнь фразъ и отвращеніе къ ходульности. Вотъ мы, цѣлыхъ три человека, буквально безъ копейки денегъ устроились исключительно ихъ стараніями въ крѣпости, объявленной на военномъ положеніи,—

и дѣла уже такъ подвинулись, что на дняхъ будетъ первое собраніе представителей отъ воинскихъ частей. Прежнее чувство скептическаго недовѣрія невольно таетъ въ моей душѣ, чувство глубокаго уваженія къ товарищамъ замѣняетъ его.

Придя домой, застаю гостя у хозяевъ. Сидятъ за чаемъ. Барыня кричитъ мнѣ въ кухню:

— Долгонько же ты у своей землячки загостила! Иди, садись съ нами!

— Да я и здѣсь отужинаю!

— Да иди же, Терентьевна!—вступается и самъ баринъ:—Чего кобенишься! Гость хороший, не кусается!

Неохотно беру свою тарелку и сажусь за краешекъ стола. Гость на меня поглядываетъ. Я настораживаюсь.

— Расскажи-ка, Терентьевна, что-нибудь! Будетъ же маниться!—упрашиваетъ хозяинъ. Хитро прищурившись, онъ хлопаетъ меня по плечу.

Смотрю на него покраснѣвшій носъ, на блестящіе глаза съ красными жилками.

— Ключнулъ малость!—поясняетъ, наклонившись къ моему уху хозяйка:—дѣло въ торговлѣ хорошо повернулось. Да вы не сумлѣвайтесь, онъ всегда держитъ себя въ аккуратѣ, а тотъ даже не пилъ нисколько.

— Да чего же мнѣ рассказывать? Про жизнь нашу деревенскую, что ли?

— Ха-ха-ха!—закатывается хозяинъ, подмигивая гостю:—«Про жизнь деревенскую!» А чай и не нюхала деревни-то! Терентьевна, нюхала? Сколько у козы ногъ? А? Ха-ха! Уморила! право слово, уморила! Ну-ка, Терентьевна, покажи-ка лучше, какія нынче прислуги въ міру-то завелись!

Что это? Уже разболталъ? Соображая, какъ бы его укротить или перемѣнить тему разговора, уношу тарелки на кухню, гдѣ хозяйка возится съ горячими блинчиками.

— Вы не сердчайте,—успокаиваетъ она меня:—гостя тоже просвѣтите, онъ хороший. Какъ мой рассказалъ про васъ, такъ тому и не терпится, съ четырехъ часовъ сидитъ, васъ все ждетъ. Безпремѣнно хочетъ послушать васъ.

Дѣлать нечего. Черезъ минуту меня засыпаютъ всевозможными вопросами. Какъ могу, удовлетворяю ихъ любопытство. Взамѣнъ и у нихъ учусь, спрашиваю про мѣстные порядки. И Кронштадтъ, представлявшійся мнѣ до сихъ поръ какъ нѣчто символическое, отвлеченное, облекается для меня понемногу въ плоть и кровь. Какъ мѣстные сторожилы, они знаютъ все, вплоть до замятаго властями дѣла о систематическомъ растлѣваніи малолѣтнихъ дѣвочекъ, въ которомъ были замѣшаны высшіе военные и

гражданскіе чины, или до недавняго самодурнаго приказа коменданта—закрывать въ мѣстной гимназій за дерзость одного ученика цѣлый классъ, а родителей гимназистовъ, провинившихся въ непочтеніи къ властямъ, подвергать либо штрафу въ 1000 руб., либо тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, либо высылкѣ изъ города.

Долго засиживаемся за разговорами. При прощаньи гость суетъ мнѣ въ руку денегъ «на революцію» и проситъ:

— А вотъ кабы вы мнѣ въ домъ тоже Терентьевну нашили!

— Да гдѣ же я ее возьму?

— Да право, я вѣдь всурьезъ. Жена будетъ рада. Какъ хорошо знакошаго челоѣка въ домѣ имѣть, обо всемъ спросить можно.

Ну, совсѣмъ малыя дѣти!—думаю я, убирая комнаты и глядя на счастливыя лица хозяевъ. Какъ къ игрушкѣ, тянутся они къ огню, который загорѣлся передъ ихъ глазами, тянутся,—и не хотятъ думать, что огонь жжется.

ГЛАВА VI.

Среди матросовъ.

Собраніе на барской квартирѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ Кронштадта. Прислуга, видимо, отпущена, меня впускаетъ сама барыня, съ удивленіемъ оглядывая мой деревенскій нарядъ.

Изящное убранство свѣтской гостинной: вазочки, цвѣты, люстры, зеркала, тяжелыя портьеры. И среди всей этой роскоши, на богатомъ коврѣ, попережку съ мягкими креслами, пуфами, этажерочками и столиками,—довольно большая группа матросовъ съ ихъ такъ странно здѣсь звучащимъ грубоватымъ жаргономъ, съ ихъ вѣчными рассказами все про тотъ же осенній бунтъ.

— А, здравствуйте!—радостно, какъ старую знакомую, привѣтствуетъ меня Калмаковъ, съ которымъ я уже встрѣтилась въ Петербургѣ:—Вотъ и ладно, что пріѣхали!

Я сразу окунаюсь въ матросскій міръ, въ кругъ ихъ интересовъ, думъ и чаяній, порою тревожныхъ, но чаще по молодому удалыхъ и безпечныхъ.

Слушаю про офицера, который во время бунта убѣжалъ въ матросскомъ платьѣ, про «шкуру», котораго жена въ сундукъ заперла, про другого, со страху залѣзшаго въ горячую печку. Слушаю про мести и издѣвательства начальства послѣ бунта, особенно надъ «зачинщиками», попавшими въ тюрьму.

— Ну, да и мы имъ тоже спуска не давали!—повѣ-

ствуешь Сорокинъ, долговязый, ширококоротый, нескладный матросъ:—они свое,—и мы свое! Не по закону, говорю, лупцуете нашего брата, жаловаться буду! А тѣ:—Какъ ты это сказалъ? Не по закону? Какъ не по закону?—А такъ вотъ, очень просто, говорю,—мы не штрафованные.—Что? что? Повтори-ка еще? Да я тебя!..—и самъ на меня съ кулаками.—Посмѣй только, думаю про себя, я тебѣ такой сдачи дамъ, что захлебнешься!

Сосѣдъ Сорокина, невзрачный рыжій матросикъ, до сихъ поръ сидѣвшій тихо, широко и добродушно улыбается.

— Онъ, Егоръ-то, у насъ бядовый!—указываетъ онъ на Сорокина:—Почитай что не выходилъ изъ карцѣра, такъ утруждалъ ихъ благородія. И чуть выйдетъ, опять за свое! И завсегда ухмыляется! Его честятъ,—а онъ себѣ ухмыляется, да и только! Больше всего этимъ и донималъ: его честятъ, а онъ ухмыляется!

— Нравъ у меня такой!—весело поясняетъ Сорокинъ, сверкая и улыбкой, и глазами, и зубами, и всѣмъ своимъ задорнымъ, скуластымъ лицомъ:—Чѣмъ они грозные, тѣмъ у меня задору больше! «Морду, кричитъ, твою поганую сворочу!»—«Не смѣте!»—говорю.—«Замкни хайлю, с. с.»!—«Замокъ, говорю, забылъ купить!» Какъ въ кіятрѣ, право! А бить,—ни, даже краешкомъ этакъ меня не коснулись,—опасались; другихъ только били. Зато карцеръ ли, или тамъ линейки этакущія огромныя, часами съ ними стаивали.

— Какъ линейки, зачѣмъ?

— Наказаніе этакое. Веревки ажно тѣло рѣжутъ, грудь вся сперта, дыхнуть нельзя, не то что пошевелиться. Часами этакъ стаивали. А мнѣ все ни по чемъ, потому дальше солнца не сошлютъ, глубже земли не закопаютъ, хуже смерти не накажутъ. А смерть,—этого добра мы въ глаза видали,—не страшно!

Его маленькіе глазки со снопамъ веселыхъ морщинокъ во всѣ стороны не переставая щурятся и смѣются. Лицо безъ красокъ, какого-то буросѣраго цвѣта, съ такой же растительностью, неправильное, некрасивое. Но столько въ немъ неистощимаго веселья, задора и игриваго, добродушнаго юмора, что невозможно оторваться.

— Ну, чему вы все радуетесь? Съ чего вы такой?—неволью вырывается у меня.

— Я-то? Я сибирской, подъ елкой родился! Эхма, елки нашенскія, зеленые! Лѣса наши сибирскіе!—восхищенно взмахиваетъ онъ руками, по своему отвѣчая на мой вопросъ,—и повертываясь ко мнѣ, добавляетъ:—А радоваться, барышня, есть чему: изъ мужлана косолапаго, изъ остолапа деревенскаго, матросъ входитъ въ настоящее званіе сталъ,

смѣлости набрался, и себя понимаетъ, словно шваброй мозги у него прочистили.

Приходятъ все новыя лица. Противъ меня усѣлся высокий, черный, кряжистый матросъ. Что-то большое и нескладное, но крѣпкое вошло вмѣстѣ съ нимъ въ комнату.

— Кто это?—уже какъ къ давнишнему знакомому, наклоняюсь я тихонько къ Сорокину.

— Этотъ-то? Это у насъ Глѣбко, изъ второй дивизіи, ундерфцерскій шинъ, по нашему квартирмейстеръ. Гляньте, глыбища—то какая! Цѣлая камень-скала! И по характеру такой же. Одно слово,—хохолъ!

Сходство схвачено вѣрно: на глыбу цѣльнаго, еле отесанаго камня походитъ этотъ «ундерфцерскій шинъ». Глядя себѣ подъ ноги, онъ молча слушаетъ разговоры. Поперекъ лба легла глубокая складка, отчего густыя нависшія брови кажутся сросшимися, придавая и безъ того угрюмому лицу выраженіе суровой замкнутости. Квадратная съ выступами голова прочно сидѣла на широко раздвинутыхъ плечахъ.

— Съ глупинкой мы были по осени!—загудѣлъ онъ густымъ басомъ:—чего тамъ, себя нужно ругать! Темнота насъ сгубила, дурость наша дурацкая! Да только теперь крышка! По другому все устроимъ!

— Не начать ли, товарищи?—подходитъ Димитрій:—кажется, всѣ въ сборѣ!

Говоръ стихаетъ. Первымъ беретъ слово Калмаковъ. Онъ говоритъ о томъ, что насталь для собравшихся, для всѣхъ матросовъ, для всего флота, великій день: закладывается первая военная организація въ Кронштадтѣ, о томъ, насколько она необходима, какое огромное значеніе имѣетъ,—говоритъ вѣско, проникновенно, съ частыми перерывами; скажетъ слово,—и подождетъ, чтобы улеглось оно прочно въ уши и сердца слушателей.

— Да вѣдь и мы о томъ же! Знамо, за тѣмъ и пришли!—откликается кто-то.

— Ты о самой сути-то, Николай, поболѣ!

— Ты намъ эту самую организацію-то, главное, разъясни, что это за шутка такая! А мы уже зубами вцѣпимся, чтобы покрѣпче удержать ее!

Загудѣлъ матросскій рой. Обращаясь постоянно въ нашу сторону, заговорили всѣ разомъ, каждый о томъ, что у кого наболѣло на сердцѣ и созрѣло въ головѣ. Но основная тема ихъ рѣчей одна и та же: духовный голодъ, нетерпѣливая жажда помощи со стороны интеллигенціи, горькая обида на безконечно долгое ея отсутствіе...

— Что намъ дѣлать-то было?—сердито говоритъ великанъ съ некрасивымъ лицомъ и выпяченными впередъ губами, по фамиліи Недотрогинъ:—По осени явились ора-

торы, словно прожекторомъ все освѣтили, а потомъ пуще прежняго мракъ насталъ. Каково намъ было-то?

Онъ поднимаетъ кверху глаза, отчего весь лобъ его бороздится глубокими морщинами и складки около рта обозначаются до непрятности рѣзко:—Безъ компасныхъ людей какъ управиться?

— Вотъ у насъ компасный человѣкъ!—солидно хлопываетъ по плечу Колмакова Глѣбо.

Недотрогинъ угрюмо исподлобья взглядываетъ на Калмакова, будто даже не совѣмъ доброжелательно.

— Хорошо, товарищи!—рѣшительно приподнимается Никита. Его блѣдное всегда лицо разгорается:—Не рвите намъ сердце. Не по своей винѣ не ѣхали. Лучше о будущемъ поговоримъ. Вотъ мы пріѣхали втроемъ помогать вамъ. Только чтобы обману не было! Въ военныхъ дѣлахъ мы, какъ коза въ градусникѣ, ничего не смыслимъ. Коли дойдетъ до возстанія, вамъ ужъ на себя нужно полагаться. А во всемъ остальномъ, сколько силъ хватить, помогать будемъ. Вы—хозяева революціи, мы—ваши помощники.

По нѣкоторымъ лицамъ пробѣгаетъ явная тѣнь недоумѣнія, даже разочарованія.

— Ну, что объ этомъ толковать, кто хозяинъ, кто помощникъ! Всѣ товарищи!

То, что хотѣлъ подчеркнуть Никита,—наша чисто вспомогательная роль,—остается какъ-то скомканнымъ, не дошедшимъ до сознанія слушателей. Говорятъ про гуляющихъ матросовъ, собирающихся въ плаваніе, про опасность новой пьяной вспышки, торопятъ насъ скорѣй составить, напечатать и распространить уставъ организаціи, скорѣй достать больше книжекъ, больше ораторовъ... Требования, просьбы, мольбы, горящіе глаза, беспорядочное перескакиваніе съ одного вопроса на другой... И во всемъ этомъ,—я чувствую, я съ ужасомъ чувствую,—сквозитъ невысказанная, но непредѣльная вѣра въ чудодѣйственную силу партіи и въ насъ, ея представителей.

— Да будетъ вамъ, будетъ!—хватаются за голову Дмитрій и Никита:—Чай не волшебники мы! Дайте намъ шапку-невидимку да коверъ-самолетъ, а то сапоги семи-верстные,—мигомъ все вамъ представимъ!

Собраніе въ полномъ разгарѣ. Вдругъ изъ-подъ двери со звономъ выкатывается мѣдная монетка, а слѣдомъ за нею, оттопыривъ губки и неувѣренно покачиваясь на пухлыхъ ножкахъ, въ комнату вбѣгаетъ трехлѣтняя дѣвочка. Завидѣвъ много чужого народа, она останавливается въ недоумѣніи и нерѣшительности. Черный матросъ, страшный своей худобой, весь поддается впередъ, поднимаетъ монетку, протягиваетъ ее ребенку и, изъ всѣхъ силъ стараясь смягчить грубый голосъ, ласково говорить:

— Иди, барышня, иди! Не бойся, касаточка!

Дѣвочка недовѣрчиво смотритъ на его просмоленную руку, на него самого, на другихъ.

— Зайчикъ, зайчикъ!—вдругъ радостно вскрикиваетъ она, хлопая въ ладоши.

— А, зайчикъ! А вотъ мы его сейчасъ словимъ!

Кто-то легонько толкнулъ зеркало. Кружки отъ солнечнаго луча весело забѣгали по стѣнѣ. Матросъ бережно беретъ ребенка на руки и поднимаетъ къ зайчикамъ. Маленькія, пухлыя ручки протягиваются и шлепаются о стѣну, лова зайчика. Все тѣлце трепещетъ и дергается въ радостномъ восторгѣ. А мать стоитъ неподвижно въ дверяхъ и, преисполненная ласки и гордости, смотритъ на свое сокровище.

У всѣхъ собравшихся словно что всколыхнулось въ душѣ. Непривычная нѣжность струится изъ глазъ суроваго матроса-няньки; весь до ушей расплылся Недотрогинъ, забывъ расправить морщины на лбу; смѣшно—будто сердито, дергается ушами Глѣбо; ерзаетъ и порывается къ дѣвочкѣ непосѣда—Сорокинъ; тихо лучится Калмаковъ; даже рыжеватый сосѣдъ Сорокина, сидѣвшій все время неподвижно и съ благоговѣніемъ смотрѣвшій въ ротъ Никитѣ и Дмитрію, даже онъ добро-добро улыбается, склонивъ, какъ пѣтухъ, голову и глядя на дѣвочку однимъ глазомъ.

Ребенокъ упирается, не желая уходить изъ комнаты.

— Пойдемъ, дѣтка! Нельзя мѣшать дядямъ: они хотятъ много-много веселыхъ зайчиковъ для всѣхъ дѣтокъ сдѣлать!—говоритъ мать, беря ее на руки.

Уже закрылась за ними дверь, а матросъ, спустившій съ рукъ дѣвочку, все еще стоитъ въ прежней позѣ. Кругомъ него движеніе, шутки, смѣхъ. Кто-то подтолкнулъ его локтемъ. Онъ вздрагиваетъ, вздыхаетъ и молча, ни на кого не глядя, опускается на свое мѣсто на полу.

— Не тужи, Силантычъ!—треплетъ его по плечу Сорокинъ:—сдѣлаемъ революцію,—поѣдешь къ дочкѣ на побывку. А то въ Кронштадтѣ выпишешь сироту. Будетъ она наша, будто всѣхъ воспитанница. Право! А они,—указывая на насъ,—образованной ее сдѣлаютъ. Не стоящее дѣло матросу говорить! Брось, право!

Заговорили о матросахъ, ходившихъ нынче зимою на усмиреніе въ Прибалтійскій край. Злоба и негодованіе славливаютъ грудь, голоса становятся чужими, жесткими, дрожать губы. То и дѣло поминаютъ про кондуктора Ягунова, добивавшаго разстрѣливаемыхъ, не знавшаго пощады даже для малыхъ дѣтей. Обсуждаютъ, что дѣлать съ усмирителями.

— Чего рѣшать? Безъ насъ рѣшено: бьютъ ихъ у насъ, кровопійцевъ!

- Бойкотъ Каинову племени!
- Опоганили матросскую честь!

Одинъ только Калмаковъ не участвуетъ въ этомъ всеобщемъ проклинаніи. Онъ долго сидитъ молча и вдругъ, какъ бы рѣшившись, начинаетъ страннымъ, сдавленнымъ голосомъ.

- Такъ ли, братцы? Ладно ли?

— А что, по твоему, жалѣть—сволочей?—накидывается на него Недотрогинъ.

— Да я,—вопіетъ Сорокинъ,—въ тюрьмѣ радъ былъ, кажется, стѣнку зубами изгрызть, чтобы только добратъся до нихъ, да задушить ихъ, каиновыхъ иродовъ!

— Не дѣло, товарищи! — возражаетъ Калмаковъ.—Я про Ягунова не говорю. Ему... ему въ самый разъ свинцовый подарокъ!—не сказалъ, а словно молоткомъ по чугуну пробилъ онъ, весь энергично выпрямившись:—А вотъ кто по неволѣ шелъ, тѣхъ тоже убивать?

Недотрогинъ зло сопить.

— Меня бы по неволѣ не заставили!—не унимается Сорокинъ.

— Что взять съ темнаго человѣка!—продолжаетъ Калмаковъ:—А вѣдь вы имъ ходу не даете никакого,дохнуть, прямо сказать, не позволяете. Какъ-то намердись я книжку вслухъ читалъ товарищамъ, запрещенную. Усмиритель тутъ же лежалъ, укрывшись съ головой одѣяломъ. Вдругъ какъ вскочить, весь дрожить, за голову хватается, словно не въ разумѣ человѣкъ:—Затравили!—кричить.—Какъ волка затравили! Человѣкъ вѣдь я! Все равно вѣдь, что штыки были къ нашимъ грудямъ приставлены! Какъ было послушаться! За что насъ распинаете?

— Ишь, проняло гадину! Какую книжку-то читалъ ты?

— Проняло! совѣсть зазрила!

— То-то что совѣсть!—радостно подхватываетъ Колмаковъ:—А теперь парень къ книгѣ присосался, отбою нѣтъ!

Постановляютъ: выпустить прокламацію съ описаніемъ звѣрствъ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ частности подвиговъ Ягунова; его самого убить; а къ остальнымъ стараться подходить по доброду, «глаза имъ на свѣтъ разувать».

Возвращаюсь домой уже вечеромъ. Прямо передъ глазами горитъ и искрится большая лучистая звѣзда. Вспомнились угнетающія переживанія истекшей зимы: трупы, каркающіе вороны, и молчаніе, зловѣщее молчаніе въ странѣ. А теперь стѣна, въ которую, казалось, уперлась жизнь, раздвигается, и такъ заманчиво, такъ обѣщающе свѣтятся дали...

Насъ объединяютъ.

23-е апрѣля.

Сегодня Егорьевъ день, праздникъ весны. Съ раннего утра на улицахъ толпы народа. Передъ церковью—бараны съ позолоченными рогами, телята и коровы съ бубенцами, овцы и поросята, разукрашенные лентами и цвѣтами. Все это визжитъ, блеетъ, мычитъ, хрюкаетъ. Мальчишки неистово рѣжутъ уши свистулками. Вокругъ меня шуршатъ туго накрахмаленныя юбки женщинъ, пестрятъ галстуки мужчинъ, лица сияютъ удовольствіемъ,—весна пришла!

Кончается церковная служба. Городовые расчищаютъ путь для крестнаго хода. День яркій, солнечный. Блестятъ иконы и хоругви, рдѣютъ свѣтлыя ризы священниковъ. Стройное пѣнье хора сливается съ людскимъ гомономъ и ревомъ животныхъ. Шумно! Весело!

Открываются монопошки. Длинными хвостами люди протискиваются къ заповѣднымъ дверямъ. Тутъ же за угломъ хлопаютъ пробки. Все чаще попадаютъ пьяные матросы.

А надъ головами, перебивая другъ друга, смѣшиваясь и дробясь, заливаются праздничные, тоже словно слегка выпившіе и радостно возбужденные колокола: «Приди къ намъ! Приди къ намъ! Къ намъ! Къ намъ!» Наполняютъ собою городъ и, кажется, бросаютъ въ пространство какую-то большую, яркую радость.

— Дер-р-ржи!—вдругъ раздается пронзительный крикъ. Толпа шарахается, чуть не сбивая меня съ ногъ.словно порывъ вѣтра снесъ все благодушіе и праздничную безпечность. Съ испуганными лицами люди мечутся, куда попалъ, хлопаютъ ставни и калитки, поднимается дикая суматоха.

Встревоженная, устремляюсь за толпою. Такъ и есть: драка у монопошки.

Сердце во мнѣ падаетъ. Тревога, сначала неясная, оформливается. Неужели опять, опять какъ осенью? Черезъ минуту людской потокъ хлынетъ, разольется по городу... А мы? Какъ осенью, будемъ хвататься въ безсильномъ отчаяніи за волосы? Но вѣдь это же невозможно! Недопустимо! Это было бы такой насмѣшкой надъ разумомъ, надъ человѣкомъ, надъ всѣмъ святымъ!

Съ трудомъ сдерживая рвущійся изъ души крикъ: «Люди добрые, помогите! Да помогите же скорѣе! Не дайте свершиться ужасному преступленію!» Пробую что-то говорить, кого-то усовѣщевать, къ чему-то кого-то призывать. На меня устремляются глаза мальчишки-посача. Такой холодный цинизмъ, такая безгловая жестокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такіе животные огоньки въ этихъ цыганскихъ

глазкахъ,—что сердце у меня съезживается отъ тупой без-надежности. Такого взгляда я никогда еще не видала, и никогда его не забуду. Я тутъ впервые поняла, что всему можетъ быть предѣлъ, но паденію души человѣка нѣтъ предѣла. И я словно окаменѣла...

Вотъ что-то кричатъ, пробираясь впередъ, матросы, посахи, солдаты. Другіе, выброшенные изъ свалки, красные и возбужденные, тоже кричатъ, образовывая новыя группы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ завязывается уже драка между пѣхотинцами и матросами. Посахи улюлюкаютъ, свищутъ...

Вдругъ въ самую гущу толпы врѣзается, работая энергично локтями, новая группа матросовъ.

— Ура! Наша беретъ! На подмогу, товарищу!—привѣтствуютъ ее пьяные матросы. Но странно суровы лица вновь пришедшихъ, озабочены и блѣдны. Среди нихъ мелькнуло, какъ будто знакомое, лицо великана съ выпяченными губами и страшнымъ взглядомъ злыхъ глазъ.

Наконецъ, я соображаю: да вѣдь это наши! Ихъ сильные локти расталкиваютъ въ разныя стороны толпы зѣвакъ, они неудержимо пробираются къ мѣсту свалки. Не проходить и трехъ минутъ, какъ дерущіеся уже укрощены: солдаты лежатъ на землѣ, связанные; матросы выведены изъ круга и въ сопровожденіи прибывшихъ быстро удаляются по улицѣ.

— За посахами-то вы поглядывайте! Ишь, глазмя-то такъ и стрѣляютъ, ироды!—кидаетъ публикѣ, уходя, матросъ-великанъ, котораго я теперь окончательно признаю.

Никто ничего и сообразить не успѣлъ, какъ мѣсто побоища уже зияетъ пустотою. Посахи поспѣшно скрываются въ толпѣ. Смотрѣть больше не на что.

— Видали молодцовъ? а?—слышу я сзади радостный голосъ Никиты:—Это вѣдь наши, съ Недотрогинымъ во главѣ, нарочно по случаю праздника для обхода назначены! Здорово отработали!

Никита тащитъ меня куда-то, увлекая изъ толпы. Оказывается, нѣсколько солдатъ-соціалъ-демократовъ привели къ намъ своихъ интеллигентовъ для переговоровъ объ объединеніи.

Соціалъ-демократы! Горькія воспоминанія тучей поднимаются въ душѣ и омрачаютъ радость минуты. Сколько боли, сколько горечи пережито изъ-за партійной нетерпимости при столкновеніяхъ съ ними! И ничего, кромѣ горечи и боли! Никогда, никогда не забыть мнѣ, какъ соціалъ-демократки на нашихъ курсахъ встрѣтили бурными аплодисментами провалъ предложенія о посылкѣ привѣтственнаго адреса Егору Сазонову,—Сазонову, который въ это время судился, надъ головой котораго висѣлъ смертный приговоръ!

Чего хотятъ отъ насъ эти люди? Зачѣмъ пришли они? Входимъ въ домъ. Всѣ кидаются къ Никитѣ узнать, что произошло, чѣмъ все кончилось. Никита успокаиваетъ: все благополучно. На него почему-то набрасываются.

— Сейчасъ справились,—значитъ, и ладно? а можетъ тамъ опять гдѣ полыхаетъ? развѣ патруль можетъ всегда за всѣмъ углядѣть?

Смыслъ этихъ упрековъ начинаю понимать, прислушавшись къ разговорамъ.

— Можетъ-быть, тамъ катавасія, а вы въ это время «буржуями» да всякими глупостями промежъ себя коритесь!—негодуетъ вислоусый матросъ по кличкѣ Русь, съ худымъ лицомъ въ черной заросли и съ спрятавшимися глазками-мышками:—Тамъ горитъ, прости Господи, а они... про партійность!

Солдатъ съ сѣрымъ лицомъ, минеръ Комовъ, за минуту казавшійся милымъ славнымъ добрякомъ, подхватываетъ, какъ по уговору, весь нервно и зло дергаясь:

— Зачѣмъ промежъ себя сумятица? Вѣдь мы ссоримся, а врагъ крѣпнетъ, съ силами собирается. Возьмите нашу минную роту, велика ли? А случись выступленіе,—какой разбродъ получится! Одни за однимъ комитетомъ пойдутъ, другіе за другимъ,—не приведи Богъ, что получится! Нѣтъ, ужъ довольно этого!

Одинъ изъ комитетчиковъ—«эсдэковъ», Ефимъ, недоуменно разводитъ руками. Онъ волнуется и самымъ искреннимъ образомъ удивляется, какъ это можно объединяться, когда есть разныя, цѣлостныя, выкованныя программы, которыхъ «бѣлыми нитками не сошьешь!» У Ефима худыя, съ острыми лопатками плечи, на которыхъ болтается дешевый вылинявшій пиджачекъ. Онъ часто мигаетъ близорукими глазами и нервно пощипываетъ жиденькую бородку.

— Да вы поймите!—кричитъ ему Русь, при чемъ его глазки-мышки отъ возбужденія вылѣзаютъ изъ своихъ щелей:—Земля подъ нами горитъ... Первое мая не за горами. Весь городъ въ тревогѣ, начальство наготовѣ, всѣ чего-то ждуть... У матросовъ гулянки передъ отправкой... Тутъ каждый секундъ жди грозы! А вы... не нашли лучше времени изъ-за программъ счеты сводить! Перебранкой насъ просвѣщать!

— Намъ ни эсэры, ни эсдэки не нужны, понимаете?—черезъ минуту снова кричитъ онъ, уже тряся кулакомъ подъ носомъ Ефима:—Намъ одна партія нужна, одна, единая, которая спланивала бы насъ, а не разъединяла. Мы—народъ, мы должны быть одной партіей, врагъ у насъ общій: самодержавіе и буржуазія! Коли вы межъ собою не

поладите, мы и безъ васъ соединимся, и безъ васъ работу наладимъ!

Мнѣ становится мучительно стыдно за себя и за интеллигентовъ вообще передъ этими цѣльными, чистопробными людьми. Это сама жизнь «призываетъ насъ къ порядку», — какъ же не послушаться ея? Какъ не потянуться всей душой къ ея выразителямъ?

А интеллигенты, не только Ефимъ, но и мои товарищи, Дмитрій и Никита, совсѣмъ не очарованы. Изъ ихъ устъ льются тускляя, расхолаживающія рѣчи: «Все это хорошо, — говорятъ они, — но бѣда въ томъ, что вмѣсто объединенія получаются только безконечные разговоры и тренія, однимъ словомъ еще больший тормазъ въ работѣ».

Второй эсдѣкъ, Маркъ, слушаетъ, призадумавшись. «Такъ этого оставить нельзя» — слышу, шепчетъ онъ на ухо Ефиму: — Ясно, мы рискуемъ потерять всякое вліяніе на массу...

— Бублики! Бублики! — врывается вдругъ съ улицы визгливый крикъ торговли, заглушая рѣчь Ефима, который упорно твердитъ о вредѣ компромиссовъ, о необходимости сохранять въ чистотѣ всѣ партійные принципы, о негибкости тактики.

— Вотъ оно и есть: «бублики»! — прерываетъ его Русь: — Право слово, какъ торговли: «Тактика», «не сгибаться принципу», а на дѣлѣ, — что въ лавочкѣ, всякая партія свой товаръ хвалитъ. Мои-де бублики — первый сортъ, а вотъ сосѣдка немытыми руками мѣситъ, въ муку песокъ подсыпаетъ! Подымаютъ на три улицы крику, а о дѣлѣ-то и не думаютъ!

Въ концѣ-концовъ побѣда остается за «низами». Рѣшено съ завтрашняго же дня образовать Временное Техническое Бюро изъ трехъ человѣкъ отъ каждой партіи. Его функции:

1. Не позволять пререканій и ругани на митингахъ.
2. Доставлять литературу обоихъ направленій на суда и въ казармы.
3. Назначать по праздникамъ патрули для наблюденія за порядкомъ въ городѣ и въ это же время собирать въ определенной квартирѣ комитеты обѣихъ партій, чтобы въ случаѣ тревоги патруль могъ всегда найти ихъ.
4. Выработать возможно скорѣе тѣ основанія, на которыхъ могли бы объединиться обѣ организациі для постоянной работы.

Во Временное Бюро попадаютъ только солдаты и матросы. И вотъ, черезъ нѣсколько дней они собираютъ уже расширенное собраніе.

Накурено, шумно, людно. Въ комнату набилось до сорока человѣкъ. Среди новыхъ, социаль-демократовъ, выделяется не то нѣмецъ, не то латышъ Карлъ. У него бѣлые волосы, бѣлая, безкровная кожа и тонкія, крѣпко сжатые губы. Весь онъ какой-то отдѣланный, чистый, корректный. На первый взглядъ кажется холоднымъ его гладкое, безъ единой морщинки лицо. Но дѣтская, подкупающая улыбка сразу мѣняетъ его выраженіе. Онъ умѣетъ слушать, умѣетъ дать высказаться другимъ, часто уступая имъ свою очередь. У него необыкновенная способность сохранять объективность. И во всемъ сквозитъ рѣдкая интеллигентность и огромная самодисциплина.

Наши и социаль-демократы сразу перемѣшались и слились воедино. Всѣ военные, всѣ товарищи. Партійные перегородки, столь крѣпкія у насъ, интеллигентовъ, здѣсь какъ будто рукой сняло. И какъ-то само собою вышло, что вопросъ сразу ставится ребромъ:

— Ну, что-жъ, товарищи, на сломъ сдавать старыя организациі? Одну будемъ строить, крѣпкую, объединенную?

Вотъ когда подвергается послѣднему испытанію привычная фракціонная твердость и преданность «нашихъ», Никиты и Дмитрія. Словно ножомъ по сердцу рѣзнуло ихъ это «на сломъ». Не слишкомъ ли все это поспѣшно? Достаточно ли знаютъ другъ друга члены обѣихъ организациі? Не родятся ли изъ всего этого нелады? И если даже нынѣшніе работники сумѣютъ спѣться, будетъ ли то же съ ихъ замѣстителями? Да и какъ еще посмотрятъ на все это партійные верхи!

Изъ «друго-враговъ» къ Дмитрію и Никитѣ примыкаетъ догматикъ Ефимъ. И онъ думаетъ, что лучше сохранить обѣ организациі порознь, довольствуясь прекращеніемъ распрей на митингахъ, да періодическими совмѣстными засѣданіями для объединенія работы. Но его товарищъ, Маркъ, уже рѣзко и рѣшительно перешелъ на сторону большинства рядовыхъ членовъ.

— Масса не знаетъ и знать не хочетъ, что такое партійныя различія. Это мы — интеллигенты — хотимъ раздѣлить ее, привить ей нашу собственную нетерпимость, возвести искусственные перегородки. Массу тѣснятъ эти рамки. Къ чорту всякую половинчатость! Одна должна быть организациа! Братство, — такъ братство! Единеніе, — такъ единеніе! Довѣріе, — такъ довѣріе! — отсѣкаетъ онъ, жестикулируя, короткія, энергичныя фразы.

Все собраніе почти поголовно за него. Со всѣхъ сторонъ сочувственныя реплики и возгласы одобренія:

— Развѣ дѣло не одно? Развѣ не одна смерть впереди у всѣхъ? А вы дѣлежку проповѣдуете: наше да ва-

ше, мое да твое! Развѣ такъ подобаетъ социалистамъ? Ужъ коли мы идемъ на такое великое дѣло, вступаемъ на свѣтлый правый путь, такъ все старое по боку! Одно дѣло, — одна душа!

На меня эти, почти вдохновенные призывы, дѣйствуютъ неотразимо. Да, да, пойти по нему, по этому свѣтлому пути, ничего не взявши съ собою отъ стараго, ни вражды, ни подозрительности другъ къ другу. Чистыми и довѣрчивыми, какъ дѣти, войдемъ мы въ новое царство... Или это — сантиментальное фантазерство?

Такъ, видимо, думаютъ Дмитрій, Никита и Ефимъ. Они крѣпко цѣпляются за оставленіе въ силѣ прежнихъ партійныхъ организацій и наконецъ успѣваютъ спасти ихъ отъ роспуска. Онѣ останутся, но нѣсколько разъ въ мѣсяцъ будетъ собираться высшая объединенная инстанція, объединенное Гарнизонное Собрание, рѣшенія котораго будутъ обязательны для всѣхъ.

Масса солдатская довольна и этимъ. Впрочемъ, она не очень ясно разбирается во всѣхъ различіяхъ двухъ проектов — полнаго и неполнаго объединенія. Для нея хорошо уже и то, что кончились наконецъ ненавистные споры и разговоры, и можно сообща переходить къ дѣлу.

Одинъ Маркъ глубоко неудовлетворенъ.

— Чѣмъ сильна революція? — говоритъ онъ намъ возбужденно и страстно: — Идеализмомъ, массовымъ подъемомъ! А вы его гасите. Полнота должна быть во всемъ, понимаете! пол-но-та! А не ущербленность!.. Да понимаете ли вы, — эхъ, вы, теоретики! — что это значитъ: НАРОДНОЕ ДВИЖЕНІЕ, ШИРОКОЕ НАРОДНОЕ ДВИЖЕНІЕ, какъ лава, изливающаяся изъ кратера, выпираемая невѣдомыми намъ мощными стихійными силами! А вы... вы... Эхъ!

Онъ говоритъ это намъ, интеллигентамъ. Но стоящіе по близости матросы слышатъ его. Поняли ли они, или, не вполне уяснивъ смыслъ его словъ, чутьемъ постигли одушевлявшее его чувство, или просто стало имъ жалко, что мало поддерживали его и пошли на уступки, — но нѣсколько матросовъ подходятъ къ нему и, хлопнувъ по плечу, душевно говорятъ:

— Ты, братъ, нашъ! Ты совсѣмъ нашъ!

Не можетъ еще окончательно сдаться, въ свою очередь и Ефимъ.

— Какъ это мыслимо, чтобы Гарнизонное Собрание выбирало моментъ для возстанія! Это же прерогатива партій! — озадачено бормочетъ онъ.

Надъ нимъ добродушно подтруниваютъ:

— А что жъ намъ, по-твоему, черезъ море надо было летѣть въ Егорьевъ день, когда свалка у монополии началась? искать твои комитеты и разрѣшенія у нихъ спрашивать?

— Нѣтъ, братъ, тутъ ужъ такое дѣло: занимается пожаръ, такъ либо сейчасъ же туши, пока не разгорѣлся, либо сейчасъ же приставай къ дѣлу, объявляй возстаніе, чтобы перекинуть его съ пьянаго бунта на разумную сторону! Тутъ, братъ, съ докладами къ комитетамъ бѣжать некогда!

— А какъ же партія?

Бѣдный Ефимъ! Мнѣ хочется подойти и сказать ему, что его партія, — вѣрнѣе, организованные верхи ея, — не самоцѣль, а лишь орудіе революціи; что нечего бояться за партійныя прерогативы тамъ, гдѣ народъ достаточно выросъ для того, чтобы взять дѣло революціи въ собственныя руки, что радоваться надо этому, а не бояться, какъ бы не лишили интеллигентовъ ихъ привычныхъ функций; что только потерявъ чутье живой жизни, можно стоять послѣ такого событія растеряннымъ, непонимающимъ и непонятнымъ. И я боюсь, что матросы, судя по Ефиму, будутъ представлять себѣ всѣхъ партійныхъ людей какими-то властолюбцами, дрожащими за свою опеку надъ массой.

Но кругомъ столько оживленія и радости и высокихъ чистыхъ восторговъ, что никто не обращаетъ большого вниманія на оторопѣлость Ефима. Сорокинъ лѣзетъ ко всѣмъ христосоваться. Дмитрій шутитъ: — Что, братъ марксистъ, въ одну оглоблю съ «мелкимъ буржуа» полѣзъ! А что на это скажетъ папаша-Плехановъ?

Сейчасъ же выбираютъ изъ своей среды Исполнительный Комитетъ, которому поручаютъ немедленно приступить къ выработкѣ плана возстанія на случай стихійной вспышки и къ собиранію нужныхъ для этого свѣдѣній. Чтобы комитетъ могъ собираться часто, онъ долженъ быть очень немногочисленнымъ.

— Вы будете планы сочинять, — шутитъ Сорокинъ по адресу комитетчиковъ, — а мы въ Гарнизонномъ будемъ разбирать ихъ, одобрять или отвергать. Вы, значитъ, какъ министеры, власть исполнительная, а мы, какъ Дума, власть законодательная.

Въ комитетъ попадаютъ Калмаковъ, Глѣбко, Недотрогинъ и одинъ пріятель Калмакова, матросъ, готовящійся въ плаваніе, молчаливый, но очень дѣльный работникъ. Со стороны эсдѣковъ — Русь, Карлъ, Комовъ и еще двое совсѣмъ незамѣтныхъ матросовъ. А въ концѣ списка, видимъ — «Актеръ» красуется!

Все время этотъ «Актеръ» мозолилъ намъ глаза. Родомъ изъ купеческихъ сынковъ, одѣтый въ новую щегольскую форменку, плотно облегающую его упитанное тѣло, съ самодовольнымъ холенымъ лицомъ, съ золотыми перстнями на рукахъ, съ витѣватыми рѣчами, въ каждомъ звукѣ которыхъ слышно самолюбованіе, со всѣми манерами

и ухватками провинціального актера, — онъ страннымъ пятномъ выдѣляется среди собравшихся.

— Почему вы выбрали его?

— Да потому, что онъ хорошо языкомъ работаетъ, все можетъ пересказать, о чемъ на собраніи говорилось.

— Да и отлучиться завсегда можетъ; какъ писарь, онъ свободнѣе другихъ...

— Господи! — хватается за голову Дмитрій: — Товарищи, да неужто всѣхъ брехуновъ, которые свободны, вы должны своими представителями дѣлать? Помилосердуйте!.. Ну, а тѣхъ двухъ почему выбрали?

— А это для справедливости. Нашихъ-то матросовъ вонъ сколько пришло, а эсдэковъ мало. Ну, чтобы не обижать, поровну надо...

И улыбаться заставляютъ своей наивности эти люди, и трогаютъ своей чистотой и органической справедливостью. Не таковъ ли и всегда подлинный народъ! Иной разъ блеснетъ такой моральной высотой и красотой, что чувствуешь себя совсѣмъ уничтоженной со всѣмъ твоимъ образованіемъ, развитіемъ и опытомъ. А то, какъ ребенокъ беспомощный, тянется къ тебѣ за совѣтомъ и наставленіемъ и вызываетъ къ себѣ почти материнское чувство.

ГЛАВА VIII.

Наши усмирители.

Неясный грохотъ вдали, бой барабана. Грянула пѣсня. Мимо меня проходятъ, всѣ въ пыли, енисейцы и пересохшими глотками тянутъ солдатскую пѣсню. Видимо, возвращаются съ ученія. Многіе изъ нихъ поднимаютъ на меня глаза, быть-можетъ, оттого, что я, сама того не замѣчая, совсѣмъ бизцеремонно воззрилась на нихъ, словно желая прочесть, что у cadaго на душѣ. Но кромѣ смертельной усталости и желанія отдохнуть, въ ихъ глазахъ нельзя прочесть ничего.

Смотрю вслѣдъ удаляющейся толпѣ. Облако пыли немного скрываетъ ихъ изъ глазъ. Скоро стихаютъ и звуки разношерстного, вялаго хора. Вздыхаю и плетусь во-свояси.

Енисейцы! Чужадымъ элементомъ вошли они въ Кронштадтъ послѣ стихійнаго бунта. На караулахъ, на постахъ, заняли мѣста матросовъ, лишенныхъ оружія. Встали стражей въ крѣпости, точно покрывъ собою городъ, придавивъ его безпокойный, революціонный духъ холоднымъ блескомъ своихъ ружей. Чужими, не смѣшанными съ остальнымъ гарнизономъ и населеніемъ, непривѣтливо встрѣченными, жили они въ Кронштадтѣ.

Но вотъ однажды къ намъ является новый гость и рекомендуется: «Родионовъ — енисеецъ!» Намъ предупредили о его посѣщеніи, мы нетерпѣливо ждали его. Онъ расшаркивается, пожимаетъ всѣмъ руки, ловкимъ движеніемъ беретъ себѣ стулъ и садится. Въ немъ сразу виденъ городской житель, слѣдящій за своими движеніями, помнящій, что онъ въ обществѣ. Онъ видимо волнуется, но довольно удачно скрываетъ это.

— Ну, что ваши? Что такое изъ себя представляютъ? Какіе они? — забрасываемъ мы его безпорядочными, нетерпѣливыми вопросами, глазѣмъ на него, чуть не тормозимъ его руками, такъ что онъ прямо растерялся, не зная, какую очередь соблюсти, на что и кому отвѣчать.

— Нашихъ 1800 человекъ, какъ же! Цѣлый полкъ! Тысяча восемьсотъ штыковъ, какъ у насъ говорится. Оружія-то и побольше будетъ: есть запасныя винтовки на складѣ, есть пулеметы и пушки...

Я такъ много наслышалась о значеніи пѣхоты для возстанія, въ особености же этого полка. По примѣру семеновцевъ и по другимъ я знаю, во что можетъ начальство превратить полкъ, изолированный отъ народа и находящійся на положеніи усмирителей. Я ловлю и жадно глотаю каждое слово Родинова, я впиваюсь пытливымъ взглядомъ въ его лицо, словно по одному этому представителю надѣюсь понять тѣхъ 1800 человекъ, которые съ штыками въ рукахъ стоятъ за нимъ. Онъ небольшого роста, худенькій, тонкій. Небольшіе сѣрые глаза смотрятъ прямо, спокойно и вдумчиво. Что-то знакомое мелькнуло въ немъ. Калмаковъ? Внѣшней выдержкой и вдумчивостью онъ, пожалуй, напоминаетъ Калмакова. Но тотъ куда солиднѣе, коренастѣе.

Чего-то жду я отъ Родинова, какой-то страсти душевной, возмущенія режимомъ, которому подчинены енисейцы и въ которомъ долженъ задыхаться такой сознательный человекъ, жду муки изъ-за отчужденности отъ народа, тоски по волѣ и свѣту... А онъ ровно и выдержанно, почти не повышая голоса, рассказываетъ, какъ въ послѣднее время полкъ мѣняется, какъ растетъ настроеніе протеста, но... сознанія не прибываетъ; какъ начальство само словно нарочно на бунтъ толкаетъ, обворовывая солдатъ, помыкая ими; какъ самъ онъ несказанно радъ, что къ намъ наконецъ попалъ; какъ онъ всю зиму искалъ, но никого кругомъ, ни души не было...

— Ага! Такъ и къ вамъ за ограду микробъ забрался! Повсюду, значитъ! — ликуетъ зашедшій къ намъ Степанъ Ежикъ.

Заходятъ и другіе. Угрюмый Силантьичъ, послушавъ рѣчи Родинова о вызывающемъ поведеніи начальства,

сверкает глазами:—И пускай! Что съютъ, то и пожнутъ! А вы чего смотрите? Жарь ихъ во-всю! Пуще хлещи!

— Да что вы, братцы, съ ума сошли!—вопіетъ Дмитрій.—Народъ совсѣмъ безъ сознанія, а по вашему ихъ разжигать надо! Разжечь-то, можетъ, и не трудно,—видимо, само начальство объ этомъ старается, чтобы очистить полкъ отъ микробовъ. А что же потомъ? Зажметъ оставшихся въ кулакъ еще пуще прежняго! Нѣтъ, какъ это можно! Тутъ дѣло такое скользкое...

Дмитрій спѣшитъ ознакомить Родіонова съ положеніемъ дѣлъ въ Кронштадтѣ, съ тактикой, которой рѣшено придерживаться.—А вотъ вы что мнѣ скажите,—допытывается онъ:—Теперь правительство какъ будто всерьезъ хочетъ улучшить матеріальное положеніе солдатъ, хочетъ купить ихъ. Какъ это отзовется на вашихъ, если, какъ вы говорите, у нихъ раздраженіе есть, а сознательности совсѣмъ мало? Не уляжется ли въ нихъ весь бунтовской духъ вдругъ, какъ рукой сняло?

Родіоновъ отвѣчаетъ не сразу.

— Не знаю. А только врядъ ли. Видите, я такъ думаю. Бунтуются... изъ-за чего?—Онъ помолчалъ.—Скажемъ такъ: изъ-за неурядицы. Нынче изъ-за мыши во щахъ, завтра изъ-за чего другого,—а въ общемъ все изъ-за процвѣтанія воровства. Ну, а воровство всегда останется. Больше будутъ денегъ отпускать на солдата,—прибыльнѣй будетъ и воровство...

Онъ говоритъ еще что-то, все такъ же обдуманно, не торопясь.

— И чего ты такъ мямлишь? Словно сонная муха кислое молоко цѣдитъ!—вдругъ накидывается на него минеръ Эсерушка, который только что вошелъ въ комнату, а ужъ успѣлъ со всѣми переметнуться парой словъ:—Нѣтъ въ тебѣ духа этого настоящаго! Словно не рѣжешь ты, а выколупливаешь слова!

— Чего зря горячишься, Эсерушка! Онъ дѣло говорить!—унимаетъ его Дмитрій.

Совсѣмъ въ другомъ духѣ оказался второй енисеецъ, полякъ родомъ, по кличкѣ Панъ. У этого все выходитъ настолько же готово, гладко и хорошо, насколько у Родіонова все тревожно и неутѣшительно.

Недавно Панъ зашелъ къ намъ какъ разъ во время спора Дмитрія съ Хохоленько о томъ, можно ли выступать, готовъ ли Кронштадтъ къ возстанію.

— Ну, а вы, Пани, что про своихъ скажете?—обращается Дмитрій къ енисейцу.

— У насъ? у насъ?—вскинулся тотъ, словно только

и дожидался этого вопроса:—Езусъ-Марія! Что у насъ! Комитеты постановлены! Цо? И ротные, и даже батальонные!

И Хохоленько и Дмитрій, захваченные потокомъ его страстной похвальбы, слушаютъ молча. И заинтересованность, и удивленіе, порой и улыбка на ихъ лицахъ. Не улыбка скептицизма, а просто такъ: ужъ очень забавное впечатлѣніе производитъ мѣшанина русскихъ и польскихъ словъ въ его рѣчи. А тотъ, крутя длинные, по-польски опущенные книзу усы, энергично жестикулируетъ и по временамъ вскидываетъ головой съ чувствомъ удовлетвореннаго достоинства. Весь складный, тонкій, высокій, цѣльный въ своемъ увлеченіи, непосредственный.

— Раньше што було? Столько попытокъ, сколько грѣховъ на сердцѣ пана Езуса. А теперь! Цо? Може, панове думаютъ, што нашъ поукъ самый послѣдній? Цо? Не-е! Нашъ поукъ... Хе-хе!—многозначительно крикаетъ онъ и вдругъ понижаетъ голосъ:—Нешастный нашъ поукъ, соу-сѣмъ нешастный! и служба, и вученія, и караулы изъ-за военнаго положенія; и забиваюць насъ, и затемняюць, и усѣ, и усѣ на нешастный нашъ поукъ. А чому? Чому никто слова правды ему не принесъ?.. Но мы покажемъ себя! Езусъ-Марія! Какъ мѣняется человекъ! Якъ идуць, идуць къ той правдѣ!.. На раны боске (божи)!—вдругъ ударяетъ онъ себя по лбу:—Я за словомъ пришелъ! Родіоновъ говоритъ, бунтоваться не нужно? Чи мы, може не революціонеры? Чи то цо?

— Да, Пани, постановленіе на Гарнизонномъ сдѣлано: сдерживаться отъ всякихъ выступленій. Темный у васъ народъ, не дисциплинированный.

— А я вамъ кажу: какъ укушенный нашъ народъ кидается...

— Вотъ, вотъ! Это-то и опасно: не сумѣютъ сдержаться.. а тутъ и другіе такъ же со-слѣпу пристанутъ...

— Но какъ же безъ бунтовъ народъ будетъ расти?—недоумѣнно разводитъ Панъ руками.—Стары люди кажуць: кто пузьно ходзи, тотъ самъ собѣ шкодзи. Пропустимъ время,—намъ же будетъ шкода.

— И этотъ туда же!—всплескиваетъ Дмитрій руками съ комическимъ отчаяніемъ.

— Эгэ! А я жъ кажу: взорвалъ,—гора упала, а копай,—сто лѣтъ прокопаешься!

Кому вѣрить? Я хочу попробовать допытаться отъ другихъ солдатъ. Имъ со стороны виднѣе.

Вотъ Ласточкинъ, унтеръ-офицеръ каспійцевъ: косая сажень въ плечахъ, грудь колесомъ, усищи чуть не въ четверть аршина книзу опустились. Широкое лицо такъ добродушно, и самъ онъ такъ величественно спокоенъ,

такъ внушительно преисполненъ сознанія своей силы и достоинства, что невольно подчиняешься его солиднымъ, уравновѣшеннымъ отзывамъ.

— Енисейцы? Нѣтъ, не настоящее это въ нихъ, бунты эти. Чтобы всю пѣхоту протрезвить, надо или сто лѣтъ просвѣщенія, или... такую войну, чтобы весь народъ въ крови выкупался, чтобы каждый выскочилъ бы оттудова, какъ ровно бы изъ ада, чтобы «Батюшки, горимъ!» закричалъ бы, весь въ пламени, закидался бы, воды искавши... Вотъ тутъ водой-то этой и будетъ революція, тутъ ужъ отъ нея ничѣмъ не удержишь.

Я хочу сама «вложить персты въ язвы гвоздиныя». И вотъ я у казармъ енисейцевъ, подтолкнутая туда замѣчаніями Ласточкины.

Неужто вся теперешняя работа наша среди пѣхоты—только бирюльки, бирюльки безцѣльныя, бесполезныя?—думаю я, стоя у воротъ въ ожиданіи вызваннаго мною «земляка» и взирая на безбрового скучающаго часового. Его зѣвки... о, эти поразительные зѣвки, смачные, длинные, глубокіе, до слезъ, до иканья! Кажется, разорветъ онъ ими свой ротъ, кажется, весь изойдетъ въ страстномъ истомномъ потягиваніи.

И такъ все время, въ теченіи долгихъ минутъ. Пройдетъ немного, волоча по землѣ ружье, остановится, и опять зѣваетъ, зѣваетъ. Прямо нѣчто классическое!

Стоимъ на припекѣ. Видно, распарило у него въ конецъ и мозги и душу; всѣ силы напрягаетъ на безнадежную борьбу съ богатырскимъ насѣдающимъ на него сномъ.

— «Сто лѣтъ просвѣщенія, или... сто лѣтъ просвѣщенія»,—сверлятъ въ моемъ мозгу слова Ласточкина.

При помощи созданной наспѣхъ выдумки про моего мужа—солдата—который уже это по счету? ты, Господи, вѣси!—который «тоже эдакъ же гдѣ-то мается, горемычный, угнали въ дальнюю сторонущу»,—пробуждаю въ часовомъ участіе ко мнѣ, солдаткѣ; общее угнетеніе, общіе интересы насъ связываютъ. Часовой вскрываетъ передо мною болячки внутренней жизни енисейцевъ, оживляется, принимается ругать начальство, такъ и пышетъ злобою.

— Лучшина—то? Гдѣ ее, лучшину-то найдешь? По дорогѣ что ли валяется? А только сказывали...

Меня зовутъ въ казармы. Волей—неволей приходится оборвать разговоръ.

Вхожу. Голыя, обмызганныя стѣны, грязь, однообразіе. Отъ всей обстановки вѣетъ тоской и уныніемъ.

Всѣ на ученіи. Только Тиходумъ и его товарищъ, Нетопырь, какъ нестроевые, сидятъ за сапожной работой.

Невесело отъ сапогъ, которые они тачаютъ по уродливой мѣркѣ, и которые солдатами обмѣниваются, съ до-

бавкой нѣсколькихъ своихъ рублей, на другіе, человѣчскіе, а начальствомъ снова скупаются на базарѣ. Невесело отъ нераспечатанныхъ газетъ, валяющихся въ пренебреженіи на полу, или идущихъ на обертку починенной обуви. Невесело отъ длинныхъ, тягучихъ разговоровъ съ жалобами на безконечные караулы и ученія.

— До свиданья!—говорю я. Мнѣ грустно. Я уже подымаюсь, чтобы уйти.

Но что это такое говоритъ Нетопырь? Тихой музыкой звучать его слова; задушевныя, грустныя нотки трогаютъ сердце.

Мало-по-малу все кругомъ теряетъ мрачную окраску. Оказывается, газетъ солдаты потому не читаютъ, что онѣ черносотенныя: «разъ начальство выписываетъ, значить скверныя». И на ученіе жалуются потому, что изъ-за него остается мало времени, только по ночамъ, урывками, и удастся читать наши книжки. Заговоривъ о книжкахъ, Нетопырь совсѣмъ воодушевился.

— А ужъ только лучше всего, коли про террористовъ написано... Тутъ такое въ голову войдетъ, какъ про Спиридонову читали, какъ ее умучивали...

Онъ очень некрасивъ и неказистъ, этотъ Нетопырь. Угловатое, скуластое лицо, большія, оттопыренные уши, краснѣющія и приходящія въ движеніе, когда онъ волнуется. И языкъ у него неповоротливый, булькающій во рту. Но сколько поразительной задушевности раскрывается вдругъ въ его голосѣ!

— Непривѣтно у васъ, грязно!

— И не говорите! Пасха вотъ была. Извѣстно, и насъ гулять отпустили. Пошелъ я въ городъ. Знакомыхъ нѣтъ,—мы вѣдь здѣсь только съ осени. Есть которые солдаты всюду себѣ удовольствіе промышлять, но только я по этой части не люблю. Пошелъ по городу. Тоска такая,—не приведи Господи!..

— А въ церковь что не пошли?

— Сходилъ! Да что жъ? Какъ подумалъ потомъ о казармахъ, не могу туда вернуться, да и только: пьянство тамъ у насъ, драка, брань, блеванье... Хожу по городу. Родные вспомнились: гдѣ-то, думаю, тоже праздникъ встрѣчаютъ. А народъ кругомъ веселый, нарядный, цѣлуются. Колокола звонятъ. А ты, точно отверженный, въ одиночку. Одна женщина съ дѣтьми шла,—подойду, думаю: «пожалуйте, скажу, солдатика, мать вѣдь, поймите; дозволейте вмѣстѣ разговѣться». Да не осилилъ робость. Пошелъ дальше. Занавѣску въ одномъ домѣ забыли опустить, у самой земли окно. Всталъ у окна, гляжу: скатерть чистая, куличи, пасхи, вся семья за столомъ. Стыдно сказать,—

а стою, и плачу. Потомъ на море ушелъ, просидѣлъ тамъ до утра, чтобы никого не видѣть.

Къ намъ лѣниво подходитъ дневальный. Почесалъ поясницу, подѣлъ и, смачно зѣвнувъ, заговорилъ что-то для меня непонятное:

— Иродъ, одно слово... звѣзданулъ... жару поддалъ... не то теперь времячко... ошибся часомъ.

Икнулъ, перекрестился и, пошелъ съ развальцей дальше.

— Чего это онъ?

— Да народъ, можно сказать, безпокойный сталъ!— поясняетъ Тиходумъ.—Словно сонный, котораго муха укусила: дергается, дергается, а проснуться не можетъ.

— И всегда вотъ ты, Семень, такой сумный!—тихо перебиваетъ его Нетопырь:—Нѣтъ, народъ нашъ даже очень проснувшись! Небось показали себя, какъ мышей-то во шахъ нашли!

Въ это время на дворѣ слышится шумъ. Черезъ минуту съ пѣснями и криками въ помѣщеніе вваливается густая толпа вернувшихся съ ученья солдатъ. Я совсѣмъ потерялась въ этомъ гомонѣ и съ любопытствомъ и опаской оглядываюсь по сторонамъ.

Одни бѣгутъ умываться и, стоя съ полотенцемъ, тщательно растираютъ мокрые вихры. Другіе, съ трудомъ дойдя до койки, валятся на нее, какъ подкошенные. Иные разуваятся и, качая головой, осматриваютъ стертые и мозолистые ноги. Кое-кто оглядываетъ меня, но такъ, между прочимъ, и идетъ скорѣй своей дорогой. Ни одинъ не задѣлъ меня. Одно ужъ это—хорошій, много говорящій признакъ. Когда на Пасхѣ я пришла было въ казарму къ семеновцамъ, такъ не знала, какъ и выбраться отъ пьяныхъ развратниковъ.

— Федь! Ротный зоветъ! Письмо, сказываютъ, прислано.

— Врешь, чортъ!

— Самъ ты чортъ трехногій! Тебѣ говорятъ, сигай скорѣе!

— Бриться, бриться! Къ цырульнику пожалуйста! За гривну первый сортъ огрѣть! Робя! Слышь что ли, лѣшіе! Къ цырульнику, кто къ цырульнику?—кричитъ благимъ матомъ какой то неугомонный, вихрастый солдатикъ.

— Пошелъ къ чортовой матери на рога! Чего подъ самымъ ухомъ орешь? Звѣздану вотъ!—замахивается на него здоровенный рыжій дѣтина.

Но вихрастый извернулся и какъ разъ ладонью пришелся по толстой спинѣ рыжаго. Даже стекла задрожали отъ поднываго смѣха. Побагровѣвшій отъ конфуза дѣтина бросается за обидчикомъ. Поднимается такой содомъ,

что упаси Боже! Одному загораживаютъ дорогу, другому подставляютъ ногу, подзадориваютъ насмѣшками и крѣпкими словами.

— Къ цырульнику, къ цырульнику!—доносится голосъ уже изъ дальняго угла.

Съ трудомъ выбираюсь изъ этой каши. Тиходумъ провожаетъ меня и, какъ бы извиняясь, объясняетъ:

— Играются съ устанку, что подѣлаешь!

Раздается густой звукъ колокола.

— Смирно! Обѣдать!—кричитъ фельдфебель. И сейчасъ же, перебивая его, раздаются оглушительные крики и свистки:

— Обѣдать, мышѣды! Начальство обѣдать приглашаетъ!

— Мышей откормленныхъ заготовили!

— Солдатушки, браво ребятушки! Кто мышей не ѣдалъ? Жиръ съ нихъ топится, въ животы ваши просится!

Ругаясь и сплевывая, съ криками и хохотомъ, проходятъ мимо меня солдаты широкимъ потокомъ въ столовую.

Съ цѣлымъ клубкомъ нераспутанныхъ мыслей и чувствъ вышла я на улицу. Кто же больше правъ, Ласточкинъ или Панъ? Что же обозначаетъ и предвѣщаетъ видѣнное и слышанное мною?

— Шумный у васъ народъ!—бросаю я часовому, который привѣтствуетъ меня, какъ знакомую.

— Тутъ станешь шумнымъ! Доведутъ, до чего хочешь доведутъ!—говоритъ онъ, прислушиваясь къ шуму изнутри и словно отвѣчая на заданный мною себѣ вопросъ.

До чего хочешь... До того ли, чего мы хотимъ, или до того, чего начальство захочетъ?

ГЛАВА VII.

„Ушкунникъ и подвижникъ“.

Полноводною рѣкой течетъ время. Товарищи съ головой ушли въ работу. Но я все еще у дѣлъ. Хочу обжиться, увѣриться въ себѣ и убѣдиться въ прочности своего положенія. Понемногу вхожу въ роль прислуги. Но все еще не безъ тревоги показываюсь на дворѣ, все еще замираетъ сердце при встрѣчахъ съ дворникомъ. Только жена рабочаго, чахоточная Михайловна, не страшна мнѣ; къ ней охотно забѣгаю покалякать. И когда на дворѣ собирается цѣлый клубъ, я жмусь къ ней, словно ищу у нея защиты отъ возможныхъ подозрѣній.

Пока «клубъ» судачать о господахъ, или перемываетъ косточки своимъ ближнимъ, я еще ничего. Но когда начинаютъ про политику,—я съ трудомъ сдерживаю улыбку и вся превращаюсь въ слухъ и вниманіе. Дворникъ—старичекъ шамкающимъ ртомъ ворчливо рассказываетъ, какъ его заставляютъ слѣдить, крамолу выискивать. Онъ старенькій, совсѣмъ деревенскій,—не пристаётъ къ нему сыскная премудрость. Приказчики изъ Гостиннаго Двора ругаютъ военное положеніе, изъ-за котораго и въ торговлѣ застой да и покутить какъ слѣдуетъ нельзя. Всѣ стонутъ, всѣ жалуются, и рабочіе, и ихъ жены, и извозчики, и ремесленники, и прислуга. У всѣхъ свои горести. Но у всѣхъ одинъ вѣчный припѣвъ: вотъ соберется Дума,—и все пойдетъ по другому, по настоящему... Я вспоминаю Некрасовскую бабушку Ненилу, страстно ждущую, что «вотъ пріѣдетъ баринъ,—баринъ насъ разсудитъ»—и всѣмъ сразу наладить хорошую жизнь. Жалкая обывательщина, слѣпая и безсильная! Какимъ особеннымъ кажется послѣ нея нашъ міръ, міръ матросскій! Онъ, уже сознающій себя той силой, на которую надо полагаться, на которой—и только на ней одной—надо строить всѣ свои планы!

Ходила сегодня по порученію Дмитрія къ либераламъ по присланнымъ изъ Питера адресамъ. Разбитая душевно вернулась домой. Кучи батиста, лентъ, кружевъ, домашнія портнихи, спѣшка передъ отъѣздомъ на дачи,—жизнь, сплошь заполненная заботами объ устроении своего личного благополучія,—жизнь маленькая, плоская, скучная. На словахъ—сочувствіе революціи, а на дѣлѣ—боязнь риска, боязнь оказать намъ какую-нибудь помощь, и въ то же время боязнь сознаться въ этой боязни. Отказываютъ намъ во всемъ, прикрываясь тысячами разныхъ предлоговъ, придуманныхъ кое-какъ, на спѣхъ, шитыхъ бѣлыми нитками. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще хуже:

— Зачѣмъ вы толкаете на бунтъ? Освободительному движенію мы готовы сочувствовать, но бунту—нѣтъ, никогда.

— Мы на бунтъ толкаемъ? Мы?

— Ну да, хотя, можетъ-быть, и помимо воли. Разрушая дисциплину, дезорганизуя армію, чего иного можете вы ожидать? Да и вообще... Разрушаете авторитеты, а новаго не даете ничего. Благодаря вашей работѣ снова повторится пьяный, разрушительный бунтъ...

О, если бы они знали всю правду!..

Выходя отъ нихъ, вздыхаю съ облегченіемъ. И этотъ міръ былъ когда-то моимъ! Господи!

Жду Никиту въ Петровскомъ саду. Садъ старинный, тѣнистый, содержится чисто. По срединѣ, на широкой полянѣ, играютъ дѣти. На скамейкахъ няни и бонны съ завитыми прическами; это—аристократія среди прислуги. Мое затрапезное одѣяніе онѣ окидываютъ презрительными взглядами. Отхожу въ сторону, гдѣ меньше проходятъ.

Вотъ, наконецъ, и Никита.

— Ну что, обжились? Увѣровали, наконецъ, въ себя? Ласково посмѣивается онъ въ бороду, снявъ картузь и отирая потъ со лба.

Онъ только что съ митинга на Косѣ. Прошелъ «чинно, благородно», какъ выражаются матросы. Каждый ораторъ налагалъ свою программу безъ полемическихъ выпадовъ противъ другой стороны. «Такъ-то много понятнѣй!»—отзывается большинство слушателей. Оказывается, у солдатъ было условлено: за первое рѣзкое слово тащить оратора съ трибуны долой.

Никита рассказываетъ, какъ всѣмъ понравилась прокламація Дмитрія, какъ Ягуновъ, прочтя ее, скрылся изъ Кронштадта, оставивъ на своей постели огромный конвертъ съ адресомъ, написаннымъ четкимъ канцелярскимъ почеркомъ:

«Въ Главную Революціонную Квартиру
Комитетской Боевой Партіи

кондуктора ...скаго экипажа
Петра Семенова Ягунова

Нижайшее прошеніе»

«Прошеніе» на веленовой бумагѣ. Оправдывается: «Враги, говоритъ, оклеветали меня. А я не токмо что, я даже завсегда готовъ служить революціи».

Никита отъ души радъ этой безкровной развязкѣ.

За кустами послышался шорохъ. Никита замолчалъ, оглянулся. Мимо проходитъ солдатъ съ горничной.

— Э, вспугнули сердешныхъ!—говоритъ Никита, скользя по нимъ благожелательнымъ взглядомъ. Военные вообще его слабость, каждый солдатъ для него родной братъ. А сегодня онъ особенно «вседовольный, всеблаженный».

— Благодать-то, благодать-то какая!—говоритъ онъ, щурясь отъ солнца. И его широкое, съ окладистой бородой лицо кажется само переполненнымъ «благодати»—широкой, тихой и радостной.

Проситъ остаться вмѣсто него поджидать Колмакова, а самъ торопливо уходитъ. Провожая глазами его коренастую фигуру,—и свѣтло-благодарное чувство къ нему подымается въ груди. Трудно пришлось бы намъ безъ

него. Не знаемъ мы ни жизни военныхъ, ни обывательской. А онъ среди всѣхъ этихъ торговцевъ, дворниковъ, мѣщанъ, прислуги, не говоря уже о рабочихъ и военныхъ — какъ рыба въ водѣ. Легко и просто ориентуется въ этой чуждой и непонятной для насъ средѣ, постоянно даетъ намъ дѣльные, практическіе совѣты, разрѣшаетъ наши затрудненія.

Протяжно, съ завитками, мучительно жалостно и нестерпимо долго завываетъ на судахъ сирена. Я вспоминаю первое впечатлѣніе отъ нея. Какъ вонзалось въ сердце это завываніе, будя безпричинную жуть и страхъ! А теперь?

И вдругъ я ощущаю въ себѣ что-то новое; что именно, я еще не понимаю, но ясно сознаю, что я уже не прежняя, — и пытаюсь ухватить въ себѣ это новое.

Когда я ѣхала сюда, я говорила себѣ — пусть! Пусть будутъ трудности, лишенія, мученія! Я ждала, я почти просила ихъ у судьбы, потому что только черезъ нихъ я надѣялась приблизиться къ заповѣдной чашѣ, приобрести право на участіе въ великой мессѣ, совершаемой избранными, алчущими и жаждущими правды и свѣта. Я — недостойная, слабая, неспособная. Только претерпѣвая эти мученія, только побѣждая эти трудности, я проверяла свои силы и начинала хотя бы въ малой мѣрѣ вѣрить въ себя.

Пусть! — твердила я себѣ, когда цѣловала меня прямо въ губы сифилитичка, сосѣдка въ пріютѣ, и когда я пила тамъ даровой чай изъ грязной оловянной кружки послѣ такой же, можетъ-быть, больной. Пусть! — ободряла я себя, когда кричала на меня начальница пріюта, или когда барыни допрашивали про жениховъ и гнали за улыбку, какъ продажную развратницу. Пусть! — утѣшала я себя, когда проходившій мимо подвыпившій матросъ чмокалъ меня при громкомъ хохотѣ товарищей. Пусть, пусть, пусть.

А вотъ сейчасъ, здѣсь, сидя на скамейкѣ, я вдругъ почувствовала что это „пустъ“! — лишнее, потерявшее весь смыслъ, ненужное, какъ ненуженъ больше мостъ, уже сослужившій свою службу. Да, я уже тамъ, по другую сторону моста. Я уже стою у самой чаши, мнѣ уже безразлично, будутъ или нѣтъ трудности и испытанія. Душа моя, замороженная и скоробившаяся, понемногу оттаяла, распрямилась, раскрылась для міра, какъ весною раскрывается домъ, всѣми окнами и дверьми вбирающій въ себя свѣжій воздухъ, и свѣтъ, и даль, и просторъ...

И чудится мнѣ, будто золотые, рдѣющіе лучи солнца, что прорѣзаютъ нѣжно-зеленую, не очень еще густую листву, и играютъ на пескѣ золотыми кружечками, будто это не лучи, а безконечныя золотыя нити, которыя протягиваются отовсюду въ одну точку, и эта точка — моя душа. Все кругомъ — и трепещущій въ воздухѣ дѣтскій смѣхъ, и звонкое щебетаніе птицъ, и тихіе разговоры женщинъ, и

заводскіе гудки, и зеленоватый отблескъ раскидистыхъ деревьевъ, и прохлада тѣни, и лучезарность голубого неба, — все это свободными, богатыми волнами вливается въ мою душу и держитъ ее въ состояніи необычнаго трепета, радостнаго, восторженнаго, пьянящаго, — и въ то же время такого созерцательно-свѣтлаго и проясненно-прекраснаго.

Сижу не шевелясь, словно зачарованная, не поднимая головы, боясь вспугнуть самое себя. Такъ остаюсь и тогда, когда подошелъ и сѣлъ рядомъ со мною Калмаковъ, а по другую сторону — занесенный въ садъ неизвѣстно откуда Сорокинъ.

Я слушаю ихъ разговоръ сначала почти въ забытьи, вся отдавшись своимъ новымъ ощущеніямъ. Откуда-то издали долетаютъ до меня ихъ голоса. Но мало-по-малу они приковываютъ къ себѣ мое вниманіе, эти матросы — революціонеры, эти два столь различныхъ типа.

Вотъ говоритъ Сорокинъ, попавшій сюда на службу нѣтъ далеко Сибири, матросъ 2-й статьи 2-й дивизіи II-го экипажа. А моему странно настроенному сегодня воображенію рисуется новгородскій ушкунникъ, забравшійся въ своей легкой ладѣ за тридевять земель искать счастья вдали отъ родины. Или вольный казакъ, ушедшій вмѣстѣ съ атаманомъ своимъ, Ермакомъ Тимофеевичемъ, въ далекую Сибирскую тайгу, покорившій сибирскія народности и смѣшавшійся съ ними — и кровью, и обычаями, и нравами.

Въ самомъ дѣлѣ, откуда въ немъ эта ртутная подвижность, эта страсть къ приключеніямъ? Какую-нибудь недѣлю живу я въ Кронштадтѣ, а уже нѣсколько разъ въ самыхъ различныхъ концахъ города попадалась мнѣ его долговязая фигура, его ухмыляющееся, съ маленькими глазками, скуластое лицо. Какъ его далекій предокъ, новгородскій ушкунникъ, онъ не довольствуется тѣмъ, что близко, подъ рукой, онъ идетъ къ другимъ, еще незатронутымъ нашей работой слоямъ солдатской и матросской массы. И чѣмъ труднѣе и опаснѣе доступъ туда постороннимъ, чѣмъ больше отвѣтственность, тѣмъ неудержимѣе тянетъ его туда. И чѣмъ строже и грознѣе къ нему начальство, тѣмъ онъ чувствуетъ себя съ нимъ свободнѣе, непринужденнѣе и, главное, веселѣе. «Хайло свое замкни!» — «Замокъ, ваше благородіе, забылъ припасти»!

А рядомъ съ нимъ Калмаковъ съ его негромкой и сдержанной рѣчью, съ его задумчивымъ, упорнымъ взглядомъ, которымъ онъ какъ будто хочетъ прозрѣть будущее. Какъ тяжелой болѣзнью, всецѣло захваченъ онъ страстью «на пользу общую». Военная организація, это — его сокровище, надъ которымъ онъ, какъ скряга надъ золотомъ, не смыкаетъ глазъ. Послѣ осенняго урагана, съ корнемъ вырваннаго еще слабые тогда ростки организаціи, Калмаковъ

былъ прямо страшенъ, какъ страшенъ бываетъ скопидомъ-хозяинъ на пожарищѣ, потерявшій вдругъ все добро, всѣ плоды своихъ многолѣтнихъ трудовъ. Безумно металась и бунтовала душа, не хотѣла, не могла примириться съ совершившимся. Сурово сжались губы глубоко ушли глаза, похудѣло, осунулось лицо. Да и теперь еще товарищи относятся къ нему съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ къ человѣку «не отъ міра сего», хотя и уважаютъ его еще больше прежняго. Дѣйствительно, что-то подвижническое, негибимое, «обреченное» сказывается по всей фигурѣ, зеленоватые глаза его порою загораются какимъ-то магическимъ блескомъ.

— Нашего брата-матроса тоже понимать надо, — говоритъ онъ не спѣша, словно задумавшись, — о чемъ? — о предметѣ ли разговора или о чемъ-то своемъ, неотступномъ? — «Да, понимать его нужно! главное, — душа въ немъ опустѣла. Убили въ немъ старую правду, — вѣра въ Бога, въ царя обманомъ оказалась. А новой-то и нѣту. А безъ правды въ душѣ какъ проживешь? Отчаяннымъ сталъ матросъ. Отъ этой самой отчаянности и бунтъ вспыхнулъ».

Сорокинъ въ это время наклоняется, свѣшивается со скамейки всѣмъ своимъ длиннымъ нескладнымъ туловищемъ, рветъ молоденькія травинки, нѣжно разглаживаетъ ихъ у себя на колѣняхъ, разсматриваетъ на свѣтъ, лижетъ языкомъ.

— Оказія! Право, оказія! Вѣдь вотъ ровно ничего изъ себя не оказываетъ, а глядѣть — не наглядѣться! Любо!

Понюхаль: — «Духъ-то! Земля — одно слово!»

Вотъ вѣдь: одинъ про Бога, про правду, а другой... Да это подлинный язычникъ! Богъ, правда — это не его сфера. Земля — вотъ его Богъ, его правда.

— Въ тюрьмѣ когда сидѣлъ, — продолжаетъ про свое Калмаковъ, — много я тамъ этого народа насмотрѣлся. Одно слово — опустѣлыя души: къ чему человѣкъ тянется, — и самъ не знаетъ. А тянется. Какъ раскроешь ему глаза, сразу словно другимъ человѣкомъ станеть. Да только не вѣрно, что сразу: можетъ, сколько времени душа его голодала, испытъ просила, и только напилась сразу.

— Расскажите про тюрьму, — прошу я.

Калмаковъ задумавшись, молчитъ. За него начинаетъ Сорокинъ.

— Что про тюрьму? Кончился бунтъ, всѣхъ насъ — маршъ подъ арестъ. Какъ скотину, скопомъ. Да на форты, да въ городъ, да опять на форты. А офицеры... который вчера трусу праздновалъ, пятками сверкалъ, сегодня пуще всѣхъ куражится... Эхъ, да что объ этомъ! Заклятыхъ враговъ изъ насъ на вѣки вѣковъ аминь сдѣлали. Но ужъ дождемся же мы своего! Получать отъ насъ сдачи пол-

ностью! — Недобрымъ блескомъ горятъ его узенькіе глазки, вчужь жутко передъ этой непритворной ненавистью, передъ этой глубоко засѣвшей жаждой мести.

— А тутъ хватъ — своихъ не досчитываемся, — продолжаетъ онъ: — то изъ одного, то изъ другого экипажа, какъ сквозь землю провалились. На свиданки народъ ходилъ — сказывали: видѣли, какъ нашихъ въ море кидали, руки связаны...

— Но вѣдь это же не правда!

— Тогда всему вѣрили, потому какъ совсѣмъ въ тѣ поры изверги изсобачились. Мытарили они насъ и такъ и сякъ, по всѣмъ статьямъ. И мы... тоже все злѣе дѣлались. На волѣ, слышимъ, амнистія, изъ тюремъ освобождаютъ, а намъ разстрѣлъ за бунтъ предстоитъ. Къ пьяницамъ да къ ворамъ, къ тѣмъ еще ничего, милостивѣе были, ну, а трезвымъ — всѣмъ грозили, потому какъ крамольниками насъ считали.

Сорокинъ затягивается папирской. — Говори, пока выкурю, — бросаетъ онъ Калмакову.

— Стало-быть, прослышали мы тутъ, — начинаетъ тотъ, — въ Петербургѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ забастовку объявилъ, требуетъ, чтобы намъ казни отмѣнили. Крѣпко ударило это нашихъ. «Всероссійская забастовка! Всѣ за насъ заступились! Ну, ладно, долгъ платежемъ будетъ краденъ, сумѣемъ и мы въ свое время за народъ постоять!» Вотъ что говорили.

Лицо Калмакова измѣнилось, просвѣтлѣло, голосъ сталъ мягкимъ, почти нѣжнымъ. Сорокину хочется вмѣшаться, но онъ сдерживается, только млѣетъ и, улыбаясь, крутитъ головою.

— Повѣрите ли, — повертывается ко мнѣ Калмаковъ: — плакали у насъ, когда про это постановление узнали. Плакали многіе, которые совсѣмъ даже темные были. «Какъ же, кричитъ какой-нибудь пьянчужка, — какъ же я могу теперь себя по-скотски вести, когда рабочій человѣкъ и дѣти его малыя изъ-за меня голодаютъ, чтобы мнѣ, подлену, пьяницѣ, разстрѣла избѣжать? Каюсь! — кричитъ, — встану и я теперь свое старанье приложить къ дѣлу!» Да, проняло тогда, многихъ проняло.

Сорокинъ не вытерпѣлъ:

— Былъ у насъ въ тюрьмѣ матросъ, изъ нашей роты, рослый такой, Власовымъ звать. Ухватилъ онъ разъ обоими руками за раму, дергаетъ ее, инда трескъ по камерѣ: «Силовъ, кричитъ, больше моихъ нѣтутъ! Человѣкъ въ обидѣ! Рухайте, рѣшетки желѣзныя! Рухайтесь, дьявольскія измышленія! Сгиньте на вѣки вѣковъ, палачи-изверги!» Затрещала рама. Прибѣгли надзиратели, въ карцеръ уволокли! Вотъ тебѣ и дьявольскія измышленія!

Здорово парня исполосовали въ карцерѣ!—неожиданно весело заканчиваетъ онъ.

Они про тюрьму говорятъ, а мнѣ думается: не такой ли тюрьмой—мачехой была вся русская исторія для лучшихъ людей Россіи на протяжении многихъ вѣковъ, однихъ превращая въ «вольныхъ казаковъ», другихъ гоня въ пустыни—спасаться, самоистязаться, самосожигаться? Но вотъ наконецъ здѣсь, въ лицѣ этихъ двухъ матросовъ, вольница и подвижничество, эти два коренныхъ противоположныхъ начала русской жизни, подають другъ другу руки. И съ безудержностью,—чертой, роднящей ихъ между собою,—оба устремляются на служеніе «сущей правдѣ», и вся долгая исторія дерзаний, порывовъ, исканій, томленій сказывается въ ихъ ненасытной жадѣ этого служенія.

Есть между ними огромная разница. Одинъ отдается дѣлу съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ соловей отдается пѣнью, а ребенокъ—игрѣ. Работать въ революціи для него—значитъ плыть по широко-широко разлившейся родной Ленѣ, бурной, порожистой, опасной, но именно этимъ и чарующей, этимъ и дорогой. Въ революцію его толкаетъ жажда удала съ одной стороны, жажды мести—съ другой, ненасытная жажда увидать мужика, споконъ вѣковъ униженнаго,—возвеличеннымъ, свободнымъ, а главное—веселымъ, а ненавистныхъ враговъ своихъ, всю эту, по его терминологіи, «сволочную пакость» въ чиновничьей и офицерской шкурѣ—увидать униженной, раздавленной, а главное жестоко, беспощадно осмѣянной, выставленной на поруганіе.

По иному пути, иными дорогами идетъ въ своей жизни Калмаковъ. Для него революція—не праздникъ, а мука творца, покупающаго цѣной собственной крови каждый штрихъ своего произведенія.

Есть и другая разница. Сорокинъ идетъ мстить начальству за издѣвательства надъ матросами, все прощаетъ своимъ, и ничего не прощаетъ, не забываетъ врагамъ. А Калмаковъ? О, его сердце не такъ трогаютъ преступленія начальства. Онъ сгораетъ со стыда за матроса, опозорившаго себя и бунтомъ и участіемъ въ усмирении, онъ мечтаетъ смыть этотъ позоръ со всего флота.

Пусть все это такъ. Но и тотъ и другой, хотя каждый по своему, дѣлають одно дѣло,—дѣло возрожденія народа, выпрямленія народной души. Въ одномъ говоритъ оскорбленная честь, въ другомъ—уязвленная совѣсть.

До поздняго вечера таскала я въ этотъ день наши, эсэровскія, книги и газеты на соціалъ-демократическую квартиру, гдѣ уже полъ-комнаты было завалено ихъ газетой «Казарма» и нашими книгами. Все это надо было разсорттировать, разложить по кучкамъ,—на каждое уходящее судно по библиотечкѣ,—перевязать и перенести на себѣ, незамѣтно для посторонняго глаза, въ другое мѣсто, куда свободно могли приходиться матросы. Безъ конца исколесила я городъ, таская все новыя и новыя груды книгъ. Но не чувствовала ни жары, ни усталости, ни голода. На душѣ праздникъ. Отчего это? Отъ объединенія ли съ соціалдемократами, отъ мысли ли, что будетъ духовная пища матросамъ въ морѣ, или отъ воспоминанія о разговорѣхъ въ саду? Не знаю... Отъ всего вмѣстѣ...

ГЛАВА X.

Потеряла мѣсто.

Открылась Дума, «Первый Русскій Парламентъ».

Сажу на скамейкѣ въ Собачьемъ саду, прозванномъ такъ потому, что на его воротахъ нѣтъ ненавистой надписи: «Собакамъ не водить, нижнимъ чинамъ входъ воспрещается». Рядомъ со мною изможденная, безъ кровинки въ лицѣ, женщина, съ обычнымъ вязаньемъ въ рукахъ.

— Ужъ больно ты худая, какъ я погляжу!—говоритъ она мнѣ:—молодая, а такая тощая!

Я рассказываю ей что-то про безрадостную жизнь, про тяжелую женскую долю.

— Охъ, сердешная ты моя, извѣстно, дѣло наше женское, завсегда такъ. Вотъ и я тоже маюсь: мужа при машинѣ убило, одна осталась съ малыми сиротами. Какъ тутъ проживешь? Сказывали, должно способіе итти. А кто охлпочетъ? Кто заступится? Вотъ Дума, говорятъ...

— Что, Дума?—живо повертываюсь я къ ней.

— Да, не знаешь что ли? Думу сегодня со всей земли собрали. Какъ же. Ванюшка у насъ со двора ѣздилъ въ Питеръ, рассказываетъ. Что тамъ и дѣется! Ъхали это сенаторы въ раззолоченныхъ мундирахъ, разсѣлись въ каретахъ со всею важностью. А народу собралось тьма—тьмущая: «Довольно,—кричатъ, имъ,—господа енералы да сенаторы, дармоѣдничать вамъ да на коняхъ разѣзжаться! Шабашъ теперь вашему барству! Ходи вровень со всѣми!» Вытрясли ихъ изъ каретъ золоченыхъ, и пошли енералы и сенаторы тихохонько, вровень со всѣми. Небось, скрутятъ ихъ тамъ, въ Думѣ-то! Авось, тогда и намъ полегчаетъ!

«Авось полегчаетъ», «авось кто-то скрутитъ», кто-то что-то за насъ сдѣлаетъ!

Вечеромъ бѣгу къ одному знакомому либералу. Съ головой погружаюсь въ газеты.

«Великій день наступилъ, и всѣ ждутъ что-то скажетъ онъ»...—читаю я въ одной передовицѣ. «Народные избранники пришли, чтобы широко распахнуть двери для побѣднаго шествія народа къ свободѣ и счастью. Они взяли на себя тяжелую ношу народныхъ страданій, чтобы сбросить ее навсегда съ народныхъ плечъ»....

Я уже читала на дняхъ нѣчто подобное своей хозяйкѣ. Она слушала, умиленная, до слезъ растроганная. Подъ конецъ не выдержала, разрыдалась.

Я гляжу на газетныя строчки, а передъ глазами встаютъ: плачущая хозяйка, женщина въ саду, посѣтителы клуба на дворѣ... Вспоминается 9-ое января, толпы съ хоругвями, съ иконами, со священникомъ впереди, идущія къ царю.. Тогда вѣрили въ Гапона, вѣрили, что онъ дойдетъ до царя, откроетъ ему на все глаза, и все устроится. Теперь вѣруютъ, что это сдѣлаетъ Дума. Съ горечьюжимаешь плечами—и въ тоже время преклоняешься передъ полнотою и силой этой народной вѣры, передъ святостью ея...

А вотъ и царскій манифестъ къ «своимъ возлюбленнымъ подданнымъ»:

«Да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли русской»...

А вотъ рѣчь царя при приѣмѣ членовъ Думы:

— «Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ я повелѣлъ возлюбленнымъ моимъ подданнымъ выбрать отъ себя»...

Коробить это лицемѣріе. Ужъ лучше приватное заявленіе министра Горемыкина, откровенное и грубое, что треть состава Думы онъ считаетъ весьма годными для ви-сѣлицы.

А легковѣры во главѣ съ Петромъ Струве радостно трепыхаются крылышками и, захлебываясь отъ восторженнаго умиленія, счастливо чирикаютъ: «Зима прошла! Растаялъ ледъ!»...

Лихорадочно пробѣгаю вороха газетъ. Сколько ироническихъ иллюстрацій къ этимъ посуламъ «нравственнаго обновленія земли русской»!

24-го апрѣля въ Ревелѣ разстрѣляны Ганстбелехъ, въ Варшавѣ повѣшенъ Мелтранъ; 26-го въ Одессѣ приговоренъ къ смертной казни крестьянинъ Рымша за ограбленіе 8-ми рублей въ винной лавкѣ... Меллеръ-Закомельскому пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла за его чудовищные усми-

рительные подвиги въ Сибири... Изъ Гомеля вѣсти о подготовкѣ новаго погрома... Въ Симбирскѣ въ день созыва «Парламента» звѣрское избіеніе мирныхъ жителей, манифестирующихъ въ честь этого парламента.. Въ Питерѣ по дворамъ усиленные наряды казаковъ, драгунъ и пѣхоты...

Гдѣ искать проблеска свѣта среди этой тьмы? Во что вѣрить? Одно остается: вѣра въ народъ, вѣра въ вѣру народа. Для него Дума стала уже святыней. Дастъ ли онъ разбить ее безнаказанно?

«Мы на все готовы! Пусть только тронутъ нашихъ избранниковъ! Мы имъ покажемъ! Мы кровью завоюемъ свои права!»—такія слова раздавались на проводахъ крестьянскихъ депутатовъ въ Самарской губерніи.

«Ступайте за землей—и безъ земли не возвращайтесь! Лучше умрите! Или съ землей—или въ землю!»—напутствовали своихъ избранниковъ казанцы.

«Иди въ Думу,—и умри тамъ со славой, иначе здѣсь умрешь со стыдомъ!»—говорили пензяки.

Когда раньше русскій народъ говорилъ такимъ языкомъ? А газеты!

... «Творится нѣчто невообразимое, нѣчто такое отъ чего люди приходятъ въ отчаяніе и рѣшаются на все»...—читаю я въ умѣренномъ «Правѣ».

... «Что-то огромное, тяжелое и грозное нависло надъ нами,—пишетъ тамъ же Короленко»:—отъ такта министерства будетъ зависѣть, удастся ли отворить эту грозу или она разразится надъ нами неслыханной катастрофой...

И еще, и еще, много такихъ же предсказаній о томъ, что при такихъ условіяхъ роспускъ Думы будетъ «роковымъ по послѣдствіямъ»...

Итакъ, народъ плачетъ, вздыхнетъ, иногда угрожаетъ, но больше всего вѣрить и ждать. А правительство? О, оно не ждетъ; зрѣютъ проекты роспуска только что собранной Думы, готовятся пулеметы, блиндированные автомобили, карательные поѣзда, вырабатываются планы войны съ народомъ.

Неспокойно и у насъ въ Кронштадтѣ. Идутъ усиленные разговоры о 1-омъ мая, о предстоящихъ демонстраціяхъ, забастовкахъ, арестахъ. Кронштадтъ теперь положительно кишитъ шпіонами. Изъ полицейскихъ круговъ узнаемъ, что для слѣжки за «подозрительными» набраны мальчишки лѣтъ 16-ти—17-ти, изъ среди жуликовъ, воровъ и проходимцевъ, что шпіоны шныряютъ подъ видомъ татаръ-старьевщиковъ, а шпіонки—подъ видомъ проститутокъ.

Хожу подтянутая и особенно зоркая, крещусь передъ каждой часовой, чтобы былъ лишній поводъ оглянуться. Всюду видны подозрительныя, непріятныя лица.

Проходитъ нѣсколько дней. Долго не рѣшаюсь сама себѣ повѣрить, но это такъ: за мною слѣжка. Какъ? Почему? Ломаю себѣ голову, но ничего, рѣшительно ничего не могу понять. Прежнее отношеніе встрѣчаю къ себѣ на дворѣ: равнодушное со стороны всѣхъ, добродушное со стороны старика-дворника, тепло-участливое со стороны Михайловны. Значитъ, не съ нашего двора началось, со стороны нанесло тучу. Но откуда?

Шпики караулятъ нашъ домъ. Хозяинъ рветъ и мечетъ въ какомъ-то животномъ испугѣ. Хозяйка, посѣрѣвшая и осунувшаяся, еле дышитъ, боится слово вставить. Въ домѣ, какъ на зло, недавно привезенная литература. То и дѣло вытряхиваю скатерти и одѣяла за окномъ, или бѣгу въ лавочку, чтобы еще разъ провѣрить. А тамъ шпики пристають съ разговорами:

— Въ которомъ этажѣ служишь, красавица?

Будто бы принявъ ихъ за «ухажеровъ» сержусь и посылаю ихъ ко всѣмъ чертямъ.

Шпики уже заходятъ во дворъ, взбираются на лѣстницу, ихъ рожи торчатъ изъ сѣней въ кухонное окно.

Принявъ всѣ возможныя и невозможныя мѣры предосторожности, выношу подъ шалью литературу. Чтобы лучше замести слѣды, захожу въ церковь, выстаиваю до конца длинную обѣдню. Въ отчаянной тоскѣ и изнеможеніи припадаю горящимъ лбомъ къ холодному полу и замираю. Холодокъ отъ пола камня проходитъ подъ кожу, забирается все дальше и глубже. Оживаютъ въ памяти всѣ зловѣщія предсказанія, всѣ дурныя предчувствія.

Смѣшавшись съ толпою, уношу книжки къ одной барышнѣ, Марѣ, знакомой Дмитрія. Къ Никитѣ итти не рискую: слѣжка можетъ быть и тамъ.

Не заставъ Мары дома, оставляю у нея литературу съ запиской, прося, чтобы Никита и Дмитрій ко мнѣ не заглядывали.

Дома новое испытаніе: хозяйка проситъ наколотъ дровъ для бани. „Самъ сердитый, скоро вернется надо поскорѣе“. Никогда въ жизни не колола я дровъ, но приходится. Что подумаютъ на дворѣ, если возьмется сама хозяйка? Забравшись въ уголъ двора, безсильно стучаю топоромъ, боясь оглянуться, не видитъ ли кто. То останавливаюсь въ недоумѣніи, когда топоръ уткнется въ колоду и не желаетъ выходить оттуда ни взадъ ни впередъ; то въ испугѣ отскакиваю, когда капризное полѣно, вмѣсто того, чтобы

расколоться отъ удара, летитъ совсѣмъ по неуказанному адресу и пребольно ударяетъ меня по ногѣ. Одно къ одному ужъ! Одинъ отвѣтъ!... Не такъ ли все и въ нашей жизни? Направляемъ ударъ въ одну сторону, а онъ, невѣдомо, почему,—валится на нашу же голову.

Оборачиваюсь на голосъ, вся красная отъ натуги и смущенія, смотрю,—Михайловна. Начинаю причитать:

— Не велѣли дохтора тяжелое дѣлать, барыня брала на легкую работу, а теперь: то ей дровъ накопи, то коврище вытряси...

Михайловна, не говоря лишняго слова, берется за топоръ. Летятъ во всѣ стороны расколотыя полѣнья, весело поблескивая свѣжей древесиной.

Дома рассказываю про казусъ, хозяйка дуется: на весь дворъ ее осрамила, никто къ ней служить не пойдетъ.

Нагрузившись еще разъ, будто въ баню иду, уношу остальную литературу. Снова долго, бесконечно долго жду Мару. И снова не дождавшись, какъ въ воду опущенная, возвращаюсь домой. А тамъ...

Хозяинъ, какъ укушенный, бѣгаетъ по комнатѣ, швыряетъ тарелки, придравшись, что не чисто вытерты, извергаетъ какіе-то непонятныя слова и намеки. И вдругъ прорывается...

— Куда это вы ходили сейчасъ? Кто васъ знаетъ? Можетъ, въ охранку?..

И пошелъ, и пошелъ...

Онѣмѣвъ отъ изумленія и негодованія, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, стою, ухватившись за притолку, стараясь понять, въ чемъ дѣло. Хозяйка шепчетъ, наклоняясь:

— Совсѣмъ рехнулся! Наказаніе Господне! Это онъ со страху: обыска опасается. Вы унесли книжки-то, а онъ у себя нашелъ двѣ завалящихъ. Вотъ и взбреди дуралею въ башку, что вы ихъ ему подбросили, а сами доносить пошли. Вы долго не ворочались, а что тутъ было-то!..

Глаза у нея заплаканные...

Стучусь къ хозяину, заявляю ему о своемъ уходѣ. Голосъ словно не мой, губы дрожатъ, ноги подкашиваются. Смотрю на толстую, страшно напружившуюся шею, на заплывшіе, съ красными жилками глаза, на трясущееся брюшко. Кто довелъ его до такого состоянія? Кто разъярилъ этого быка? И какъ теперь оставить съ нимъ Варвару Степановну?

Собственная опасность начинаетъ отходить на задній планъ, а собственная вина все вырастаетъ и вырастаетъ. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не безуміемъ было съ нашей стороны соглашаться на его предложеніе. Онъ сдѣлалъ его, какъ нсмысленный ребенокъ, а мы...

— Коли хотите, живите! — говоритъ онъ, на моментъ смягчившись: — мѣста въ квартирѣ не жалко... А впрочемъ, лучше всѣмъ бы вамъ убираться изъ Кронштадта по-добру, по-здорову. Довольно! Нажились, надѣлали дѣловъ! Наработали революцію! Людей только провалили! А то, будете въ другомъ мѣстѣ жить, все равно дознаются, что моя прислуга, пытать меня будутъ!.. Охъ, пропадать видно моей головѣ! — выкрикиваетъ онъ, снова входя въ ражъ.

Ну, и въ кашу же я влѣзла!

Подъ прикрытіемъ темной и дождливой, на мое счастье ночи, черезъ заборы и сосѣдніе дворы, выбираюсь наконецъ изъ этого ада. Почти бѣгу по улицамъ, снова туда, къ ветхому домику. Неужели опять неудача? О, радость! Со свѣчей въ дверяхъ появляется молоденькая дѣвушка.

— Вы—Мара? Я — знакомая Дмитрія, два раза сегодня была у васъ...—бормочу я, еле переводя духъ.

Мара поднимаетъ на меня грустные усталые глаза, и, не говоря ни слова, ведетъ черезъ скрипучія сѣнцы, загораживая рукою мечущееся пламя свѣчи, въ свою убогую комнату съ низенькимъ потолкомъ.

— Наши цѣлы? Давно вы ихъ видѣли? Можете привести сюда котораго-нибудь?

Быстро накинувъ шаль, Мара тихо выскальзываетъ изъ комнаты. Кто она, эта тихая дѣвушка съ негромкимъ голосомъ, гладко причесанной головкой и длинной косой? Какъ отрадно отдаются въ моемъ измученномъ сердцѣ ея слова, что всѣ наши цѣлы! Какъ тепло отъ ея участливаго, мягкаго взгляда, отъ всей убогой, но опрятной обстановки дѣвичьей комнаты! И дождь за окномъ не кажется уже такимъ отчаянно тоскливымъ, и таетъ въ душѣ мало-по-малу чувство вины и безнадежной обреченности.

— Что, товарищи, видно и впрямь ничего другого не остается, какъ уѣзжать намъ изъ Кронштадта? — спрашиваю я приведенныхъ Марою Дмитрія и Никиту, рассказавъ имъ о своихъ мытарствахъ.— Ни отъ кого другого, кромѣ васъ, слѣжка не могла пристать ко мнѣ. Ясно, что всѣ мы провалены и должны убираться отсюда.

— Убираться?—удивляется Дмитрій.

— Ну да, конечно, убираться! Что жъ тутъ удивительнаго?

— Уѣзжать изъ Кронштадта? Бросать все?—переспрашиваетъ онъ, морщась, какъ отъ физической боли.

Ему не хочется, ему тяжело разставаться съ Кронштадтомъ, и по своей всегдашней манерѣ онъ отшучивается: «Зачѣмъ? Авось! Богъ милуетъ».

«Авось!»... А что, если онъ тоже ужъ на примѣтѣ? Что, если изъ-за него будутъ арестованы солдаты, и провалится вся организація?

Съ раздраженіемъ, почти со злобой я накидываюсь на Дмитрія, упрекая его въ преступномъ легкомысліи, въ небрежности, въ беззаботности; приплетаю сюда даже прошлогодній бунтъ и разгромъ. Все, что накопилось у меня на душѣ за эти дни шпионской осады, все, что натянуло и истерзало нервы,—все это выливается сейчасъ на его ни въ чемъ неповинную голову. Дмитрій не успѣваетъ отшучиваться. Никита смотритъ на меня съ болью. Въ глазахъ Мары укоръ и обида.

Наконецъ мнѣ становится стыдно своего раздраженія; впрочемъ, оно уже и разрядилось. Начинаемъ обсуждать дѣло хладнокровнѣе. Какъ всегда, вѣско говоритъ Никита, вѣско и успокоительно: онъ завтра идетъ въ полицію и наведетъ тамъ справки; ему, какъ дворнику, открыты двери, для другихъ запретныя.

А пока я отдаюсь въ полную власть Мары. Ночь провожу на ея скрипучей, узенькой и жесткой постели,—сама она уходить къ товаркѣ; а день—въ темномъ коридорѣ, въ квартирѣ какой-то толстой барыни, передъ которой Мара выдаетъ меня за знакомую крестьянку,—въ компаніи съ злющей, да къ тому же страшно блохистой собаченки. Только поздно вечеромъ Мара освобождаетъ меня изъ плѣна. Она сияетъ:

— Вѣдь васъ шпикъ-то подкупить хотѣлъ, чтобы вы помогли ему слѣдить за студентомъ, что жилъ напротивъ! Его сегодня арестовали. Все, все теперь выяснилось. Вы тутъ совсѣмъ, совсѣмъ ни при чемъ.

Завтра по порученію товарищей ѣду въ Питеръ.

ГЛАВА XI.

«О б р е ч е н н а я».

Ѣду въ Питеръ съ первымъ пароходомъ. Никогда, кажется, не забыть мнѣ этихъ утреннихъ поѣздокъ. Столько глубокой поэзии и молодой окрыляющей бодрости вносятъ онѣ. Все окружающее—и широкое раздолье моря, и лазурное, неоглядное небо, и прозрачная тишина утренняго воздуха, и вся музыка, весь блескъ величаваго пробужденія природы,—все, преломляясь въ душѣ, сливается въ большое восторженное чувство счастья, въ дивное ощу-

щеніе слянія съ природой, брызжущей мощью, красотой и радостью. Все кажется необычнымъ, изумительнымъ, молодымъ, будто впервые пришелъ на землю день, впервые солнце щедрыми пригоршнями разбрасываетъ свои пламенные лучи.

На Лисьемъ Носу пересадка на поѣздъ. На моментъ успѣваю заглянуть въ лѣсъ, темный, таинственный, замершій въ величавой тишинѣ. Ночь еще не ушла изъ него. Но уже смѣются переливчато брилліанты—росинки на молоденькихъ кустахъ брусники на опушкѣ, и манитъ весело выходящая тропинка.

Пріѣзжаю съ букетомъ лѣсныхъ цвѣтовъ и зелени. Отдаю его молоденькой курсисткѣ Настѣ, къ которой захожу переодѣться. Настя погружаетъ свое свѣжее личико въ зеленые кустики, словно хочетъ вобрать въ себя весь ароматъ лѣса. На кудряхъ у ней прыгаютъ, играя, непосѣды—росинки.

— Много дѣла?

— Много, Настя. Не знаю даже, какъ управлюсь.

— Давайте, помогу.

— Помогите,—смѣюсь я — найдите женщину для Кронштадта.

— Женщину? А я? можно?

— Вы, Настя? О, нѣтъ, нельзя. Нельзя. Ну, до свиданья, до вечера.

Поскорѣе ухажу. Сегодня Первое Мая. Это чувствуется всюду. За день бѣготни я успѣваю повидать немало типичныхъ для Питера первомайскихъ сценъ, наслушаться первомайскихъ рассказовъ. Пустыя зданія фабрикъ, охраняемая угрюмо насупившимися полицейскими. Рабочая молодежь, подтрунивающая надъ разѣздами казаковъ, жандармовъ и конныхъ городскихъ. Толпы демонстрантовъ, разгоняемая въ одномъ мѣстѣ и тотчасъ собирающаяся въ другомъ. Красныя знамена на лодкахъ по рѣкѣ. Крики: «Амнистія! Учредительное Собраніе!» Гдѣ-то пущены въ ходъ нагайки и холодное оружіе. Есть раненые и потоптанные лошадьми. Убитъ рабочими начальникъ адмиралтейскаго завода. Но все это не мѣшаетъ радостному оживленію и возбужденному ожиданію чего-то большого впереди... А вечеромъ все улеглось. Городъ затихъ. Только мѣрно цокаютъ подковы полицейскихъ разѣздовъ.

Такъ это напоминаетъ 1905 годъ, годъ «бури и натиска». Осенью этого года я впервые познакомилась съ Настей,—навѣки незабываемой Настей.

Помню морозный вечеръ, рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ съ моря, нѣмѣющія отъ холода руки и ноги, и усталость, страшную усталость. Помню маленькую комнатку съ привѣтливо пытящимъ самоваромъ, и вокругъ него

молодые лица. Это собрались наши военные работники. Красныя отъ мороза щеки, сосульки на усахъ, бородахъ и рѣсницахъ, блестящіе глаза, мокрая отъ талаго снѣга одежда. А около камина—молоденькая высокая дѣвушка, почти дѣвочка, съ вздрагивающими худыми плечиками.

— Господи! Да сколько же вамъ лѣтъ!—невольно вырывается у меня при взглядѣ на нее.

Она хочетъ казаться серьезной, но помимо воли ея губы раздвигаются въ улыбку, и окающимъ ярославскимъ говоромъ она отвѣчаетъ:

— Девятнадцать!

— Да вѣдь это же еще сущій ребенокъ! Да развѣ можно брать такую въ дѣло!—говорю я, отойдя, нашему «организатору».

— Ого!—многозначительно кидаетъ онъ:—вы посмотрите-ка ее на дѣлѣ!

Я не могу оторваться отъ Насти: по-дѣтски розовѣющія щеки съ пушкомъ, мягко довѣрчивое, открытое лицо съ трогательно невиннымъ отливомъ какой-то вдумчивой грусти, такое глубоко правдивое, чистое, просвѣтленное. И эти капельки, словно слезы, на оттаявшихъ рѣсницахъ такъ идутъ къ ея свѣтло-печальному выраженію.

Не успѣла я перемолвить нѣсколькихъ словъ съ другими, гляжу—Настя уже опять въ дверяхъ, одѣтая...

— Куда это вы?

— Нужно! Нужно!—сверкнула широкая поспѣшная улыбка, и захлопнулась дверь.

Оказывается—ее посылаютъ съ прокламаціями на окраину города, за Нарвскую заставу. Ее, самую молодую и неокрѣпшую, въ рваныхъ калошахъ, не давши ни согрѣться, ни напиться чаю, ее, уже цѣлый день пробѣгавшую, не успѣвшую даже пообѣдать толкомъ. Но—«такъ надо!» Остальные должны сегодня дѣлать доклады о своихъ районахъ, она одна свободна. Да, такъ надо. Но... чудится ея полудѣтская фигурка тамъ, среди сугробовъ предмѣстья, подъ жестокими ударами вѣтра,—и безпокойно бьется мысль, и неразрѣшеннымъ встаетъ мучительный вопросъ: человѣкъ или дѣло? что важнѣе? Нельзя, а надо! Гдѣ же выходить?...

Съ тѣхъ поръ прошло полгода. Сегодня опять встаетъ передо мною тотъ же проклятый вопросъ, и опять въ связи съ Настей. Сейчасъ и увижу ее. Что же скажу я ей?

У Насти застаю цѣлое общество: веселую хохотушку Галю, знакомаго студента-оратора и еще одну курсистку-бестужевку. Меня посвящаютъ въ петербургскія новости: въ «Крестахъ»—тюрьма, гдѣ сидитъ женихъ Гали,—былъ

бунтъ; заключенныхъ тащили въ карцера, били; съ кѣмъ-то сдѣлался страшный припадокъ... фамилія неизвѣстна...

Галя, ребенокъ Галя, шалунья съ пушистыми бѣлками-волосами, теперь преобразилась: ноздри и губы, съ выразительнымъ изгибомъ, вздрагиваютъ, въ большихъ голубыхъ глазахъ появились холодный стальной отливъ и мелькаютъ мрачные огоньки. Она ли это, которую обычно считают несерьезной, безъ запросовъ, большой охотницей подурачиться, принарядиться, убрать покрасивѣ комнату, иногда заглянуть въ церковь?

Становится тихо и грустно за чайнымъ столомъ. Настя съ Галей выходятъ подогрѣть самоваръ, — и я пользуюсь моментомъ, чтобы разспросить товарищей о Настѣ, подойдетъ ли она для Кронштадта.

Мнѣ вмѣсто отвѣта протягиваютъ тетрадку, испещренную длинными столбцами цифръ. Это Настя хочетъ самостоятельно, по капитальнымъ трудамъ, разобраться въ аграрномъ вопросѣ.

— Это—мученица,—говоритъ студентъ: — подготовки нѣтъ, а на вѣру брать ничего не хочетъ. Добросовѣстность рѣдкостная, душа горитъ безпокойно; мечется, какъ въ лихорадкѣ, между наукой и революціей. На митингахъ, бывало, много глазъ видишь, но эти изъ тысячи ихъ выдѣлишь,—особенные. И познакомились мы съ ней на митингѣ: подошла въ концѣ за разъясненіями. Вотъ еще ея бѣда: аскетизмъ самый суровый. Посмотрите хотя бы на эти косоворотки! на весь этотъ внѣшній нигилизмъ, такъ не идущій къ ней! Это все говоритъ въ ней ея христіанство!...

Курсистка вспыхиваетъ:—Ну, знаете, уткнулись вы въ мелочи, за деревьями не видите лѣса. Въ этомъ ея цѣльность натуры, законченность. Идея для нея такъ велика, такъ властна, что для нея она должна всѣмъ пожертвовать. Иначе она не можетъ, сдѣлать что-нибудь въ половину она не способна!

Загорается споръ, чисто русскій, жаркій, безпорочный.

— Но вѣдь вы фанатизмъ проповѣдуете! Тотъ фанатизмъ, который лучшихъ людей французской революціи сдѣлалъ суровыми манекенами, превратилъ въ камень ихъ золотыя сердца, отравилъ ихъ великую любовь къ родинѣ, какъ у инквизиторовъ отравилъ любовь къ Богу.

— Что онъ говоритъ! Что онъ говоритъ!—возмущенно всплескиваетъ руками курсистка, повернувшись въ мою сторону:—Это о Настѣ, о нашей Настѣ, которая, удѣляя революціи тринадцать часовъ въ сутки, умудряется четырь-

надцатый и пятнадцатый вложить въ заботу о больныхъ и нуждающихся товарищахъ! Гдѣ же ея фанатизмъ? Гдѣ жъ ея каменное сердце?

— Но вы совсѣмъ меня понимать не хотите! Я же говорю: ея сердце золотое, только...

— А я вамъ говорю: христіанство съ малыхъ лѣтъ не губило ее, а, напротивъ, закаляло въ ней волю, выковывало ея сердце,—оно вѣдь у нея чеканеное,—привило и развило идею долга. Пусть порой она нарочито суха и сурова,—но вѣдь это же только маленькія пересаливанія, которыя жизнь смоетъ съ нея быстрехонько... А, вотъ и она! Эхъ, ты, моя пуританочка!—подалась она съ внезапной нѣжностью къ Настѣ, входившей съ кипящимъ самоваромъ.

— Опять про меня сплетничали?—подняла она свое раскраснѣвшееся отъ тяжелой ноши лицо, передавая самоваръ подскочившему студенту:—про прическу мою несчастную et cetera?

— Ну, видитъ Богъ!—съ комическимъ негодованіемъ восклицаетъ студентъ,—пришелъ съ самыми лучшими намѣреніями,—а вы, задиры, ссору затѣваете!

Настя разсыпается серебристымъ смѣхомъ. Она сегодня особенно оживлена и разговорчива. Старается развеселить Галю, втянуть въ общій разговоръ о чемъ-то задумавшуюся курсистку, хлопочетъ около стола, разливая чай, угощая сластями. Сквозь обычную суровость прорывается что-то праздничное, нарушая весь ея пуританскій тонъ и все собою освѣщая. Глаза ея, нѣтъ-нѣтъ, и засвѣтятся, сквозь мягкую, задумчивую печаль, молодымъ весельемъ. Неприятительно причесанные волосы, нѣтъ-нѣтъ, и выбьются красивой прядкой на горящую щеку. Даже кофточка, сидя мѣшкомъ, все же какъ будто улыбается своими бѣлыми, по розовому полю, горошинами. Ея серьезно сложенные, еще дѣтскія губы раздвигаются въ широкую блестящую улыбку.

— Ужъ не именинница ли ты?—шутливо спрашиваютъ ее.

— Я? Нѣтъ... Впрочемъ, можетъ-быть, и да!—вдругъ восклицаетъ шаловливо она и пытливо-вопросительно смотритъ на меня. Я отворачиваюсь отъ ея взгляда...

Гости разошлись. Настя вышла проводить ихъ. Я одна. Гляжу въ окно поверхъ крышъ на миллионный городъ, который я обѣгала за день, тщетно разыскивая подходящую женщину для Кронштадта. Или въ самомъ дѣлѣ очередь за Настей? Опять она, хрупкая, неокрѣпшая, — среди этой стихіи, грозящей, того и гляди, разразиться ураганомъ бунта?

Донесся слабый перезвонъ, — должно-быть Петропавловскіе куранты. Тамъ сейчасъ нашъ общій знакомый, сектантъ-мистикъ. Настю онъ всегда называлъ «обреченной». Помню также, когда Настя съ подругой собирались какъ-то поселиться на Ситномъ Рынкѣ, онъ разсказалъ намъ какъ около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ на этомъ самомъ Ситномъ Рынкѣ была обезглавлена Настасья Карпова, мученица за вѣру...

И воскресаютъ въ памяти слова старинной сектантской пѣсни;

«Ты Настасья, ты Настасья,
«Отверзай Царски врата!
«Встрѣчай Батюшку Царя!
«Съ милосердьемъ, со крещеньемъ,
«И со свѣтлымъ воскресеньемъ!»

Оглядываюсь. Позади стоитъ Настя. Довѣрчиво кладетъ мнѣ руки на плечи.

— Что, Настя?

— Я жду.

— Не раздумала?

— Я? Я раздумала? Попасть въ заповѣдный Кронштадтъ?

— Посмотрите, Настя, какъ васъ всѣ здѣсь любятъ. Здѣсь у васъ друзья, книги, здѣсь жизнь, развитіе. А тамъ у насъ суровость, сухость: дѣло, дѣло и дѣло. Тамъ не до отдѣльнаго человѣка. И среда грубая. И такой рискъ въ ваши девятнадцать лѣтъ: тамъ вѣдь военное положеніе...

Глаза ея тускнѣютъ: — Не довѣряете...

Я молчу. Настя тоже молчитъ и принимается за уборку и за мытье посуды, — спокойно, неторопливо. Складка залегла между бровей, лицо грустное.

Подойдетъ! — думаю я: — никто иной, а именно такая, какъ она. Не изливается, сдерживается.

— А я было уже повѣрила... — начала она тихо: — уже стало свѣтло на душѣ... Я какъ въ гробу здѣсь... А ваша жизнь мнѣ представляется, какъ та, осенняя, когда мы были въ военной организаціи. Хорошо тогда было...

— Почему вы такъ думаете о нашей жизни?

— Знаю. Вижу. Чувствую.

И черезъ минуту:

— А вы кого-нибудь нашли?

— Нѣтъ.

— Но вѣдь завтра утромъ Вамъ возвращаться?

— Непремѣнно.

— И женщина необходима?

— Необходима.

— Возьмите меня... На время... до другой. Я буду... за каждымъ своимъ шагомъ буду слѣдить, буду такъ осторожна, такъ внимательна.

Я молчу. Тихо и мучительно плывутъ минуты. Настя сидитъ, глубоко задумавшись. Душистый воздухъ льется въ комнату, щемитъ сердце. Что-то бьется и трепещетъ внутри.

Настя вдругъ встряхивается, словно что-то рѣшила. Сжала крѣпко мои руки, глаза близко наклоняются къ моимъ, въ самую глубь заглядываютъ, такіе расширенные, такіе особенные, словно вся душа къ нимъ придвинулась, внезапно окрѣпшая въ какомъ-то рѣшеніи, и глядитъ оттуда, серьезная, ясная.

Боже! Что за глаза у нея! Я не въ силахъ оторваться отъ нихъ. И опять мнѣ вспоминается: обреченная. И опять словно кто то, неизвѣстный, завелъ далекіе, еле уловимые куранты, и кто-то, невидимый, запѣлъ имъ въ тонъ:

«Съ милосердьемъ, со крещеньемъ,
«И со свѣтлымъ воскресеньемъ!»

— Хорошо, Настя. Ёдемъ!

Она вздрагиваетъ и, вся просіявшая, повертывается ко мнѣ.

— Я такъ и знала, — тихо говоритъ она, сдерживая восторгъ и только крѣпко сжимая мнѣ руки. Мягкіе потоки свѣта струятся изъ ея глазъ.

ГЛАВА XII.

Жизнь-бытьё.

Я снова въ Кронштадтѣ. Ищу квартиру для себя и Насти. Мы — двѣ сестры-крестьянки изъ Тамбовской губерніи... Но какъ же дороги квартиры! Какой-то заплѣснѣлый подвалъ — шесть рублей въ мѣсяцъ. Другой — пять рублей: на дворѣ кучи мусора, зловоніе, нельзя пройти, не зажимая носа. Въ улицахъ почище — новая бѣда. Узнавъ, что къ намъ будутъ приходить родственники-матросы, рѣзко отказываютъ: — «нѣтъ у насъ для васъ фатеръ».

На мое счастье встрѣчается вездѣсущій Сорокинъ и мигомъ выручаетъ изъ бѣды. Указываетъ тѣ части города, куда матросы къ дѣвицамъ ходятъ: тамъ безопасно и свободно. Въ тотъ же вечеръ найдена квартира изъ двухъ комнатъ съ кухней. На другой день пріѣзжаетъ Настя, и мы водворяемся на «новоселье».

Насъ встрѣчаетъ дворникъ, хмурый человѣкъ лѣтъ сорока, помогаетъ тащить узлы. Предпочла-бы быть по-

меньше въ его обществѣ — слишкомъ ужъ приходится быть на-сторожѣ при разговорахъ.

— А небель-то, видно, опосля?

— То-то что опосля. Не куплена еще.

— Не куплена? А ну-кась-те, гляньте, молодушки, у меня есть случай такой...

Черезъ часъ Настя уже работаетъ на дворѣ надъ какимъ-то старымъ-старымъ, завалившимъ хламомъ, торгovanнымъ при помощи дворника за 1 р. 95 коп. Я радуюсь: совсѣмъ, можно сказать, даромъ цѣлая обстановка! Настя — та прямо сіяетъ. Да съ тѣхъ поръ, какъ я замѣтила ее на парходѣ, она не перестаетъ сіять тихой радостью. Радъ чему-то и дворникъ. Разглаживаются его морщины, умильно улыбаются впалые, какіе-то трагическіе глаза. Онъ хлопочетъ около насъ, тащитъ большой кухонный ножъ, и чайникъ кипятку, и Настя тутъ же на дворѣ, засучивъ рукава, принимается за работу. Нешадно скоблить она и поливаетъ водой всѣ эти кривые, шатающіеся столы, стулья и скамейки какого-то сѣро-желто-зеленаго цвѣта съ голубыми и черными бархатистыми пятнами. Толстыми жирными слоями отваливается застарѣлая грязь и плѣсень, и весело проглядываетъ древесина, словно радуясь избавленію отъ долгаго плѣна.

Я таскаю по одной очищенной вещи наверхъ. Возвращаясь, слышу обрывки разговора Насти съ дворникомъ: тотъ про свою жизнь незадачную рассказываетъ. Настя полна самаго сосредоточеннаго вниманія и участія.

Откуда то выползаетъ мальчуганъ съ большимъ животомъ, въ одной рубашенкѣ, и замираетъ, раскрывъ ротъ и засунувъ палецъ въ слюнявыя губы. А потомъ потихонько подходит и начинаетъ раскачивать столъ.

— Я те дамъ, пострѣленокъ! Цыцъ ты! — шугаетъ его дворникъ: — чего тутъ путаешься? Вотъ безъ разума-понятія мать родила!

Поднявъ отъ работы раскраснѣвшееся счастливое лицо, Настя гладитъ ребенка по головѣ, а потомъ продолжаетъ прерванный разговоръ:

— Ну, и давно это она бросила васъ?

Видю, Настя всѣхъ вокругъ располагаетъ въ свою пользу, всѣ прямо таютъ при видѣ ея тихой сіяющей улыбки. А я-то боялась!

Вносимъ «небель», разставляемъ, подпираемъ кое-какъ недостающія ноги, что-то укрѣпляемъ гвоздями, что-то подвязываемъ. Дворникъ идетъ на чердакъ за досками для кроватей.

— Ушелъ! — шепчетъ Настя, прислушиваясь у полуоткрытой двери. Потомъ подходитъ ко мнѣ, и крѣпко-

крѣпко сжимаетъ мнѣ руки, сама ничего не говоритъ; и опять, какъ въ Питерѣ, важные, большущіе глаза смотрятъ на меня.

— Даша? Не ругаете, что напросилась? Хорошо-то какъ! Даша! Господи!

Слышатся шаги. Настя спокойно поворачивается въ сторону двери.

— Вотъ онѣ, сосновыя! Добротныя будутъ, выдержутъ. Ну, да и то сказать, тѣломъ-то вы не больно корпусныя. А куды бы, молодушки, класть-то ихъ?

Онъ совѣтуетъ купить въ лавочкѣ ящиковъ изъ-подъ товару: и въ голову и въ ноги по подставкѣ. Пока кладемъ доски на полъ и покрываемъ прямо одѣяломъ.

— Такъ-то быдто жестко!.. Чего-то бы надо еще, ась?

У меня все время въ душѣ два желанія борются. Съ одной стороны жду-не дождусь, когда онъ оставитъ насъ: Уйди, уйди, не томи душу! — думаю я. — Этакъ во всѣ углы влѣзешь, все высмотришь, не слѣпой вѣдь, сразу поймешь, что мы не настоящія... Эхъ, ужъ очень Настя съ нимъ по-добру. Ни къ чему это, право!

Но съ другой стороны: дружба съ дворникомъ! Какъ цѣнно можетъ быть его покровительство при справкѣ изъ полиціи! Нѣтъ, Настя все дѣлаетъ прекрасно. Мнѣ такъ не сумѣть бы...

— Тѣло-то у васъ хоть и молодое, а на мягкомъ то вольготнѣе, ась?

— А мы тюфяки сошьемъ, али сѣнники, вотъ и мягко будетъ! — весело успокаиваетъ его Настя.

— То-то, я же то и говорю, вольготнѣе такъ-то, вольготнѣе!

— Да, да, спасибо... Какъ васъ по имени-то? — выпроваживаю я его.

— Ась? Меня-то? Дорофеичемъ. Такъ ужъ пошло: Дорофеичъ и Дорофеичъ, такъ Дорофеичемъ и зовусь.

— А по крещенію какъ?

— По крещенію? Сидоромъ, молодушки, Сидоромъ.

Спрашиваю его про базаръ, про дрова, про съѣстные припасы, вообще про все, что по моему мнѣнію полагается знать обстоятельной хозяйкѣ.

Онъ указываетъ черезъ окно, гдѣ базаръ, гдѣ мелочная лавка. Потомъ задумывается, глядя на море, видное изъ окна, на сѣрѣющіе контуры броненосцевъ. Угрюмо говорить про войну, про племяша, загубленнаго вотъ на этакъ же «смертоносцѣ»...

— А вы сами-то отколева будете? — поворачивается онъ вдругъ ко мнѣ. Отъ печальныхъ воспоминаній его лицо кажется почернѣвшимъ, враждебнымъ. Мнѣ не по себѣ дѣлается подъ этимъ взглядомъ.

— Тамбовскія мы.

— Тамбовскія? — вдругъ оживляется онъ. — Матерь Божія! Наши, значить! А мнѣ-то значить бы и невдомекъ! Такъ вѣдь, къ слову и спросилъ-то. А уѣздъ какой?

Полный радостно напряженного любопытства, смотреть на насъ.

— Моршанскаго, — съ усиленіемъ выдавливаю я. Господи, никогда въ жизни тамъ не бывала даже!

— Моршанскаго, баєте? — еще болѣе свѣтлѣетъ и расплывается онъ: — Совсѣмъ земляки, стало-быть! Эко, какъ негаданно! Вотъ дивушко!

— А вы какой волости? — выручаетъ меня Настя, догадавшись, что въ такихъ случаяхъ лучше самимъ наступать, чѣмъ ожидать удара.

— Волость то? Волость наша Селенгинская. А ваша?

— И мы оттуда же! — почти хриплю я.

— Да что вы, молодухи! Вотъ оказія-то! Вотъ оказія! То-то я обробѣлъ, какъ въѣзжать вы начали! Сердце, значить, чуяло. Да какъ же я васъ не знаю-то? Чтой-то словно не видалъ будто! — безцеремонно оглядываетъ онъ насъ. — Далеко ваша деревня, что ли? Я-то изъ Свѣтлогоръ.

— А мы изъ Митягина.

— Ну, такъ это же почитай что рядомъ! Черезъ рѣчку этакъ, на бугорочекъ-то какъ взберешься, да пройдешь Барскія Новины, тутъ тебѣ и будетъ Митягино. Много-много, коли будетъ пятнадцать верстъ отъ насъ.

Онъ словно воскресъ. Оживленно жестикулируетъ. Напоминаніе о родной землѣ всколыхнуло его деревенское сердце.

— Вы чьи же?

— Мы? Терентья. Слыхали?

— Не приходилось. А Миколая Митрича, чай, знаете? Дружокъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ, не знаемъ.

— Старшину-то? Старшину, да не знать! Первый человекъ на всѣ Свѣтлогоры! Въ третьемъ году къ самому Государю Императору требовали.

— Мы давно оттуда, все въ городѣ проживаемся... маленькой я увезена, — защищается Настя.

— Ну, ты-то маленькой, а ты, чай, побольше, должна помнѣть.

Его лицо вытягивается, высоко подняты недоумѣнные брови. Я уже готова ждать самого худшаго.

Значить бы не знаете? Та-а-къ-съ!... Да и то сказать, дѣло ваше женское. А я-то думалъ было про родину побалакать... Ну, съ тѣмъ и до свиданья. Счастливо оставаться!

Мучительная ночь на доскахъ. Да и не до сна намъ. Обсуждаемъ свое положеніе. Рѣшаемъ все-таки оставаться: авось, пронесетъ. Да вѣдь другого выхода въ сущности и нѣтъ. Утромъ Настя тащитъ съ базара всякую зелень, а я веду за собой цѣлый возъ дровъ. Съ какой жалостью отдавала я плату за эти дрова! Цѣлыхъ три рубля! Слово живой кусокъ отъ сердца отрывала. Но чего, кажется, не отдали бы мы, на какія жертвы не пошли бы, лишь бы зарекомендовать себя дѣловитыми хозяйками!

Убрали кухню. Пустыя полки поплотнѣе завѣсили, а на видное мѣсто разставили все свое достояніе: четыре стакана, машинку керосиновую, три ложки оловянныхъ, ножъ и сковороду, да еще кухонный горшокъ старый, выторгованный въ придачу къ мебели. Около печки наложили принесенную изъ дровяника кучку дровъ.

Стучать сильно въ дверь. Обѣ вздрагиваемъ. Дворникъ.

— Каково почивали, молодухи? Ась? Здоровенько, здоровенько! Навѣдаться, стало-быть. Да вотъ еще на счетъ документиковъ...

«Документиковъ»!.. Что можетъ быть для русскаго революціонера ненавистнѣе этого, такъ ласково произнесимаго слова, отъ котораго всегда невольно сжимается и екаетъ сердце!

— Хозяинъ-то твой... я къ тому, значить бы, какъ онъ? скоро прибудетъ?

Разсказываю цѣлую исторію, придуманную за ночь. Собрались, дескать, совсѣмъ переѣзжать сюда, и мѣсто ему здѣсь обѣщано, какъ вдругъ письмо изъ деревни: отецъ его при смерти. Поплакали, поплакали, а что будешь дѣлать? Довезъ насъ до станціи, посадилъ на чугунку, а самъ прямо въ деревню.

— И ничего вотъ, не заблудившись доѣхали! — съ наивнымъ видомъ хвалится Настя.

Дворникъ, вижу, на нее поглядываетъ ласково.

— Видно, подождать малость? Ну что жъ, и обождемъ. Чай, не горитъ, бѣжать некуда.

Яснѣе яснаго, что гроза миновала безслѣдно. Какъ гора спадаетъ съ плечъ. За милую душу калякаемъ съ Дорофеичемъ.

— Ничего фатерка? Ась? У насъ хорошо, тихо...

Мы наперебой разсказываемъ, какой у меня «хозяинъ» смиренный да добрый: что сработаетъ, все въ домъ. А онъ про свое горе семейное, про матроса-племяша, на Дальнемъ Востока на «калошѣ» потопленного.

— Въ деревнѣ теперь въ пять голосовъ гудутъ, пить-ѣсть хочутъ. Охъ, ужъ эти смертоносцы проклятые!..

Приходятъ кое-кто изъ нашихъ знакомыхъ. Одинъ невзрачный солдатикъ, котораго я впервые вижу, осматрѣвъ нашъ новоселье, исчезаетъ, и вскорѣ возвращается, таща съ собою что-то большое, бѣлое.

— Чехлы это для матрасовъ, чистенькіе! Вотъ набить ихъ чѣмъ-нибудь, преотлично будетъ!

Поражаетъ меня и трогаетъ эта забота о нашихъ удобствахъ.

— Какъ же! Надо, чтобы нашимъ барышнямъ было поудобнѣе. Да и передъ дворникомъ прилику больше.

— Но вѣдь это же казенное добро!—вдругъ соображаю я.

— Все равно, зря въ складѣ валяется, мыши ѣдятъ. Неужели побрезгуете?

— Пусть и казна революціи послужить!—замѣчаютъ другіе.

Появляется на моментъ, какъ метеоръ, Сорокинъ. Оглянувшись кухню, комнаты:

— Ну и добра!—разводитъ онъ руками:—сито съ обычаикой да вѣникъ съ шайкой.

— Не шутите!—говорю я, указывая на мѣшки:—у насъ скоро матрасы будутъ! И кровати изъ досокъ самыя заправскія!

— Ахъ, виновать! Ошибся!—поправляется онъ, дѣлая подъ козырекъ:—скотины—тараканъ да жуколица, посуды—крестъ да пуговица, одежды—мѣшокъ да рядно!..

Никита и Дмитрій обѣдаютъ обычно у насъ.

— Не обезсудьте, гости дорогіе, другого ничего не припасено,—говорю я, убирая со стола сковороду, прямо изъ которой обычно всѣ мы вмѣстѣ ѣдимъ яичницу, наше всегдашнее блюдо.

— А супцу этакъ горяченькаго, нѣту?—подмигиваетъ Дмитрій Никитѣ;—али кашки бы съ маслицемъ?

— Еще чего?—накидываюсь я:—можетъ, пулярки съ фрикадельками? гуся жаренаго? бламанже съ пуддингомъ?

— Солдаты вотъ ѣдятъ же!

— Да-а, не разѣѣшься! Голодноватое!—растягивая вторить Никита.

— Чего вамъ еще надо? По два яйца въ день на человѣка, а хлѣба—сколько угодно! И чаю безъ конца!

— Конечно, съ голоду и чаю радъ, и отъ сна и отъ усталости лѣчить.

— А все на пустой желудокъ... круги передъ глазами. Да и дѣлу вредъ!—не унимается Дмитрій.

— Да вы не шутя, кажется, голодный бунтъ затѣваете?

Лучше посчитайте-ка капиталы: можемъ ли мы 50 коп. на чайникъ истратить? Этотъ на время данъ, вернуть надо.

Впрочемъ, отсутствіе разносоловъ не очень-то вліяетъ на расположеніе духа нашихъ мужчинъ. Особенно Дмитрій—вѣчно выкинетъ какое-нибудь «колѣнце».

Однажды, наприимѣръ, влетаетъ онъ къ намъ въ самомъ дурачливомъ настроеніи. Видя, что съ уборкой комнаты возится Настя, выхватываетъ у нея вѣникъ изъ рукъ и «берется за дѣло самъ». Разставивъ длинныя прямыя ноги, перегнувшись въ поясѣ пополамъ, и протянувъ далеко и неуклюже руки, съ уморительными гримасами старательно размахиваетъ вѣникомъ, вздымая цѣлые клубы пыли и разнося ее по комнатѣ. Всѣ покатываются.

— Что это съ вами сегодня, Дмитрій?

— Со мной, молодухи?—передразниваетъ онъ нашего дворника, и такъ похоже, что вызываетъ новый взрывъ смѣха:—Ась? Аль ослышался?

Хохотъ, шутки... Сколько тутъ ребячества!.. Но кругомъ слишкомъ ужъ много серіознаго, порою мучительно сложнаго, и эта способность къ безпредметному, безудержному веселью—прямо кладъ. Такъ мы незамѣтно даемъ отдыхъ своимъ туго натянутымъ нервамъ.

ГЛАВА XIII.

Нашъ рабочій день.

Итакъ, мы обзавелись своей квартиркой. Главное ея удобство: по вечерамъ можно сидѣть, сколько угодно, все сообща обдумывать, все обсуждать, не спѣша. Днемъ за дѣлами и бѣготней некогда. Есть и запасная комната для мужчинъ и для пріѣзжихъ. Мы часто засиживаемся до разсвѣта. Да и какъ иначе? На первыхъ порахъ все кажется такимъ сложнымъ и важнымъ, каждый шагъ—такимъ отвѣтственнымъ, а собственыя силы—такимъ ничтожными, и свой опытъ—такимъ недостаточнымъ! А между тѣмъ въ ходѣ работы раскрываются такіе горизонты, дѣло такъ растетъ... и насъ такъ мало!

Впрочемъ нашего полку прибыло. У насъ остается рабочій Костя, недавно вышедшій изъ тюрьмы. Онъ побывалъ уже за границей, жилъ тамъ долго, работалъ на французскихъ и нѣмецкихъ фабрикахъ, освоился съ языками, слушалъ лекціи въ Высшей Русской Школѣ въ Парижѣ. У него много молодого умственного горѣнья и какая-то цѣпкость мысли. Онъ и энтузіастъ и въ тоже время страшный резонеръ, и любитъ «разводить философію». А намъ время дорого, и Никитѣ приходится порой со смѣ-

хомъ нахлобучивать фуражку на его наголо остриженную, круглую, какъ шаръ, голову — и тащить куда-нибудь за собой или выталкивать съ порученіями, приговаривая: «У насъ, братъ, отучишься разговоры разговаривать, не до того!»

Костя немножко черезчуръ носится со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ онъ самъ. Обижается, когда къ нему недостаточно внимательны. Часто говоритъ: «Вы извините, ужъ мы, рабочіе, по-просту», или: «Ну да, конечно, куда мнѣ! Потому что я рабочій, у меня только смѣшно все выходитъ!»

Никита тоже рабочій, но съ нимъ ужъ и думать мы забыли про классовыя или сословныя перегородки. Когда-то въ Петербургѣ были и у него эти нотки. Но совмѣстная работа лучше всего вылѣчиваетъ отъ болѣзненной подозрительности, готовой повсюду видѣть неравенство въ отношеніяхъ между интеллигентами и рабочими. Войдетъ когда-нибудь въ колею и Костя. Но пока приходится быть съ нимъ на-сторожѣ.

Какъ онъ присоединился къ намъ? Для этого достаточно было ему побывать на одномъ изъ нашихъ митинговъ.

— Ахъ, чортъ васъ всѣхъ возьми! Да что же это такое! Да какія же тутъ дѣла! Чтобъ имъ... чтобъ вамъ!.. — внѣ себя отъ восторга восклицалъ онъ потомъ, заикаясь и теряясь въ словахъ отъ волненія.

— Вѣдь это... вѣдь что это такое!.. Глянешь въ одну сторону — синимъ-сине отъ матросскихъ форменокъ, глянешь въ другую — сѣрымъ-сѣро солдатское море, въ третью — рабочіе, старики, жены съ дѣтьми... Единеніе арміи и пролетаріата! Это, братъ, почище будетъ всякой Западной Европы!.. Душу вы всю во мнѣ разожгли, вотъ! Ну, теперь и берите меня къ себѣ, совсѣмъ берите! Должны взять, вотъ вамъ, вотъ!

— Ага! Проняло! — усмѣхается Никита.

— Я же говорилъ, нельзя безнаказанно въ Кронштадтъ прѣхать! — ликуетъ Дмитрій.

День за днемъ бѣгутъ быстро, незамѣтно. Странная у насъ жизнь: односторонняя, однобокая, но въ то же время такая богатая разнообразными ощущеніями и переживаніями!

Какъ-то на дняхъ просыпаюсь рано утромъ отъ страшнаго шума. Что такое? Громкіе мужскіе голоса, кто-то безцеремонно громыкаетъ на кухнѣ. Выглядываю на моментъ въ деревянную шелку: солдатскія пуговицы! Ужъ не полиція ли съ обыскомъ нагрянула? Но нѣтъ, по голосу узнаю знакомаго солдата, по кличкѣ «Эсэрушку». Онъ

стремительно несется съ ведромъ въ рукѣ въ комнату мужчинъ и, полу-шутя, полу-серіозно, ругательски ругается:

— Что? Дрыхнуть? Наши на массовку собрались ни свѣтъ ни заря, ждуть; я версты четыре проперъ за нимъ, а онъ, — ора-а-то-оррь! — на другой бокъ заваливается! Это что же такое! — кричитъ онъ, нисколько не стѣсняясь ни раннимъ часомъ, ни нами, ни сосѣдями: — А водички холодной не желаешь? Нѣтъ? Эхъ, вы, ен-те-ли-генція-я! — съ величайшимъ презрѣніемъ кидаетъ онъ.

— Эсэрушка, не дури! Да не дури, чортъ! Батюшки! Да онъ и вправду поливаетъ! Караулъ! — вопить Дмитрій изъ своей комнаты.

Поднимается возня, ведро съ грохотомъ летитъ къ нашей комнатѣ, вода льется изъ-за двери.

— Да тише же, товарищи! Вѣдь сосѣдей перепугаете!

Въ мою комнату влетаетъ взлохмаченный солдатъ невысокаго роста, лицо красное, глазами ворочаетъ во всѣ стороны, длинные рукава болтаются по воздуху.

— Въ чемъ у васъ тамъ дѣло?

— Въ чемъ дѣло? — передразниваетъ онъ меня обиженно и раздраженно: — да въ томъ и дѣло, что на массовку вотъ итти не хочетъ, дрыхнетъ, чортъ! Вотъ какіе ваши!

— Не правда! Не слушайте его! Мнѣ сейчасъ въ городъ надо, не разорваться же!.. Ну, что ты со мной надѣлалъ, Эсэрушка! Какъ я теперь въ городъ покажусь! Словно съ пожара!

— А мнѣ-то что? коли наши ждуть! На то вы и есть, интеллигенція! За этимъ и созданы!

— Раньше должны были предупредить! Не одни вы у насъ на рукахъ!

— Должны, должны! А коли сами не знали, что свободными окажемся! Не пропадать же времени! Ну, айда, нечего прохлаждаться.

Приходится разобратъ между собою всѣ дѣла Дмитрія, а его отпустить на неожиданно слѣпленную солдатскую массовку.

Поздно вечеромъ приходятъ Никита и Костя, внѣ себя отъ радостнаго возбужденія. Не сразу можемъ понять, въ чемъ дѣло, говорятъ что-то неясное, путанное. Наконецъ составляемъ себѣ смутное представление о томъ, что произошло. Было собраніе съ командами, уходящими въ плаваніе. Читали имъ уставъ военной организаци. Казарменная обстановка, полутьма, рискъ быть захваченными «на мѣстѣ преступленія» начальствомъ, ожиданіе отъѣзда, — все это создавало особенное настроеніе, взволнованное

и немножко жуткое. Когда кончили, при единственном тускломъ огаркѣ, чтеніе и разъясненіе всѣхъ пунктовъ, полились какіе-то совсѣмъ особенные, задушевные разговоры, что-то такое скрутилось, свилось и разматалось въ душѣ. Разстались только на зарѣ, обнимались, какъ братья, у иныхъ слезы блестѣли на глазахъ. И снова говорили, и снова свободно, изъ самыхъ глубинъ души, лились такія слова, такія слова... И снова клялись не волноваться и не бунтовать зря, а когда будетъ нужно, — положить душу за народное дѣло. Какъ пьяные, ушли домой Никита и Костя. Не только поняли они, но и всѣмъ существомъ почувствовали, насколько за это короткое время выросли и умомъ и душою наши матросы. Чувствовалось какое-то особенное великое спокойствіе за судьбу дѣла, которое такъ развивается на первыхъ же порахъ.

Бурно восторгается Дмитрій, только что вернувшійся съ массовой, ходитъ колесомъ, ставя все въ квартирѣ вверхъ ногами. По особому сіяетъ Никита, тихо млѣя и поглаживая то бороду, то лѣвую руку выше локтя, медленно, старательно и любовно. У Кости оттопыриваются рубиновые губы, мечтательно блуждаютъ голубые глаза, еще туманнѣе, чѣмъ обычно, становится какъ будто заикающаяся рѣчь.

И всѣ, кто ни попадаетъ къ намъ въ этотъ день, пьянѣютъ, подышавъ воздухомъ нашей квартирки, и такъ же глупо и счастливо улыбаются, и совсѣмъ порою не къ мѣсту рассказываютъ что-нибудь веселящее, бодрое, хорошее.

Послѣ обѣда съ шумомъ распаиваетъ дверь незнакомый мнѣ матросъ.

— А, Степанъ Ежикъ! — встрѣчаютъ его Дмитрій и Никита. Здравуются, полуобнимаясь, и радостные, понимающие другъ друга съ полуслова, съ полуулыбки, долго и оживленно толкуютъ у окна. Прямо завидно глядѣть на нихъ.

— Ну что, благополучно все сошло? Не дознались?

— Ни съ эстолько! завтра заступаемъ (уходимъ въ плаванье). Теперь только за вами дѣло: меня ребята на счетъ литературы послали. Привезена?

Съ литературой у насъ плохо. За нею послана въ Петербургъ Настя. Мы ждемъ ее съ часу на часъ, а ея все нѣтъ и нѣтъ.

— Вотъ такъ притча! — говоритъ въ раздумьи Степанъ, проводя раскоряченной пятерней по лицу и по остриженнымъ ежику волосамъ, за которые онъ и получилъ свое прозвище. — А мнѣ безпремѣнно наказывали при-

нести. Экая незадача, право! Жалко, то-исть, вотъ какъ! Заругаются теперь ребята... Ну, да ничего! — вдругъ примирятся онъ: — На нѣтъ и суда нѣтъ... Ничего, обойдутся! — уже совсѣмъ рѣшительно заключаетъ онъ, и заговариваетъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— А вы послушайте, что у насъ въ экипажахъ дѣлается! Покорности тамъ, робости либо страху — слѣда нѣтъ! Шкурѣ грозятся, — онъ сегодня задралъ хвостъ убѣжалъ! Совсѣмъ осмѣлѣли ребята!

Поздно вечеромъ возвращаюсь домой, избѣгавъ полгорода. Ощупью поднимаюсь по лѣстницѣ. Въ кухнѣ тихо и темно. Дверь въ комнату полуоткрыта. Изъ угла глядитъ купленная нами задешево почернѣвшая отъ старости икона. Передъ ней теплится тоненькая восковая свѣчка. Трепетный полусвѣтъ, тѣни по угламъ, закрытое почему-то окно, — все такъ необычно. Подхожу къ нашей постели.

— Настя! — зову я тихо.

— Я! — отзывается тихій голосъ изъ-подъ шали.

— Это ты... зажгла?

— Я! — все такъ же беззвучно отвѣчаетъ она и нехотя поясняетъ: — Суббота сегодня, для дворника, коли зайдетъ.

Ея фигура, закутанная въ шаль, почти сливается съ окружающимъ сумракомъ. Молчаніе.

— А литературу привезла?

Странно, что сама она не заговариваетъ объ этомъ.

— Привезла.

— А почему днемъ не пріѣхала?

Молчаніе.

— Настя, почему такъ поздно?

Ближе наклоняюсь къ ея лицу, — и обрываю на полусловѣ. Вижу, какъ она кусаетъ губу, какъ лицо ея держится въ мучительной гримасѣ. И вдругъ расплакалась безпомощно, горькимъ, дѣтскимъ плачемъ. Сжимаетъ пальцы, такъ что хрустятъ.

— Матросы приходили?... за литературой?

— Приходили.

— Суда ушли?

— Уходятъ. Матросы уже простились съ нами.

— И безъ литературы! Господи! — стономъ вырывается у нея.

— Да что ты, Настя? Ничего особеннаго не случилось вѣдь. Много было заготовлено раньше. Успокойся, все обошлось.

— Я... видишь... видишь...

Она давится слезами и не может выговорить слова, вытирает слезы, размазывает их по лицу, как малый ребенок. Глаза и нос у нея вспухли. А новыя слезы все набѣгаютъ.

Наконецъ она немного приходитъ въ себя и кое-какъ рассказываетъ. Обычная исторія. Адресъ склада ей сообщили невѣрно. Пока разыскала людей, которые знали его, складъ уже закрыли. Побѣжала частнымъ образомъ добывать литературу, а тутъ и пошли цѣпляться неудачи одна за другую.

— Туда, сюда! Какъ на зло, никого застать не могу. Думала, съ ума сойду!

Слезы снова набѣгаютъ на глаза.

— Фу! Стѣдно, что плачу, но такой мучительный день выдался, такой мучительный!

Несу ей воды умыться. Бѣдная Настя! А у насъ-то сегодня день такой, наоборотъ, счастливый!

— И все-таки привезла?

— Ну да, столько-то разыскала!—показываетъ она на изрядный тюкъ въ углу.

— Да ты ѣла что-нибудь?

— Куда тамъ! До ѣды ли ужъ тутъ!—безнадежно вздыхаетъ она.

— Глупенькая! Вѣдь оттого у тебя нервы такъ и разошлись!

Смѣется сквозь слезы, а плечи все еще вздрагиваютъ, волосы раскинулись въ беспорядкѣ, лицо горитъ, а сама въ шаль кутается.

Готовлю ей чай. Подвигаю скамейку къ постели, ставлю на нее чайникъ, чашки, хлѣбъ. Съ жадностью проглатываетъ и одну чашку и другую.

Я клянусь свою нечуткость, не могу спокойно видѣть ея склоненную голову, опущенныя плечи, всю ея словно подкошенную фигуру.

— Успокоилась? Забыла про горе?—спрашиваю ее какъ можно мягче.

— А? Что?—поднимаетъ она голову, точно просыпаясь.

Понемногу однако Настя отходитъ. Только что пережитыя ею потрясенія сказываются лишь въ необычной для нея разстроганности, размягченности. Ослабѣли, видимо, ея крѣпкіе нервы. Нѣтъ прежней молчаливой, почти суровой сдержанности. Мечтательно глядя на свѣчку и о чемъ-то словно задумавшись, она начинается:

— Ёду сегодня. Въ душѣ все клокочетъ. Пароходъ, кажется, ползетъ медленно-медленно, такъ бы вотъ и подтолкнула его. «Хоть бы успѣть, хоть бы успѣть»—думаю. Ну, ѣдемъ, долго ѣдемъ. Той порой стемнѣло. Небо какъ будто опустилось и пригнулось къ землѣ. Лампочки на

пароходѣ еле мерцаютъ, знаешь, какія онѣ тускляя. Люди въ сумракѣ кажутся безформенными... Тихо кругомъ, только пароходъ мѣрно и гулко бухаетъ. А на западѣ заря догораетъ...

Настя кладетъ голову на поднятыя колѣни, которыя она руками пригнула къ подбородку, и говоритъ тихо, смотря по прежнему вверхъ. Чувствуется, чѣмъ-то теплымъ и нѣжнымъ переполнена ея душа.

— Люблю я вечернее время. Лѣтомъ мы всегда на дачѣ жили, на Волгѣ, въ деревнѣ. Бывало, зайдетъ солнышко, коровъ гонять,—далеко слышно мычанье, бубенцы, лай собакъ. Воздухъ особенный, прозрачный,—звонкій... Такимъ особеннымъ, ни съ чѣмъ не сравнимымъ покоемъ вѣетъ отъ всего этого...

Настя глубоко вздохнула и помолчала.

— Вотъ и сегодня такъ же. Сумракъ, заря, тишина. Мало-по-малу растаяло что-то внутри, и тревога будто прошла, уютно стало на душѣ. Увидала въ море огонечки-форты; одиноко такъ и сурово торчатъ изъ воды. И такая жалость меня охватила; такъ бы, кажется, на крыльяхъ и полетѣла къ нимъ туда. Тоскливо, навѣрно, у нихъ, одиноко, отъ міра отрѣзаны. И все смотрю, смотрю: то замретъ огонекъ, то снова покажется, словно жалуется, словно призываетъ...

Отбрасываетъ со лба непослушные волосы:

— Ну, а тутъ, представь, рядомъ со мной у борта артиллеристъ случился, и какъ разъ, какъ онъ рассказывалъ, съ одного изъ самыхъ отдаленныхъ и самыхъ сильныхъ фортовъ... Такъ странно: словно судьба!

Раздается условленный стукъ: входятъ наши. Настя продолжаетъ о своемъ артиллеристѣ:

— А какой онъ хорошій оказался!—говоритъ она, все больше загораясь:—такой серіозный, умный, вдумчивый! Себя не помню отъ счастья: вѣдь связь съ артиллеристами, съ фортами, сама въ руки дается! Я сказала, что у моей барыни газетъ много, выкидываетъ ихъ. И присталъ онъ ко мнѣ съ этими газетами! Я хотѣла ужъ ему свиданіе въ саду назначить. Ну, а потомъ узнала, какой онъ партіи, и удержалась.

— Какъ, Настя, вы открылись незнакомому человеку?—

— Нѣтъ, зачѣмъ же!—лукаво улыбается она:—Я сказала ему, что у меня братъ рабочій въ партіи записанъ, запомывала только, въ какой. Онъ такъ обрадовался: Соціал-демократъ, — говоритъ, — вѣрно? — Да, говорю. А онъ:—Такъ и я тамъ же состою.

— Ай да молодецъ, Настя! Умница! Завтра, значитъ, на свиданье!—хлопаетъ ее по плечу Дмитрій.

— Нѣтъ,—стараясь удержаться отъ довольной улыбки, отвѣчаетъ Настя:—не пойду. Видите ли, товарищи...

Она останавливается въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ:

— Вѣдь если онъ социал-демократъ, а мы начнемъ его своими газетами одѣлать, а потомъ книжками, потомъ расскажемъ ему свою программу,—онъ конечно станетъ эсэромъ. И выйдетъ, что мы его отъ нашихъ союзниковъ перетянули. Такъ вѣдь? Я ему сказала, что барыни боюсь, пусть лучше не приходитъ. Какъ вы товарищи, думаете, ладно ли я сдѣлала?

Настя подождала, подождала отвѣта,—и вышла въ кухню. Никита сидитъ и скребетъ въ затылкѣ. Потомъ наклоняется къ Дмитрію и шепчетъ:

— Побольше бы намъ такихъ! Сама-то вся [какая! Пряменькая-пряменькая, безъ единой закручинки!

Онъ переводитъ глаза въ уголь, откуда струится тихій безустанный свѣтъ отъ тоненькой, пряменькой свѣчки.—А мы-то... горло, бывало, драли другъ другу.

— Но, надѣюсь, не теперь?—настораживаюсь я.

— Ну, конечно. А все же... до голубиной чистоты и теперь далеко...

Приходитъ Костя. Долго что-то рассказываетъ, а потомъ начинаетъ спорить на тему о заподноевропейскомъ и русскомъ движеніи. Мы и сами увлекаемся вмѣстѣ въ нимъ. А когда, спохватившись, хотимъ приняться за обсужденіе неотложныхъ дѣлъ,—увы!—изъ второй комнаты уже раздается сладкое похрапываніе Дмитрія.

Никита нерѣшительно идетъ будить его. Долго слышится оттуда его ласковый, уговаривающій голосъ впережку съ мычаньемъ, потягиваньемъ и соннымъ кряхтѣньемъ Дмитрія.

— Да вы поостороже!—кричу я:—что за деликатности!

— Жалости въ васъ нѣту!—бормочетъ Дмитрій, появляясь наконецъ въ дверяхъ, такой весь заспанный, взъерошенный, упирающийся:—Съ массовки на свиданья, оттуда на митингъ, потомъ и еще въ десяткахъ мѣстъ перебивалъ... вѣдь человѣкъ же и я!

— Во-первыхъ, вы не человѣкъ, а революціонеръ,—начинаемъ мы читать ему нотацію—и, не выдержавъ, заливаемся смѣхомъ: такъ преуморителенъ весь его видъ. Онъ продолжаетъ капризничать и ворчать, вызывая этимъ все новые взрывы смѣха. Наконецъ и самъ онъ заражается общимъ весельемъ. Силы являются сидѣть до утра.

Подъ утро стукъ. Вбѣгаетъ весь запыхавшійся матросъ. «Чудомъ удалось вырваться!» Схватываетъ литературу и опрометью пускается обратно. Черезъ часъ отплытіе съ рейда... Все складывается такъ счастливо.

ГЛАВА XIV.

С в и р ц ы.

Я въ первый разъ направляюсь для передачи книжекъ въ казармы, къ солдатамъ Свирскаго полка. Это—на Петербургской, недалеко отъ пристани. Впрочемъ, въ самую казарму итти не приходится. Вызванный мною солдатъ-еврей, Петерсонъ, ведетъ меня въ садикъ рядомъ. Подъ тѣнью березокъ усаживается на траву, свѣжую, густую. Впереди аллея, кругомъ молодая деревца, кусты... Птицы, солнце... Заалѣли красныя обложки книжекъ, вынутыхъ изъ платка. Подходятъ еще нѣсколько солдатъ, все пріятеля Петерсона. Разбираютъ книги. Глаза ихъ горятъ, кажется, еще пуще солнца.

У нихъ тоже чуть бунтъ не произошелъ на дняхъ. Теперь побѣда вскружила имъ голову. Наперебой рассказываютъ про всѣ маленькія событія казарменной жизни, кажушіяся имъ такими радостными, такими важными. Мнѣ эти факты кажутся еще болѣе радостными, еще болѣе важными.

Вѣдь это же пѣхота! Пѣхота, которая... И безконечные примѣры разстрѣловъ, усмиреній и дикихъ звѣрствъ, совершаемыхъ пѣхотой, приходятъ на умъ.

Это не матросы, которымъ самъ Господь Богъ опредѣлилъ бунты и возстанія устраивать, которыхъ само море сдѣлало храбрыми и сплотило, научивъ бороться со стихіей, сама специальность съ работой около машинъ и дальними плаваніями революціонизировала. Нѣтъ, это пѣхота, вымученная шагистикой, одураченная пѣхотой, снимаетъ съ глазъ повязку и радуется, изумленная:—Ахъ, какъ прекрасенъ міръ! Какъ хорошо почувствовать себя человѣкомъ! Какъ хорошо перестать вѣчно гнуться, только гнуться!

Подходитъ Сорокинъ, усаживается, какъ ни въ чемъ не бывало, будто въ собственный домъ вошелъ.

— Какой вѣтеръ васъ сюда занесъ? Вѣдь пѣхотѣ запрещено общаться съ вами!

— Вѣтеръ? Да... А вы что думаете? Мы, сибиряки, по вѣтру далеко голосъ слышимъ, носомъ чуемъ, чѣмъ гдѣ пахнетъ, куда, значить, на подмогу итти... Ну, а чтобы предписаній ихъ драконовскихъ слушаться!..

И онъ и солдаты наперебой рассказываютъ про исконную вражду пѣхоты и флота. До послѣдняго времени всѣ, отъ низовъ до самыхъ верховъ—или, вѣрнѣе, наоборотъ,—были въ нее втянуты. И вдругъ со времени бунта солдаты и матросы поняли, что врагъ у нихъ общій,—и дружить стали.

— Какъ увидели нашу дружбу господа начальники, схватились за голову: — Шабашъ! — закричали. — Крышка намъ теперь!

Всѣ смѣются, всѣмъ весело, всѣ беззаботны. Смѣюсь и я. Поднимаю голову и—замираю: къ намъ приближается офицеръ! Еле накрыты книги наброшеннымъ второпяхъ платкомъ. А Сорокинъ, сидящій къ офицеру спиною, продолжаетъ ораторствовать, не внемля моимъ подталкиваніямъ и подмигиваніямъ. Солдаты, завидѣвъ офицера, усѣлись еще плотнѣе, словно приросли къ землѣ.

— Это еще что за сборище?—не крикнулъ, а рывкнулъ офицеръ надъ нашими головами.

Солдаты лѣниво поднимаются, отдавая честь.

— Такъ что барышня знакомая пришедши, бесѣдуемъ.

Изящный лакированный носокъ офицерскаго сапога передъ самымъ моимъ носомъ горитъ и искрится на солнцѣ; денщикъ, навѣрно, долго потѣлъ надъ нимъ, наводя лоскъ. Вотъ носокъ подвигается впередъ... еще немного,—и откинеть онъ уголь платка. Мы пропали! И это я по своей непростительной оплошности подвела солдатъ, повѣривъ имъ, что офицеры въ садъ не заходятъ.

Напряженная минута. Поднимаю глаза на офицера. И вдругъ такимъ смѣшнымъ мнѣ кажется это совсѣмъ еще юное, съ нѣскольکو вздернутымъ носикомъ, лицо, принявшее столь важный начальническій видъ. Все смѣшнѣе и смѣшнѣе. Я уже трясусь отъ беззвучнаго нервнаго смѣха, и губы дергаются, дергаются.

Офицеръ тоже не выдерживаетъ напускной серіозности, по мальчишески улыбається, машетъ рукою и повертывается къ выходу.

— По добру, по здорову!

— Туда и дорога!

— Такъ-то лучше!

— И чего шлятся, гдѣ ихъ не просятъ!

Солдаты снова веселы.

— Чего вы такъ лѣниво ему честь отдавали?

— А у насъ запримѣчено: чѣмъ меньше передъ ними тянутся, тѣмъ у нихъ форсу меньше.

— Извѣстно, который, къ примѣру, изъ деревни,—боится, знацца,—поясняетъ широколицый, скуластый Сомовъ: —Каждый на емъ ѣздитъ, поѣдомъ ѣстъ. Я самъ деревенской, прошелъ эту выучку, знаю.

— А вы-таки, товарищи, на будущее время должны быть осторожнѣе. Вѣдь подними онъ платокъ концомъ сапога,—какъ бы нашъ арестъ повредилъ работѣ!

— Ну, ну... Да какъ бы онъ это посмѣлъ!

— Да кто ему позволилъ бы!.. въ вашихъ вещахъ рыться!

— Оно, конечно, только дай имъ поблажку!

Убѣждаю ихъ успокоиться и никогда подобныхъ глупостей даже въ головѣ не имѣть. Теперь такъ важно, чтобы всѣ тихо сидѣли. Боже упаси, коли кто прорвется,—такая каша заварится!

Говорю строго, а въ душѣ у самой и радость и гордость за солдатъ. Еще бы! Пришелъ, помню въ первый разъ этотъ самый Петерсонъ на квартиру къ Марѣ. Мямлить что-то подъ носъ, голова ушла въ плечи, по лицу пятна, сѣсть не хочетъ, а чего хочетъ,—и не поймешь. Помямлилъ, помямлилъ,—ушелъ. Оказывается, въ товарищахъ его еще меньше храбрости оказалось, не осмѣлились даже въ квартиру войти,—и онъ пошелъ убѣждать ихъ, что людоедовъ у насъ нѣтъ. Но успѣха не имѣлъ, одинъ вернулся. Мучительный часъ билась я съ нимъ. А онъ все время погибалъ отъ смущенія. Въ слѣдующія встрѣчи былъ уже смѣлѣе. А теперь вотъ, полюбуйтеся!

— Объясните вотъ, пожалуйста, —обращаюсь я къ нему:—я васъ, ужъ извините, попросту буду спрашивать: почему въ первый разъ вы такъ робѣли?

— Да какъ же не робѣть-то?—говоритъ онъ, сначала опять смущенно, но потомъ по немногу разгораясь:—Непривычно. Изъ господъ, думаешь, люди,—образованные! Ну, а къ тебѣ, какъ къ равному, относятся! Ну, повѣрите, самъ не свой дѣлаешься, словно свѣтъ въ глазахъ мѣняется.

Онъ на минуту умолкаетъ, улыбаясь удивительно скрашивающей его, немного застѣнчивой, милой улыбкой.

— Видите, жизнь наша тяжелая, поганая, можно сказать. Ну, брань тамъ, битье, грубость. Ну, и вниманія до души никакого. И мы такъ привыкли къ этому. А тутъ вдругъ по человѣчески... ну, добро, ласково... Голову потеряешь съ непривычки... слова застрять въ горлѣ, не до разговоровъ... какъ чурбанъ стоишь...

А Сорокинъ смотритъ, смотритъ, да вдругъ какъ вскинется:

— Вотъ, барышня. Вотъ будто бы вы тамъ, образованные, промежъ себя собрались. Да вдругъ бы къ вамъ въ компанію грубый пьянчуга вломился, и непристойность и гадость передъ всѣми бы учинилъ. Сконфузились бы, поди, и словъ бы не нашли. А почему? Да потому что не привыкли къ такому хамству, вотъ почему. Отъ удивленія большого слова отшибаетъ. У насъ тоже отъ непривычки къ хорошему человѣку понятія лишается.

Ну, у тебя-то, братъ, положимъ, слова не отшибетъ!—думаю я, глядя на его оживленное лицо.

— Вотъ я еврей,—продолжаетъ между тѣмъ Петерсонъ:—Ну, а какая была жизнь для пархатаго жида...

Голосъ его вдругъ дрогнулъ, онъ завозился, зашарилъ по карманамъ, голова ушла въ согнутыя, сутуловатыя плечи

Наступила неловкая минута молчанія. Черезъ заборъ доносится шумъ улицы, топотъ лошадей и громыханіе по скверной мостовой извозчичьихъ пролетокъ.

— Съ парохода, видно.

— Отчего это, братцы,—продвинулся впередъ Сорокинъ:—отчего нашему брату, мужику, совѣмъ, то-есть, все равно, какого званія человѣкъ. Жидъ ты,—потянулъ онъ Петерсона за рукавъ:—а мнѣ самый другъ и товарищъ, потому какъ приверженность къ дѣлу имѣешь и такую горячность, которую мы, матросы, больше всего уважаемъ.

— Это вѣрно, товарищи,—возвращается къ прежней темѣ Сомовъ:—Прошибаетъ очинно даже, когда съ этой самой антиллігенціей познакомишься. Изъ деревни я—къ примѣру. Лѣса у насъ во—какіе! Городъ далеко. Кто у насъ баринъ? Земской да лѣсничой. Завсегда на насъ кричатъ, ногами топаютъ. А тутъ вдругъ—то-варищъ!

Его широкое лицо расплывается отъ удовольствія.

— И за руку берутъ, смотрятъ ласково,—ошалѣешь. А потомъ ужъ только въ разумъ войдешь. Тутъ душа и вознесется.

Черезъ нѣсколько дней забѣгаетъ къ намъ тотъ же Петерсонъ и, захлебываясь, рассказываетъ:

— Ночью на сегодня у насъ будто праздникъ вышелъ, право! Улегшись всѣ мы были по койкамъ. Ну, а писарь и прибѣги, писарь, значить. «Усмирять, кричить, отказались!»—«Что такое? Кто отказался, господинъ писарь? Вы намъ разъясните!» И что бы вы думали? Намъ и невдомекъ, можно сказать! Ну, а вѣдь это наши! Наши, что остались въ Новгородской губерніи, нашъ 2-й баталіонъ сопротивленіе начальству оказалъ, не пошелъ крестьянъ усмирять.

Ну, что же? Извѣстно—кричать! Уру подняли! Бѣжить, конечно, господинъ фельдфебель,—онъ у насъ грузный,—лицо налилось кровью, глаза вылѣзли, какъ у рака. «Что? Что, кричить, такое? Зачѣмъ такой кричить, гвалтъ?» А наши, конечно, въ смѣхъ. Потому, значить, какъ разувался, ну, въ испугъ впалъ, рука въ сапогъ, а нога голая! Струсилъ, значить. «Вояка! Хватъ! Ай вай!»—стали тутъ ему кричать. Ушелъ не въ себѣ. А у насъ почитай до утра разговоры всякіе. Ну, и что это за разговоры!..

У рассказчика ходятъ руки и ноги, смѣются глаза, и весь онъ все время ёрзаетъ на мѣстѣ. Заморенное, тщедушное лицо зардѣлось румянцемъ.

Всѣ выражаютъ шумное одобреніе. Возбужденный вниманіемъ и успѣхомъ, онъ рассказываетъ о своемъ баталіонѣ.

— А кстати, вамъ офицеръ выговора не сдѣлалъ? Помните, за то, въ саду?

— Нѣтъ, ну... а только...

— Что?

— Въ другой разъ вы были, у воротъ стояли, ну, и шелъ офицеръ, и васъ, ну, и запримѣтилъ.

— Что же, говорилъ что-нибудь?

— Ну, я себѣ иду, и ротный себѣ идетъ. Идетъ себѣ, и смотритъ эдакъ, будто что примѣчаетъ. Ну, я, конечно, самъ по себѣ, будто и виду не подаю. Однако подзываетъ: «Ты, говоритъ, Абрамъ, ну, ты... ты что, тоже себѣ... хайку завелъ?»—точно даваясь, съ трудомъ выговариваетъ онъ послѣднюю фразу.

— Что же дальше?

— Ну, я, конечно, хотѣлъ сказать, что никакъ нѣтъ, ваше Благородіе!

Онъ потупился и, видимо, набирается духу для дальнѣйшаго разсказа. Всѣ съ интересомъ смотрятъ на него.

— Ну, подумалъ я тутъ, что разпросы да допросы пойдутъ про васъ... «Точно такъ, говорю, ваше Благородіе, завелъ!»

Онъ такъ браво, такъ молодецкато выпаливаетъ послѣднія слова, что всѣ вздрагиваютъ. Рѣшимость отчаянія чувствуется въ этой бравурѣ и величайшее нервное напряженіе. Но сказавъ, онъ вдругъ весь какъ-то осѣдаетъ, точно выпустилъ послѣдній зарядъ. Поникъ головою, тяжело вздохнулъ.

— А потомъ я подумалъ,—волнуясь продолжаетъ онъ:—я подумалъ и говорю: Ваше Благородіе! Ну, а теперь, говорю, мнѣ можно въ городъ отлучаться?

— Ну, и мозговатый же ты, братъ! Башка!

— Прямо съ японцемъ воевать!—сыплются одобрительные возгласы.

— Ну, и какъ? Выгорѣло дѣло?

— Да,—сказалъ ротный,—можно. Я, говоритъ, тебя, Петерсонъ, въ чемъ другомъ подозрѣвалъ. А ты, вижу, за умъ берешься. Одобряю, говоритъ.

Видя кругомъ одобреніе, Петерсонъ улыбается. Но вдругъ онъ снова смутился, замолчалъ, поднялъ вверхъ виноватые глаза и испуганно говоритъ, почти шепчетъ:

— Вы сердаете... Или, можетъ, вы думаете... того... ну, что я по трусости? Ей Богу, нѣтъ. Я же...

Отъ смущенія у него даже слезы выступили.

— Я чтобы васъ свободнѣе пропускали, потому ежели не хайка, кто же вы? У насъ больше все хайки, то-есть полюбовницы, ходятъ. Значить кто же?—спросить. А опросъ бы...—бормочетъ онъ.

— Да успокойтесь, не про васъ я! На счетъ офицера вотъ: чему научаетъ!

Вспоминаю попавшій недавно въ печать тайный документъ изъ одного питерскаго кадетскаго корпуса, съ подробнымъ распорядкомъ пользованія домами терпимости. Сами воспитатели партіями водили мальчиковъ въ эти дома, устанавливали очередь, назначали плату... Вспоминаю, какъ одинъ солдатъ увѣрялъ меня съ горечью, что онъ не знаетъ никого въ батальонѣ, кто бы не пьянствовалъ и не развратничалъ...

Развратъ и военщина улеглись въ жизни рядомъ, крѣпко сплелись корнями.

Еще черезъ нѣсколько дней сидимъ мы разъ поздно вечеромъ, — вдругъ Настя подымаетъ голову:

— Кто-то за дверью шевелится, ясно слышу.

Открываемъ дверь, — Петерсонъ и Сомовъ стоятъ въ сѣняхъ, взволнованные, запыхавшіеся.

— Постучать не смѣли, думали — спите. Да и не видно, скобу искали, — словно оправдываются они.

— Уводятъ, потому обезпокоили. Не обезсудьте.

— Проститесь хотѣли. Потому какъ же такъ вдругъ уѣхать? Можетъ больше не доведется даже...

Втащили ихъ въ комнату, поимъ чаемъ. Дмитрій сразу влилъ покой и умиротвореніе въ ихъ взволнованныя сердца.

— Что вы, братцы, приуныли? Сами же признаете, что въ Кронштадтѣ свѣтъ увидали. Ну, вотъ, теперь сами его зажжете въ другомъ мѣстѣ. А мы вашихъ замѣстителей просвѣтимъ. Такъ и пойдетъ свѣтъ отъ свѣта все больше и больше. Видите, какое доброе наше правительство: повсюду старается головни разбросать. Выпьемъ, братцы, за то, чтобы ни одного уголка безъ головни не осталось!

Чокнулись чашками съ чаемъ, повеселѣли, заулыбались.

— Кабы не хватились! — насторожился Сомовъ.

— Э, пусто! Одинъ отвѣтъ!

— Ну, ладно, еще посидимъ.

Сидимъ за чайкомъ интимнымъ дружескимъ кружкомъ. Солдаты растроганы, умилены. Но Сомовъ, какъ всегда, сдержанъ, или стѣсняется, говоритъ мало, — больше смотритъ и слушаетъ.

— Вамъ тоже не хочется уходить?

— Дюже не хотца. Не токмо што, а даже... то-иссть, нашему брату, коли тово... даже можно сказать...

Мы съ Настей терпѣливо ждемъ, когда онъ подыщетъ для своихъ мыслей нужныя слова.

И вдругъ этотъ деревенскій парень, съ широкимъ, блинообразнымъ лицомъ и маленькими, калмыцкими глаз-

ками, неожиданно заговорилъ о чемъ-то такомъ, что прямо пригвоздило насъ съ Настей къ мѣсту. Видно, долго собирался онъ съ духомъ, долго боролся съ собой, и вотъ наконецъ поборолъ смущеніе, и выкладываетъ то, что просится изъ души.

— Я къ вамъ, такъ сказать... такъ ужъ, какъ думаю... разрешите мои тяжкія сомнѣнія знацца... — начинаетъ онъ, запинаясь на каждомъ словѣ. — Вотъ, къ примѣру, видишь, какъ вы живете. Хорошо у васъ тутъ, благообразіе, ровно въ церкви! — онъ поднялъ голову въ уголъ, къ иконѣ, гдѣ Настя сегодня опять затеплила свою тоненькую восковую свѣчку. — Обращеніе ваше тоже... Или вотъ ораторовъ взять. Говорятъ такъ, что думаешь: кто вы? аль святые? безъ грѣха? Такъ вотъ свято и живете? Или какъ и мы знацца всѣ? по грѣховному?.. Знацца, не ладно оказываетъ: на словахъ хорошо, а на дѣлѣ и безъ святости? Знацца, обманъ?

Онъ ужасно волнуется и путается лицо его полно такой глубокой муки, — и отъ этихъ истомившихъ его душу мыслей, и отъ неумѣнья ясно выразить ихъ, и отъ смущенія, что задалъ намъ такіе нескромные вопросы.

Для насъ эта его выстраданная откровенность такъ внезапна, такъ непривычна, что мы сидимъ не шелохнувшись, съ замираніемъ сердца ожидая конца рѣчи, послѣ которой мы обязаны будемъ «разрѣшить ему его тяжкія сомнѣнія».

— Такъ повернешь, — обманъ получается. По инакому, на иную, знацца, сторону, — что-то быто не слыхать о святыхъ, быто прошли тѣ времена... Знацца, опять святые объявились? Чудо, знацца?.. Вы ужъ извините, можетъ что и не ладно сказалъ по своей необразованности!

Онъ и не подозреваетъ, навѣрно, до какой степени значительнымъ, глубокимъ и труднымъ для отвѣта является заданный имъ вопросъ. Вѣдь это самый верховный судья надъ людскими жизнями и душами заглянулъ въ нашу совѣсть этими узенькими калмыцкими глазами, — и шупаетъ, пытается, экзаменуетъ ее.

До ушей доносится разговоръ Дмитрія съ Петерсономъ, крикъ помученныхъ пѣтуховъ, лай собакъ, всѣ неуловимые ночные звуки и шорохи. Нашъ уголъ молчитъ. Настя отъ времени до времени взглядываетъ на свою свѣчку. Что-то новое появилось въ ея глазахъ. Она выпрямилась, вытянулась, подняла голову, и кажется еще тоньше, еще прозрачнѣе. Солдатъ нервно мнетъ фуражку и сидитъ потупившись.

Съ трудомъ собравъ мысли, я наконецъ говорю ему, что нѣтъ въ насъ обмана, но нѣтъ и святости. Мы только

прозрѣли раньше народа, теперь раскрываемъ глаза и другимъ. И мы оступаемся, и еще какъ!—мы не скрываемъ своихъ ошибокъ, но мы искренно стремимся подойти къ правдѣ все ближе и ближе.

ГЛАВА XV.

В ы х о д ъ в ъ с в ѣ т ѣ .

Наши представители ѣдутъ въ Петербургъ на совмѣстное собраніе съ представителями другихъ организацій. Дмитрій и я съ ними. Пароходъ переполненъ. Толкотня невообразимая. Наблюдаю нашихъ. Всѣ одѣты по праздничному, на лицахъ восторгъ.

Вотъ одинъ сидитъ, словно пригвоздили его, уперся руками въ лавку и блаженно улыбается. Видно, что новичекъ, воображаетъ, навѣрно, ни-вѣсть что; ухмыляется своимъ мыслямъ, не видя ничего кругомъ; подтолкнетъ порой товарища, перекинется съ нимъ коротенькой фразой и опять замретъ. Другой ерзаетъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Кто вступаетъ въ разговоръ съ сосѣдями мужиками. Кто уставился на море, опершись подбородкомъ о барьеръ и мурлыча что-то про себя.

Глѣбко нахмурился, прямо насупился весь:

— Ровно бы не время заниматься такими глупостями!—говоритъ онъ, мѣрая глазами подвыпившую компанію матросовъ.

— А ты кто? Князь что ли? Думаешь-квартирмейстеръ, такъ и указывать всѣмъ долженъ?

— А вотъ и долженъ! Званіе матроса ты можешь блюсти? Для чего мы призваны? Вспомни осень! Понялъ?

Сорокинъ, какъ всегда, не сидитъ на мѣстѣ. То тутъ, то тамъ мелькаетъ въ толпѣ его развеселая физиономія. Вонъ занялся съ толстенькой дѣвочкой-коротышкой. Подзоветъ ее, дастъ конфетку, а потомъ будто догоняетъ ее. Дѣвочка съ громкимъ смѣхомъ бросается въ колѣни къ матери, брыкаетъ ногами, прячетъ лицо, и смѣется-смѣется. А онъ ужъ снова ее манитъ, дѣвочка снова около него, подсакиваетъ, чтобы поймать орѣхъ. И не знаешь, кто больше тѣшится, ребенокъ ли, Сорокинъ ли, или другіе матросы, которые уже обступили ихъ и уже сами втянулись въ игру. Ротъ у дѣвочки весь вымазанъ сладостями. Посаженная къ одному матросу на широкое плечо, она что-то лепечетъ оттуда сверху. Цѣлый рядъ широкихъ оскаленныхъ ртовъ, цѣлый рядъ сошуренныхъ отъ смѣха глазъ.

А гдѣ же Сорокинъ? Уже въ другомъ концѣ парохода стоитъ надъ картежниками.

— У тебя сколько?—спрашиваетъ одинъ партнеръ.

— Три.

— Три да три, до дыръ не протри! съ какой ты пошелъ-то! Балда! Замазка!—всовываетъ и сюда свой носъ Сорокинъ. Партнеръ въ рваномъ зипунѣ недовѣрчиво оглядываетъ хохочущую публику.

— Пять!—кричитъ онъ, стучая по столу.

— Не пять, стѣна близко, хвостъ обломаетъ!

— Гдѣ она, стѣна на пароходѣ?

— Есть и стѣна, да не проста, и быть тебѣ безъ хвоста!

— За своимъ смотри!

— Погожу маненько, когда вырастетъ!

Кряхтитъ пароходъ, бухаетъ и чавкаетъ машина, шумятъ вокругъ волны. Говоръ, шутки, смѣхъ.

А въ углу хмурые люди. Ни праздникъ, ни веселое солнце не могутъ распрямить ихъ морщинъ, прояснить ихъ лица. Какъ тяжелый возъ по ухабамъ, тянутся ихъ разговоры. Это—безработные.

— Въ Питерѣ—ничего. Въ Кронштадтѣ посылали—полнымъ все полно. Куда таперя податься?

— Одинъ конецъ—ложись и подыхай.

— Три дня подъ голымъ небомъ. Сегодня хочъ солнышко подсушило, и то радость, а то въ грязи валяйся!

— Хуже скота... У того хочъ подстилка... и крыша надъ головой...

— И жратва тоже...

— Въ Питерѣ сказывали: пятьдесятъ тысячъ маются. Городская Дума, баютъ, работу обѣщались охлопотать...

— Охлопочутъ!

— О, Господи, будетъ ли лучшина-то! Остатнее времячко пришло!

Дыхнуть, дышать, подыхать!—только и слышится въ этомъ углу.

— Въ Либаву, говорятъ, требовались?...

— Говорятъ,—куръ доятъ, а пошли—вымя не нашли. Туды изъ Обуховскаго посланы.

— Да рази не слышали вы, братцы, дѣло-то тамъ какое случилось?—вскидывается вдругъ какой-то маленький заморенный человѣчекъ.—Приѣхали этто, значитъ питерскіе рабочіе туды, съ Обуховскаго, значитъ. А матросы, флотскіе, значитъ, къ нимъ съ кулаками:—По какому такому, говорятъ случаю вы здѣсь? Рабочій, говорятъ, человѣкъ долженъ другому рабочему помощь оказывать, а вы что? Съ живого мѣста ѣдете, а здѣшніе съ голодухи мрутъ!—Мы, говорятъ, тоже не виноваты, насъ администрація завод-

ская прислала.—Ну, тѣ не стали однако съ ними долго разговаривать.—Изобъемъ, говоритъ, въ море спустимъ, а здѣсь вамъ не работать. Очень даже просто!

— Ну?

— Извѣстно, очень просто даже, что уѣхамши! Вотъ, значитъ,—какъ дѣло-то было!

— Что и говорить! Правильно!

— Фартовый народъ эта матросня!

Вдругъ, откуда ни возьмитесь, балалаечникъ. Настраи-ваетъ свой инструментъ и начинаетъ подъ его аккомпаниментъ заунывнымъ сильнымъ голосомъ любимую матроскую пѣсню:

Вернулся калѣка изъ плѣна домой.

Мать старуха его повстрѣчала.

Всѣ кругомъ смолкли, слушаютъ. Защемило сердце тоскою... А тотъ вдругъ какъ ударить по струнамъ всей пятерней, да какъ тряхнуть шапкой кудрей надъ испитымъ прыщеватымъ лицомъ, да какъ грянетъ разухабистую, съ переборами да припѣвками, съ присказками да прибаутками!

Вотъ купцы у насъ, гляди-тка,

На счетъ совѣсти, поди-тка,—

Мало гра-а-а-мотны, да мало гра-а-а-мотны!

А стянуть, содрать съ насъ второе,

Дать за новое гнилое —

Больно гра-а-а-мотны, да больно гра-а-а-мотны!

Публика, вначалѣ было оцѣпенѣвшая отъ этой нежданной перемены, грохнула дружнымъ взрывомъ хохота.

— Ну и чешетъ! Валяй, братъ, валяй! Такъ ихъ такихъ-сякихъ!

Но пѣвецъ не нуждается въ поощреніи. Все чаще, все гуще сыплется онъ остроумными, ядовитыми куплетами, прохватывая то баръ, то купцовъ, то разгульных молодцовъ, то пузатыхъ приставовъ. Все задорнѣе его подми-вающій, разудалый речатативъ, все отчаяннѣе бренчитъ и лихо заливадается балалайка. Нѣкоторыя цензурныя вольности производятъ особенный фуроръ у публики. Такой хохотъ стоитъ на пароходѣ, что порой тонетъ въ немъ сама пѣсня.

Весело летятъ въ шапку балагура мелкія монеты. Всѣхъ разшевелилъ. У всѣхъ развязался языкъ, всѣ сыплютъ шутками, остроумиями, анекдотами. Встрѣчаюсь глазами съ нашими. Ихъ лица сіяютъ. Да и я чувствую, какъ подхватываетъ меня волна общаго радостнаго возбужденія. Такъ хорошо на этомъ морскомъ просторѣ, подъ этими ласковыми лучами смѣющагося солнца, среди этихъ пѣсень, среди всей этой развеселившейся, какъ ребенокъ, толпы!

Какъ птица, взмахнуть бы сейчасъ крыльями, взвиться въ поднебесную высь и полетѣть прямо, все прямо, къ яркому солнцу! Простора, движенія душа требуетъ: развернуться бы!

А черезъ минуту я — ужъ черносотенница, и жарко спорю съ сознательнымъ рабочимъ. Вся корма насъ слушаетъ. Боже! Сколько негодующихъ глазъ, и злыхъ, и насмѣшливыхъ, устремлено на меня! Сколько возгласовъ, сколько нелестныхъ эпитетовъ сыплется на мою черносотенную голову!

Вдругъ среди этихъ враждебныхъ физіономій метнулась чья-то знакомая, съ веселыми, задорными искорками въ глазахъ. Конечно, Сорокинъ! Пробирается прямо ко мнѣ.

А ну-ка, мать пречестная, черно-рукоположенная! Что ты вотъ на это скажешь?

При видѣ неподражаемой игры его физіономіи, при видѣ его хитро сощуренныхъ глазъ, мои губы неудержимо раздвигаются въ улыбку, дѣлаю невѣроятное усиліе, чтобы сохранить прежнее, озлобленное выраженіе.

Э, пиши, размазывай! Лучше окстись да побывай-ка у батюшки! Авось, дурь-то изъ головы выпотрошится! — говорю, скорѣй отходя къ борту, провожаемая дружнымъ взрывомъ смѣха.

Смотрю на ласковое сѣро-зеленое шелковистое море. И море улыбается, и все вокругъ дрожитъ и рдѣетъ отъ нетерпѣливаго бурлящаго счастья. И нѣтъ никакихъ силъ не расплыться въ широкой безпричинной улыбкѣ.

— Чтой-то, служивый, съ усмиренія, видно? — кидаю я обладателя блестящей медали на груди.

— Съ усмиренія? — негодуетъ онъ: — Эхъ ты, и баба же, какъ я погляжу!

— А то что, мужикъ чтоли? Вижу, что медаль, — ну и спрашиваю.

— За войну это. Боевая отличія!

Его обступаютъ съ разспросами.

— Было дѣло подъ Полтавой, да было! Сурьезный японецъ, угостилъ въ самый разъ. Вродѣ какъ на свѣто-преставленіи побывали. Взялъ нашъ полкъ, Каспійскій: насъ, охотниковъ, было двѣ сотни съ половиною, а кончилась война, — чуть насчитали десятка четыре!

Ахаеетъ публика, а тотъ ко мнѣ поворачивается:

— Поняла теперь, на какомъ я усмиреніи былъ?

Онъ, видимо, задѣтъ за живое. Смотритъ на слушателей глубокимъ взглядомъ, идущимъ изнутри словно съ невидимой высоты, хмурый, прямой.

— А куда вы ѣдете, дозволюте полюбопытствовать?

— Сейчасъ въ Питеръ, а вообще въ Кронштадтъ переводимся.

— Вы? Въ Кронштадтъ?

— А что дивуешься? Въ самый энтотъ Кронштадтъ! — неодобрительно и строго бросаетъ онъ.

Такъ вотъ они, замѣстители свирцевъ!

Пароходъ подходитъ къ пристани. Публика бросается къ выходу. Бросаюсь и я. Розыскавъ моего оппонента, я съ большимъ смущеніемъ разъясняю ему, что я вовсе не черносотенная баба, а партійный человѣкъ, и споръ затѣяла, чтобы узнать, какой онъ партіи, и, убѣдившись, что нашей, хочу не порывать съ нимъ знакомства.

У насъ въ Кронштадтѣ вѣдь совсѣмъ нѣтъ своихъ рабочихъ. Это насъ очень мучаетъ.

Рабочій таращитъ на меня глаза, словно въ землю вросъ и языка лишился. И чѣмъ больше я стараюсь доказать, что я дѣйствительно революціонерка, тѣмъ онъ все больше пугается и блѣднѣетъ.

— Я не спрашиваю ни вашей фамилии ни адреса. Вы скажите только изъ какого вы района, я васъ разыщу черезъ питерскій комитетъ нашей партіи. Я увѣрена, что вы — эсэрь.

— Да, эсэрь; изъ-за Невской, — бормочетъ онъ, продолжая пятиться отъ меня.

Поскорѣе отхожу отъ него, проклиная себя за неумную выходку.

Курсы Лесгафта. На лѣстницѣ наши распорядители. Внизу, при входѣ, товарищъ Нина, — энергичной инициативѣ которой петербургская военная организація обязана своимъ возрожденіемъ. Обычно одѣтая во все черное, сегодня она въ бѣлой кофточкѣ. И здѣсь чувствуется праздникъ. Зеленяя вѣтки, какъ условный знакъ въ рукахъ нашихъ, чтобы узнавать другъ друга въ чуждой толпѣ, наполняющей курсы, еще болѣе придаютъ всему весеннее настроеніе.

Замелькали знакомыя лица. Наши кронштадтцы успѣли уже зайти въ указанные имъ квартиры рабочихъ и тамъ переодѣться. Странно видѣть ихъ въ штатскомъ пальто, въ блузахъ съ застегнутыми воротами. Они, вспотѣвшіе, взволнованные, рады, что до своего человѣка добрались.

— Что долго не приходили?

— Улицу долго искали, не знакомѣ!

— А у насъ, Терентьевна, несчастье! Перепутали адреса: въ одно мѣсто никого не пришло, а въ другое четверо заявилося. Хозяинъ ушелъ, а хозяйка какая-то безтолковая: «Окромя того, говоритъ, что приказано, не могу вамъ болѣе предоставить». Покрутились, покрутились наши, — такъ и ушли.

— Сюда прямо шли бы. Двое ничего, если и въ формѣ.

— Да ужъ уѣхали.

По двое, по трое приходятъ. Вотъ Глѣбо, большой, мускулистый, а брюки чуть не по колѣно, и руки изъ рубашки вылѣзаютъ. Чуть повернется, трещать швы, того и гляди, все разлѣдется. Сухопарый Журавлевъ ликуетъ:

— По мнѣ все хорошо, все въ пору.

Кто-то напѣваетъ:

И пошелъ нашъ журавель,
Журавель да журавель,
По воду, по воду,
По воду къ колодцу!

Куда тамъ въ пору! Виситъ пальто какъ на вѣшалкѣ. Ужъ и впрямь журавель — со своей длинной шеей, вылѣзающей изъ за широкаго, оттянушагося книзу воротника пальто.

Со смѣхомъ стягиваютъ съ него пальто, приговаривая:

Пощипали журавля,
Журавля, журавля!

Надѣваютъ его на богатырскія плечи Глѣбки:

Одѣвали медвѣдя,
Медвѣдя, медвѣдя!

Возня. Сутолока.

Размѣстились въ аудиторіи. Заперли дверь на ключъ. Пересчитали: отъ Кронштадта тридцать человѣкъ, отъ Петербурга десять. Нина хмурится. Въ Питерѣ дѣла совсѣмъ еще не блестящи.

Доклады съ мѣстъ. Тамара Принцъ, изящная, хотя и некрасивая дѣвушка, аристократка, въ простомъ платьѣ и платочкѣ, говоритъ про свой районъ — лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

— Почти полностью восемь гвардейскихъ полковъ, двѣ артиллерійскія бригады, и кругомъ еще войска въ лагерь. А я... одна на всю массу!

Около двадцати тысячъ — мысленно высчитываю я.

— Тамъ почти нѣтъ сознательныхъ, на кого можно бы опереться. Еле тронутая почва. Въ душѣ у всѣхъ волненіе, а въ головѣ сумбуръ и неразбериха. Нужно успокоить души, прояснить головы. Со всѣхъ сторонъ масса запросовъ, а я — одна, одна и одна...

Вторая ей, несутся новыя просьбы, новыя жалобы: людей, литературы, денегъ...

Поднимается солдатъ изъ Колпина. Волнуется, не знаетъ, куда руки дѣвать. Начинаетъ немного повышеннымъ голосомъ:

— Знаемъ мы, что къ чему. Съ Дальняго вернулись. Готовимся, съ народомъ вмѣстѣ чтобы, къ моменту...

Понемногу успокаивается, говоритъ болѣе ровно и гладко:

— Мы понимаемъ свою силу, а она, товарищи, не малая. У насъ въ рукахъ пороховой складъ. Тамъ пироксилинъ, тамъ порохъ, однихъ ручныхъ гранатъ двадцать тысячъ...

— Что это такое?

— Это одинъ офицеръ изобрѣлъ, чтобы съ шомполомъ изъ ружья можно было ими стрѣлять, маленькія совѣмъ. Дѣлали мы имъ испытаніе, — хорошо, черти, рвутся. Ну, а только война и кончиться успѣла, такъ гранаты и не пошли въ дѣло. Видно, ужъ сама судьба хочетъ, чтобы революціи послужили... Ну, еще три тысячи винтовокъ, нѣсколько пулеметовъ, восьмеро орудіевъ, къ нимъ боевые припасы...

Онъ перечисляетъ все, не сбиваясь, видно обстоятельно все было выяснено.

Работающій среди колпинскихъ саперовъ интеллигентъ Волгинъ съ гордостью смотритъ на своего питомца. Замѣтивъ не то удивленіе, не то недовѣріе среди присутствующихъ, онъ вмѣшивается въ разговоръ:

— Я, знаете, товарищи, ежедневно у нихъ бываю, и всегда, когда прохожу мимо склада, часовые честь отдаютъ и спрашиваютъ: «Ну, а теперь уже скоро? Недолго намъ еще маяться? Мы хоть сейчасъ готовы».

— Да, у насъ всѣ согласны, подлыхъ нѣту. Однимъ словомъ, на войнѣ побывали, понятно.

Саперъ вдругъ улыбается и заявляетъ съ довѣрчивой интимностью:

— Кто-то по начальству донесъ, что мы у себя лагеря минировали. Вѣдь повѣрили офицеры!

Онъ шмыгнувъ носомъ:

— А намъ чтожъ? Намъ только польза отъ этого. Нарочно неотрекаемся. Держимъ ихъ сейчасъ въ страхѣ.

Всѣмъ нравится хитрость саперовъ. — Ага! Трясутся поджилки у ихъ благородій! — ликуетъ Сорокинъ.

Оглядывая аудиторію. Если бы профессора встрѣчали на своихъ лекціяхъ такую пожирающую жадность вниманія, такіе горящіе глаза!

Стукъ въ дверь. Два солдата появляются на порогѣ. Одинъ, съ винтовкой, такъ и остается у входа и замираетъ, какъ вкопанный: штыкъ ходуномъ ходитъ въ его рукахъ. Другой спѣшно пробирается впередъ, кидая дорогой:

— Вы простите, товарищи, опоздалъ малость, дыкъ не взыщите.

Его рука тянется ко лбу, чтобы сдѣлать подъ козырекъ. Спихватившись, онъ отдергиваетъ ее книзу, смущается и быстро бормочетъ:

— По доносу... сволочь шкура предаль... арестовали меня... А тутъ время подходитъ на собраніе идти... Никакъ, думаю, не возможно пропустить... Ладно, что вотъ конвойный сговорился... А только со шкурой мы еще раздѣлаемся, даромъ не спустимъ! — заключаетъ онъ угрожающе.

Публика шумно привѣтствуетъ обоихъ, тюремщику жмутъ руки. Окончательно сконфузившись, онъ не знаетъ куда глядѣть, что дѣлать съ руками, съ винтовкой. Его усаживаютъ на скамейку, хотя въ убрать ружье въ уголъ. Онъ умоляюще шепчетъ:

— Пожалуйста, братцы, кабы не того... дозвоьте не выпускать... боязно...

Продолжаются доклады, а глаза всѣхъ невольно устремляются на блестящій штыкъ, что торчитъ поверхъ головъ, то безцѣльно дергаясь въ воздухѣ, то неподвижно замирая въ крѣпко обхватившихъ его рукахъ деревенскаго парня съ широко раскрытыми, испуганными глазами.

Перерывъ. Нарушенъ порядокъ. Смѣшались голоса.

Въ одномъ мѣстѣ говорятъ про Петропавловку. Начальство издаетъ строжайшій приказъ не пропускать въ крѣпость ни одного вольнаго, — а между тѣмъ нашъ организаторъ ежедневно проходитъ туда свободно, собираетъ всѣхъ солдатъ въ кучу и толкуетъ въ открытую. Въ другомъ мѣстѣ уланъ изъ Петергофа съ горечью рассказываетъ про извѣстнаго усмирителя, графа Орлова, ихъ начальника, какъ онъ развращалъ уланъ въ Прибалтійскомъ краѣ, давая имъ издѣваться вволю надъ латышами, какъ и теперь онъ поощряетъ солдатъ ко всякимъ циническимъ вольностямъ. Наши приглашаютъ улана съ товарищами въ гости, на наши дѣла посмотреть. Матросы обоихъ гарнизоновъ сталкиваются между собою. Товарищъ Нина заговариваетъ съ конвойнымъ. Тотъ быстро вытягивается передъ ней, зацѣпляетъ штыкомъ за сосѣднюю лавку, съ грохотомъ роняетъ ружье; пунцовый отъ стыда, неуклюжѣ возится съ нимъ. Нина улыбается, и, махнувъ рукою, отходитъ отъ него.

Снова воцаряется тишина. Докладъ кронштадтцевъ производитъ впечатлѣніе. Всѣ признаютъ, что сила — не Колпино и не Петропавловская крѣпость со старыми, никуда не годными пушками, а Кронштадтъ. Онъ и долженъ, начать первымъ, а другія части только поддержать его.

Говорится затѣмъ о Думѣ, о положеніи страны, о близящейся развязкѣ. Правительство не уступаетъ, возстаніе

неизбѣжно. Солдаты должны будутъ встать активно на ту или другую сторону. А на нетерпѣливые голоса: «Да когда же будетъ это возстаніе?» — дается одинъ отвѣтъ: — Покуда ждаты! Ждать и готовиться.

Суетня при прощаніи. Расправляются затекшія отъ непривычки къ долгому неподвижному сидѣнію за скамьями ноги и руки. Потягиваются наши, отираютъ потъ, рассматриваютъ картографы на стѣнахъ.

Часть кронштадтцевъ торопится на пароходъ. Остальные, у кого есть отпускные билеты, идутъ въ сосѣднюю аудиторію слушать одного изъ нашихъ лучшихъ ораторовъ. А мы, работники, толпимся въ корридорѣ, дѣлимся впечатлѣніями. Это было первое совмѣстное собраніе представителей различныхъ гарнизоновъ.

Курсистка, съ строгимъ профилемъ и прекрасными живыми глазами, горячо доказываетъ пользу такихъ собраній передъ пухленькимъ розовенькимъ студентикомъ, который подсакиваетъ и горячится, какъ молодой пѣтушокъ.

— У солдатъ горизонтъ расширяется! Привыкаютъ чувствовать себя хозяевами революціи! А вы: — Слабость организациі увидятъ. Пусть! Пусть все знаютъ! Не на обманѣ же строить революцію!

Горячая, изъ глубины души идущая убѣжденность, удивительно музыкальный тембръ голоса и строгая красота кавказскаго лица, — все производитъ обаятельное впечатлѣніе, собирая вокругъ нея толпу.

— Bravo, bravo! Ну, Петръ, слабо! По всѣмъ пунктамъ срѣзался!

Подходитъ Дмитрій.

— Наши-то! А? — подмигиваетъ онъ.

Больше онъ ничего не говоритъ, и безъ того понимаю его. Здѣсь впервые сила Кронштадта почувствовалась нами вдругъ такъ рельефно, и не только съ разрушительной стороны, заставлявшей съ тревогой сжиматься сердце: «Ахъ, какъ бы не провалилось!» — но и со стороны положительной, сулящей побѣду впереди. И сильно въ самой глубинѣ гдѣ-то дрогнуло сердце.

Ужъ вечеръ. Мы, кронштадтцы, идемъ, разбившись парами, тройками, на окраину города. Сегодня все необычно, особенно для нихъ, военныхъ, въ вольной одеждѣ, въ чужомъ городѣ, итти цѣлой компаніей, не опасаясь непріятной встрѣчи съ начальствомъ.

Потянулись дачки, тихія мѣста, лишенные даже постылыхъ дворниковъ за воротами. Хочется смѣяться, болтать, какая-то дѣтская, безпечная радость обуреваетъ всѣхъ. Сорокинъ превращается въ сорванца-мальчишку лѣтъ тринадцати. Даже суровый Глѣбоко, нѣтъ-нѣтъ, да и улыбнется. А ужъ про Эсэрушку и говорить нечего: что-то вихревое окончательно закрутило и завертѣло его.

Замедляемъ шагъ. Дмитрій идетъ впереди на развѣдки. Возвращается, ведетъ къ своимъ знакомымъ. Нужно соблюдать тишину, чтобы не разбудить жильцовъ дома. Это оказывается труднымъ до невѣроятности. Слышно, — какъ пыжаты и пыхтятъ наши отъ душащаго ихъ смѣха, какъ одни останавливаютъ другихъ и, не выдержавъ, сами начинаютъ прыскать.

Появляется чай. Всѣ усаживаемся на коврѣ, по-турецки, братскимъ кружкомъ.

Тихо дремлетъ внизу садъ, обвѣянный сладкимъ ароматомъ. Бѣлая ночь обняла землю, припала къ ней. ласковая и баюкающая, завораживающая и манящая. Щемитъ что-то въ груди, зоветъ къ тайнѣ, къ радостной тайнѣ бытія. И курится земля благовоніями, преисполненная трепетнаго ожиданія.

И полны этой истомой души собравшихся. Бурлитъ ихъ молодая кровь, и ужъ близкой кажется имъ заповѣдная чаша. И неудержимо тянетъ прикоснуться къ ней, припасть пересохшими губами, и пить, пить изъ нея, утоляя вѣковѣчную безмѣрную жажду.

Весна въ природѣ, — весна и въ ихъ работѣ. Огромный юный пылъ, — и неумѣнье, незнаніе дѣла. Всей душой рвутся они къ новой жизни, къ новому счастью, — но неясны еще ихъ порывы, безформенны цѣли впереди, ихъ взоры притягиваетъ еще не ясно прозрѣвають они будущее.

Скоро все это перемѣнится. Жизнь дастъ суровый урокъ. Исчезнетъ заоблачность, расплывчатость, свойственная юнымъ мечтаніямъ. Все меньше удѣляя вниманія старому, пойдутъ они впереди, закаляясь въ борьбѣ, ступенька за ступенькой прокладывая дорогу къ будущему.

ГЛАВА XVI.

Вчера и сегодня.

— Въ «Котлинѣ» публикація объявилась, чтобы не медля по всѣмъ экипажамъ были проданы всѣ легковыя лошади, коляски, сани, сбруя, кучерская одежда... Все это

на ворованныя казенныя деньги закупалось, чтобы мадамъ офицерскимъ выѣзжать было въ чемъ. А нонче—нѣтъ ужъ, братъ, шабашъ! Кончено дѣло—каюкы!

Это, какъ водится, Сорокинъ ораторствуетъ. У насъ на квартирѣ случайно скопилось сегодня много народу. У всѣхъ приподнятое настроеніе. Въ газетахъ нынче—отвѣтная декларация правительства на требованія Думы. По слухамъ, представляя въ Думу этотъ отвѣтъ, правительство серьезно боялось революціоннаго взрыва и заготовило полныя дворы полиціи и войскъ.

Дмитрій читаетъ вслухъ правительственную декларацию. На каждомъ шагу его прерываютъ восклицаніями, замѣчаніями, комментаріями.

— Начало права и справедливости въ арміи и флотѣ...—вычитываетъ Дмитрій:—...неприкосновенность личности...

— Ого! Личности! Какъ смажутъ, бывало, по личности, такая вамъ карточка пропечатанная получится, — мое почтеніе!

— И каша вмѣсто зубовъ!

— А нашъ-то Кисель - Загорянской!—хохочутъ матросы:—Начнетъ ругаться, наказаніемъ грозитъ. Матросъ взмолился: «За что, Ваше Превосходительство! не виноватъ я совсѣмъ!»—«А, оселъ съ копытами,—разговаривать! Въ карцеръ! На десять сутокъ въ карцеръ!»—«Да за что же?»—«На двадцать! на двадцать!»—«Ваше Превосходительство!»... «На тридцать, оселъ съ копытами! Понялъ, болванъ? Понялъ?» Больше онъ не можетъ себя соблюдать, словно песь цѣпной срывается, и ну дубасить матроса по чемъ ни попало, а самъ выкликаетъ: Одна моя бѣда—не могу я тебѣ большаго наказанія положить, пойми ты это, скотина стоеросовая! Власти у меня не хватаетъ! Вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ!

— А адмиралъ Рождественскій звѣзданетъ, бывало, по башкѣ, ровно молоткомъ ударить! Гулъ въ головѣ, словно отъ колокола съ Ивана Великаго. Дня три потомъ человѣкъ никакъ съ мыслями не можетъ собраться. Сколько людей онъ искалѣчилъ!

— Тяжелая у него рука! Да-а!

— Драконъ естественный!

И опять и опять, какъ изъ рога изобилія, сыплутся примѣры. Вотъ плевокъ, по приказанію начальства слизанный языкомъ матроса съ палубы. Вотъ на бочкѣ, среди моря, матросъ въ легкой одеждѣ, простаивающій нѣсколько часовъ, въ осенній холодъ, рискуя ежеминутно упасть,—и тогда пиши пропало! Вотъ матросъ, который просился на берегъ, чтобы сходить въ церковь ради дня своего ангела,—и въ отвѣтъ получилъ приказъ—встать на верхній мостикъ и «смотрѣть до тѣхъ поръ, пока ангелъ сверху

не слетитъ». Вотъ вѣстовые, выносящіе урны съ нечистотами и получающіе оплеухи отъ сварливыхъ барынь. Вотъ офицеръ, въ порывѣ бѣшенства пихающій избитаго имъ солдата въ кипящій котелъ со щами, приговаривая: «команда все равно сожретъ тебя вмѣсто бычины!»... А между тѣмъ—«Блюди свято званіе солдата!»—учатъ новобранца.

Дмитрій читаетъ дальше. Каждый реагируетъ на чтеніе по своему.

Вонъ москвичъ Смирновъ, съ пуговкой вмѣсто носа,—болѣе добродушнаго и незатѣйливаго существа я еще, кажется, никогда не видала; стоя у окна, онъ послѣ каждого пункта разводитъ руками и тихо про себя бормочетъ:—Вотъ ты, грѣхъ-то какой! Ну, что тутъ будешь дѣлать? а?—и смотритъ недоумѣнно—вопрошающе своими дѣтскими безбровыми глазами. Вонъ высокій, блѣдный, не то эстонецъ, не то латышъ; молчитъ, насупившись, длинный носъ опустился и кажется еще длиннѣе отъ продолжившей его глубокой складки на лбу. Вонъ бѣлорусъ, худой, флегматичный; онъ выражаетъ свои чувства особымъ манеромъ—какъ-то особенно ловко сплевываетъ на полъ,—между прочимъ и по поводу требованія земли и амнистіи; но устыженный на этомъ пунктѣ сосѣдомъ, смущенно озирается, усиленно шаркаетъ ногами и замираетъ въ подавленной впередъ позѣ. Калмаковъ сидитъ съ низко опущенной головой. Сорокинъ иронически улыбается въ тѣ немногія минуты, когда уста его смыкаютъ молчаніе. Тутъ же два енисейца. Одинъ, Родіоновъ, тихонько объясняетъ что-то товарищу, по прозванію Тиходумъ, который, видимо, съ трудомъ усваиваетъ такое количество премудрости, разомъ влившееся въ его непривычный къ думамъ мозгъ. «Ахъ ты, некошной, некошной!»—воскликаетъ онъ.

— ...Что же касается началъ права и справедливости въ арміи и флотѣ, то правительство заявляетъ, что начала эти въ войскахъ Его Величества съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ...

Нигдѣ никогда не видала я такого дружнаго взрыва негодованія и горестнаго изумленія, граничащаго съ остолбенѣніемъ. Всѣ тянутся къ газетѣ, читаютъ, сами себѣ не вѣря, протираютъ глаза, сталкиваясь головами, и рвутъ другъ отъ друга несчастные листы.

— Пойдите! — перебиваетъ Дмитрій: — еще не все: «Нынѣ же заботы Державнаго вождя вооруженныхъ силъ Имперіи направлены къ улучшенію матеріальнаго быта всѣхъ чиновъ арміи и флота».

— Ситникомъ вздумали ублажить!

— Насъ? Ситникомъ?

— Это насъ-то!

И пуще прежнего поднялись и зашумѣли кругомъ негодующіе голоса.

— Почему надпись на паркѣ: «собакъ не водить, нижнимъ чинамъ входъ воспрещается»? Это по праву? По справедливости?

— Ни внизъ на конку, хотя бы и въ морозы!..

— Ни въ театръ на благородныя мѣста!..

— На что лучше: не стали на Господскую нашего брата пускать!

— Въ Питерѣ вышелъ запретъ на солнечную сторону Невского!

— Это почему?

— Да очень просто: послѣ обѣда жены офицерскія разгуливаютъ, а онѣ терпѣть не могутъ «проклятой матросни».

Проталкивается впередъ флегматичный бѣлоруссъ. Глаза его неузнаваемы.

— А я гаварю: «Гаспадинъ офицеръ! А гаспадинъ офицеръ! сабацѣ бѣгать по солнечной сторонѣ можно? а? вы минѣ тилько гѣто кажице! — почти задыхаясь, возмущается онъ: — А? цо? значитъ, наше положеніе хуже сабацкаго? И теперь же по старому? Да кая жъ вамъ будетъ жалость отъ насъ! Трясца васъ заberi! Кабъ холера васъ...»

Въ самомъ дѣлѣ, недавно я сама на Невскомъ слышала, какъ офицеръ кричалъ на двухъ зазѣвавшихся солдатъ и посылалъ ихъ подъ арестъ. Они заглядѣлись на невиданную роскошь столицы, на бриллианты, — новички, видно: «твоей бы Матрешѣ эдакія ровно сонца подъ ушами болтаются!» — на важныхъ швейцаровъ въ подѣздѣ: «не министры ли?» — на упитанныхъ, фланирующихъ по панели господъ: «много, поди, хлѣбушка жрутъ!» Такъ вотъ за что тогда бѣднягамъ досталось! Не поняли приказа, не повѣрили, что кто-нибудь можетъ солнышко украсть, запретить глядѣть на свѣтъ божій.

— Всякая подлая, продажная тварь можетъ швырять нами, толкать насъ, бить давить, унижать, прорывать барабанныя перепонки, выбивать зубы, калѣчить оскорблять, надругаться надъ нами, плевать намъ въ лицо!

— Нѣтъ, ужъ дожидаться бы только выступленія!

Подсаживаюсь ближе къ кучкѣ матросовъ. Мѣрно и проникновенно рассказываетъ одинъ: — ...Окружили ихъ экипажъ пѣхотными войсками, видимо - невидимо, одно слово — осада. — Сдавайтесь, говорятъ. А тѣ будто заперлись внутри, ни звука. Такъ и стоятъ. И боятся всѣ подсту-

питься къ нимъ. Ладно. Вдругъ адмиралъ Нидермиллеръ... Дернулъ это за дверку, вошелъ въ помѣщеніе. Вошелъ, — и прямо: «Ребята, чѣмъ недовольны? Для вашей же пользы васъ въ Кронштадтъ переводятъ, а вы упираетесь!» Вотъ тутъ и выйди матросъ одинъ, «праведникомъ» его прозвали, Шеломенцевъ Андрей по имени. И сказалъ онъ тутъ слово такое о начальствѣ, объяснилъ всю причину начисто. «По чьей, гытъ, причинѣ наши братья на днѣ чужого моря оказались? Вы насъ все только въ тупыхъ рабовъ старались превратить, вы насъ дѣлаете палачами, душителями свободы, вотъ какая ваша забота о насъ... Ваши погоны кровью залиты, кровью несчастныхъ жертвъ, но эта кровь въ нашемъ сердце, мы свято хранимъ ее, отзовется она»... И пошелъ онъ тутъ, и пошелъ... А матросы стоятъ, и слезы текутъ у нихъ изъ глазъ, а онъ все говоритъ и говоритъ. А адмиралъ слушаетъ. Потомъ ужъ мнѣ сторожъ изъ штаба рассказывалъ: Пришелъ адмиралъ въ помѣщеніе, самъ не свой. Ходитъ по комнатѣ, ходитъ, да вдругъ какъ схватится за волосы: «До чего мы дожили! до чего дожили! Погоны наши залиты кровью! Такъ все въ глазахъ перевернуто! Всю исторію наизнанку вывернуто!»... Ну, ладно. Какъ ушелъ адмиралъ, вошли войска внутрь. Ну, и потѣшились же офицеры сухопутные! Андрея да еще студента переодѣтаго потащили за ноги къ каналу, топить. Одинъ только и спасъ ихъ, когда ужъ черезъ барьеръ хотѣли бросать ихъ: «Для суда, говоритъ, нужно сохранить ихъ! Птицы важныя.» Ну, будто образумились. Отъ канала потащили обратно въ помѣщеніе, опять за ноги. Раздѣли, на каменный полъ въ казармѣ бросили, и давай измываться! И били, и плевали, все больше въ глаза да въ лицо норовили, зубы вонъ, легкія отшибали!

Разсказчикъ немного передохнулъ и закурилъ цыгарку.

— А нонче недѣли двѣ, какъ судъ надъ ними состоялся. Всѣ главнаго свидѣтеля, Нидермиллера, ждали. Какъ скажетъ онъ, такъ и будетъ: смерть, — такъ смерть, каторга — такъ каторга. Всталъ съ мѣста, значитъ, своего, оглядѣлъ всѣхъ, важный такой, старый ужъ. — «А только, говоритъ, ничего плохого, окромѣ хорошаго, не могу я сказать про этого челоуѣка, — самъ на Андрея нашего указываетъ: — Одно, говоритъ, я знаю: кабы больше такихъ людей было у насъ во флотѣ и арміи, сильна бы была Россія, и была бы правда въ ней!»

— Ахнули судьи. Дали Андрею не то годъ, не то полтора дисциплинара.

— Гдѣ онъ сейчасъ?

— Въ Кронштадтскую тюрьму скоро перевезутъ.

— ...А лицо-то чистое, бѣлое, свѣтлый весь, одно слово — праведникъ!...

Что это? Легенда? Но если и такъ, хорошо, что такія легенды существуютъ.

Поджидая ушедшаго въ лагеря Комова, сижу у моря на Косѣ, недалеко отъ форта Константинъ. Какая тишь! Волны мягко ласкаются, гибкія, пѣвучія, хотятъ заморозить, начаровать землю. Подъ музыку волнъ полумысли, полугрезы, опасенія, желанія и воспоминанія тѣсняются въ головѣ, сталкиваются и разлетаются, какъ вспугнутая стая голубей.

Только что я была у минеровъ въ ихъ зимнемъ помѣщеніи, откуда, еще не всѣ перекочевали въ лагерь. Все, что я увидѣла у нихъ, поразило меня: чистое, свѣтлое, просторное помѣщеніе, сытный, вкусный супъ, ѣдятъ съ тарелокъ. Былъ еще ранній для обѣда часъ. Комовъ, чтобы угостить меня, заказалъ свой обѣдъ раньше другихъ. Къ намъ присоединилось нѣсколько его пріятелей, партійныхъ солдатъ. Мы сидѣли за особымъ небольшимъ столомъ, накрытымъ чистой скатертью. Не оглядывались по сторонамъ, спокойно ѣли и меня радушно потчевали. Чувствовалось, что они—хозяева у себя, знаютъ, что никто ихъ не одернетъ, никто не накричитъ. Рассказывали о борьбѣ съ начальствомъ изъ-за пищи, о борьбѣ, окончившейся полной побѣдой. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдуютъ теперь сами солдаты черезъ своихъ же выборныхъ, которыхъ всякій желающій имѣетъ право провѣрять въ любой моментъ. Рассказывали, какъ измѣнились всѣ порядки въ ротѣ за послѣднее время, какое теперь отношеніе къ нимъ со стороны офицеровъ, корректное, а у нѣкоторыхъ прямо заискивающее.

Гордясь ими, я смѣло проходила послѣ обѣда черезъ столовую, въ то время какъ набирались въ нее другіе солдаты къ обѣду. Одни взглядами говорили, что понимаютъ, кто я; другіе только молча вскидывали глазами; третьи, проходя, деликатно сторонились, чтобы дать дорогу. Ни жеста, ни замѣчанія. Все это какъ будто мелочи, но для меня, побывавшей нѣсколько разъ на дворѣ и въ казармахъ у развращенныхъ до мозга костей семеновцевъ, сегодняшнее мое посѣщеніе было чистымъ праздникомъ, отдыхомъ для души. Я видѣла, я ощущала, какъ революція не только просвѣщала умъ, но утончала и облагораживала душу.

Положимъ, минеры въ большинствѣ случаевъ—бывшіе рабочіе, и уже на службу пришли болѣе развитыми сравнительно съ другими пѣхотинцами. Но видимо, и на службѣ они не теряли времени. Спасибо эсдакамъ, поработали они въ этой средѣ.

Солнце зашло. Заря пылаетъ, вся золотая, вся свѣтлая. Розовыми пятнами рдѣетъ море. Легкія облака плывутъ, обгоняя другъ друга, вслѣдъ за ушедшимъ солнцемъ. Горятъ золотомъ глыбы фортовъ. Кажется, вся земля, окутанная нѣгой и убаюкивающей тихой дымкой, излучаетъ и возноситъ ввысь радостные свѣтлые тона. Еще блесымъ виднѣется только что взошедшій мѣсяцъ, но еще немного,—и онъ зарумянится, кинувъ отъ себя широкую свѣтлую полосу.

На берегу красными кружочками уже зажигаются кое-гдѣ ранніе огоньки. Окна домовъ отливаютъ расплывчатымъ золотомъ. Откуда-то слабо доносится перезвонъ коровьихъ колокольчиковъ. Тихо плещутся волны о берегъ.

Шаги... Комовъ съ Сорокинымъ. Вытираютъ потъ со лба, возбужденные, что-то рассказываютъ о какой-то встрѣчѣ съ офицеромъ, о полученномъ замѣчаніи. Но говорятъ весело и добродушно,—видно, что не они побѣжденные. Я не вслушиваюсь, я смотрю на ихъ лица.

Переговорили о дѣлахъ. Пора бы какъ будто и расходиться. Но оба сидятъ,—видно и на нихъ подѣйствовало обаяніе тихаго вечера. Снопомъ мягкихъ лучей прорывается изъ глазъ Комова глубокое наслажденіе, почти торжественность. Только губы сжаты, только не покидающая его никогда складка на лбу все та же. Сидитъ, обхвативъ колѣнки крѣпкимъ обнимающимъ жестомъ, приткнувшись толстымъ подбородкомъ къ сукну шароваръ и глядя снизу вверхъ на него съ зарей и облаками. Сорокинъ крутитъ «собачью ножку», попыхиваетъ ею. Привыкшій къ движенію, онъ все что-то рассказываетъ, поминутно сплевывая.

— Съ «Цесаревича» двадцать четыре винтовки пропало, хватились—двухъ матросовъ нема! Вотъ оно!—припасаютъ заблаговремя. А то еще и другое: 1-го мая на немъ же бунтъ учинили. Дали, вишь ли, имъ, вмѣсто макаронъ, какую-то, прямо сказать, кашу изъ клея. Ну, бунтъ, всѣ борта броненосца въ клею этомъ. И мыть отказываются. Скандаль; броненосецъ макаронный. У насъ смѣются: начальство плохую броню сдѣлало, такъ матросы попробовали, не крѣче ли изъ макаронъ будетъ. Теперь, говорятъ, командиръ судна и старшій офицеръ должны въ отставку подать.

Не поддержанный никѣмъ, Сорокинъ замолкаетъ.

Пыхтитъ папирской. Но черезъ минуту ему ужъ не терпится:

— Еще на этомъ-же «Цесаревичѣ» исторія тоже была. Крамолу, вишь, искали, и 20 человекъ вонъ съ судна неблагонадежные будто. А команда: «Почему такому на-

шихъ товарищевъ отъ насъ забираете? Не желаемъ!» — и сейчасъ къ оружіямъ. Отстояли товарищей! Оставили ихъ.

Вотъ на него не дѣйствуетъ даже такой вечеръ! — думаю я, глядя на Сорокина. Точно загипнотизированный, все объ одномъ и грезить и мечтаетъ, и нѣтъ человѣческихъ силъ сдвинуть его съ его любимого конька.

Знакомо мнѣ такое состояніе. Вредно оно, какъ всякая односторонность, но зато съ нимъ такъ легко! Легко обходишься безъ сна, безъ ѣды, безъ отдыха бѣгаешь, и живешь и думаешь, какъ во весь ходъ пущенная машина. Точно что-то большое и властное вошло въ душу, зажгло въ ней костеръ и запрятало въ самый дальній уголъ всѣ твои слабости и недостатки. И забываешь о своемъ прежнемъ маленькомъ «я» и о такихъ же маленькихъ, слабенькихъ «я» другихъ людей. Только радуешься этому всеобщему устремленію къ свѣту, все выше, къ загорающемуся солнцу...

А Сорокинъ той порой продолжаетъ свое:

— Занятно право... съ литературой вотъ тоже... куда привозятъ-то, знаете?

— Нѣтъ! — улыбаясь не словамъ его, а улыбка, отвѣчаю я.

Онъ наклоняется къ самому моему уху и таинственно шепчетъ.

— Не можетъ быть! Вѣдь это все равно, что въ охранку!

— Оно самое и есть! Это у насъ Русь музыку-то эту обмозговалъ! Ваши эсдэки съ головой, нечего сказать! — обращается онъ къ Комову. — Право, занятно. Съ парохода, бываетъ, тащатъ корзинищу. Шпикъ привяжется. Ну, а какъ увидитъ, «куда» ее вносятъ, сразу отстанетъ, — думаетъ — бумаги правительственныя. А «тамъ» свои люди служатъ. Сейчасъ всю литературу по портфелямъ, — и прямехонько въ казармы: кульеры — никто и вниманья не обращаетъ. Придетъ, скажемъ, къ намъ въ экипажъ такой кульеръ, вызоветъ, къ примѣру, меня, сядемъ къ столику у кровати, будто чай пить, а сами подъ столомъ-то и дѣлимъ ее, матушку. Одного подзовешь, другого, — черезъ полчаса — фьюить! Слово рѣка-рѣченька протекла, ручьями да ручейками. Живехонько! Весело такъ! — даже захлебнулся, даже языкомъ прищелкнулъ онъ.

Комовъ медленно вставляетъ:

— А у начальства — сколько бумагъ однѣхъ за разными номерами испишутъ, а дѣла ни на грошъ! Циркуляры, предписанія, справки, распоряженія, бумаги отвѣтныя...

— На что вотъ иглу взять, — перебиваетъ Сорокинъ: — обыкновенную иглу, тентъ зашить. А и то нужно въ портовую контору прошеніе подать, а тамъ еще справятся, въ одну канцелярію пошлютъ, потомъ въ другую, гдѣ-нибудь

еще бумаги перепутаютъ, или просто подъ сукно положить. Съ мѣсяцъ времени пройдетъ, бумагъ на рубли изведутъ, а иглѣ и цѣна-то вся — пятакъ. И все у нихъ такъ. А у насъ — живымъ духомъ, во всю моченьку! Знай держись!

— Имъ вѣдь не суть дѣла, а только видимость нужна, — замѣчаетъ Комовъ: — съ малымъ борются, а большое проскакиваетъ. Потому мы и революцію можемъ дѣлать, что покой имъ дороже, услѣдить за ними имъ даже лѣнь.

— Въ порту у насъ тоже было. Поймалъ полицейскій рабочаго, — нашелъ у него винтикъ въ карманѣ. Привелъ къ помощнику завѣдующаго. На что ужъ тотъ воръ, а и онъ разсердился: — Когда, говоритъ, винтъ отъ парохода на дняхъ пропалъ, въ тридцать пудовъ, — такъ вы не видали, а маленькій винтикъ увидѣли! Прогналъ полицейскаго, а рабочаго отпустилъ!

Черезъ четверть часа мы съ Комовымъ шагаемъ по дорогѣ. Сорокинъ ушелъ на собраніе вглубь Косы, а Комовъ возвращается въ казармы. Намъ по пути.

Заря погасаетъ. Призрачно прозрачныя сумерки спускаются на землю. Небо подернулось блѣдно-матовыми вечерними красками, нѣжными красками сѣвера. Стало еще тише. Издали глухо доносится лай собакъ. Повѣяло особой вечерней грустью, мягкой, легкой.

— Комовъ, — говорю ему тихо, чтобы не нарушить настроенія: — Комовъ, вы вѣрите въ побѣду?

— Въ побѣду? — изумляется онъ: — а вы... вы развѣ... не вѣрите?

— Не знаю, ничего не знаю. Не могу себѣ представить побѣду, не хватаетъ воображенія. Но поражение тоже кажется невыслышимымъ.

Комовъ съ сожалѣніемъ смотритъ на меня.

— Интеллигенты вы... потому и мудрите съ мыслями разными... — Но говоритъ онъ это такъ бережно, такъ по отечески, что тронулъ меня окончательно.

— Намъ легче, — продолжаетъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Да, вамъ легче, да вы и нужнѣе, революція сдѣлается вами.

— Вѣрьте, безпременно быть по нашему, все перевернется, — заговорилъ онъ, остановившись. Свѣтъ фонаря падаетъ ему прямо на лицо, такое толстое, доброе, славное. «Словно добрый, все знающій, все понимающій папаша» — подумала я. Почему-то папашей онъ мнѣ кажется, а вѣдь навѣрно, мы съ нимъ однолѣтки.

— Намъ виднѣе! — снова зашагалъ онъ по дорогѣ, давая мнѣ пройти впередъ: — На что офицеры... Какое имъ

раньше дѣло было до насъ? А теперь вы посмотрѣли бы: вы-ста да мы-ста! Но не вѣримъ мы имъ, не настоящее это...

Мы уже подходимъ къ ихъ казармамъ, гдѣ какъ разъ играютъ зорю.

— Пора вамъ!—говорю.

— Ничего, не строго теперь!—отмахивается онъ.

Прощаемся. Крѣпко, какъ родные, жмемъ другъ другу руки.

— Вѣдь вы социал-демократъ!—вдругъ вспоминаю я:—какъ хорошо, что мы объединились!

— Да развѣ безъ этого уйдешь куда! Ни съ мѣста!—воскликаетъ онъ уже въ воротахъ.

Бѣлѣтъ дорога. Легли тѣни отъ кустовъ, и сами кусты украсились лунными пятнами. Шепчутся таинственно при малѣйшемъ вѣтеркѣ, протягиваютъ тонкія вѣтки... Бѣлѣтъ дорога... и уходитъ далеко, въ безконечность.

ГЛАВА XVII.

Б а б и й в о п р о с ъ .

У насъ опять тревога. И опять опасаясь обыска, приходится искать ночевки гдѣ-нибудь на сторонѣ.

Подхожу къ зданію флотскихъ экипажей, гдѣ на казенныхъ квартирахъ живутъ семейные сверхсрочные, «шкуры». Осторожно стучусь у одной изъ многихъ дверей, въ общемъ коридорѣ-сѣняхъ. Въ квартирѣ темно. Но вотъ за дверью шаркаютъ туфли. Открываютъ.

— А, это вы?—встрѣчаетъ меня жена фельдфебеля Барабанова, Секлетеевна.

Никогда мнѣ не избавиться отъ тяжелаго чувства; съ которымъ подходишь каждый разъ къ женѣ товарища изъ солдатской среды. Онъ знаетъ, куда и зачѣмъ идетъ. А жена? Сплошь и рядомъ не посвящена въ дѣло, не зажжена высокимъ порывомъ, при которомъ все легко переносится. А вдругъ обрушится на семью несчастіе, такое для нея непонятное, неожиданное? И я отчасти виновница этого—кто знаетъ—б. м. уже близкаго горя? Какъ я могу быть простой и свободной въ обращеніи съ нею? Какъ я могу отвѣчать на ея милую привѣтливость такъ же искренно? Вѣдь это будетъ поцѣлуемъ луды?

Кипитъ, гудитъ самоваръ, поблескивая въ темнотѣ красными уголочками. Тихо мерцаетъ лампадка передъ образомъ. Раскинувшись въ кроваткѣ, спитъ пухленькій золотоголовый мальчикъ. Громко причмокивая, сосетъ

кулачекъ ребенокъ въ люлькѣ. Тихо, спокойно, уютно. Столько любви, ласки, заботы и къ дѣтямъ, и ко мнѣ, и ко всему свѣту.

Загораживая свѣчку рукою, подводитъ меня къ кроваткѣ. Наклоняется къ дѣтской головкѣ любящее материнское лицо, такое покойное и счастливое.

Но вотъ вернулся хозяинъ, а съ нимъ Русь,—этотъ пришелъ взять какіе-то планы или записи хранящіеся здѣсь, какъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Оба сейчасъ только съ собранія въ экипажѣ, бодрые, возбужденные.

Хозяинъ, порывшись, извлекаетъ и суетъ Руси его бумаги. Затѣмъ торопливо идетъ за перегородку. Слышно,—какъ онъ шушукается тамъ съ женой, потомъ фыркаетъ, и наконецъ выходитъ къ намъ въ тѣльной рубашкѣ, съ зеркаломъ въ рукахъ, примазываетъ и приглаживаетъ мокрые волосы, стараясь сдѣлать проборъ ровно, по нитокѣ.

— Вы какъ, ничего? Не взыщете? Чай, понимаете простой народъ? Ничего, что я такъ при васъ?

А самъ усаживается у стола, наливаетъ кипятку изъ самовара, и ну шаркать бритвой по своему гладкому, какъ огурецъ, лицу. Шуритъ умные глаза, языкомъ щеку выпираетъ, строя уморительныя гримасы, искоса стараясь заглянуть въ зеркало. Жена подаетъ брилліантинъ, фикса-туръ. Оглядѣлся въ зеркало,дохнулъ изъ себя воздухъ.

— Важно!... Видите ли,—обращается онъ ко мнѣ,—суббота сегодня, получка у насъ. Ну такъ вотъ... Эге, да тутъ еще малость бы надо!

И опять прильнулъ съ бритвой въ рукахъ къ зеркалу.

— Полно разговаривать!—обрываетъ его жена:—Обрѣжешься еще! Знай свое скорѣе кончай, а я ужъ объясню барышнѣ.—Дѣло-то видите какое,—начинаетъ она:—субботняя получка, ну и пристали къ нему товарищи по службѣ:—Пойдемъ да пойдемъ вспрыснуть.

— Они вѣдь шкуры,—ну, конечно, несознательные, вотъ и выпиваютъ, натурально!—вставляетъ Барабановъ.

— Да вѣдь и мы съ тобою шкуры!—усмѣхается Русь.

Барабановъ кончилъ бритье и снова возится за ширмой.

— Ты, смотри, новые надѣны!—кричитъ ему жена.—Ужъ такой замурызанный ходитъ,—прямо стыдъ—жалуется она мнѣ.—И бриться было не хотѣлъ,—хорошо, еще что я доглядѣла. И такъ уже замѣчаютъ товарищи, совсѣмъ отъ ихъ компаніи отсталъ. Встрѣтишься съ ихъ женами въ лавочкѣ,—вотъ и начнутъ языками чесать! «Твой-то, ужъ съ недобрыми людьми часомъ не спознался ли? Словно таится всего, и выпивать бросилъ, глазъ ни къ кому не кажется»...

И какой ты, право, Петя,—тономъ укора снова обращается она къ мужу:—Нужно же ихъ уважить! А то пристали сегодня къ нему, а онъ.—«Въ баню, говоритъ, собирался»: да къ цырульнику, да то, да се! Я ужъ и то вступилась, «Изъ бани, говорю и сходи!» Тѣ даже удивились: невиданное дѣло, чтобы жена сама мужа на выпивку посылала.

Расфранченный, надушенный, Барабановъ выходитъ, наконецъ, изъ-за перегородки. Лицо его блеститъ, какъ начищенный самоваръ, волосы обильно напояжены, усы отъ фиксауара торчатъ стрѣлками. Но и сквозь весь этотъ мѣщанскій блескъ, которымъ онъ старается окружить себя, пробивается его обычное, одухотворенное, славное выраженіе.

— Я и говорю имъ: «Ну ладно, такъ и быть, вправду что-то давно не выпивалъ. Не ушла пока молодость, дай вспрысну! Живымъ манеромъ, говорю, обмоюсь, да и закачусь къ вамъ въ веселую компанію»... Сколько теперь времени? Ай, какъ ужъ поздно!—спохватывается онъ.

Секлетеевна надѣваетъ на него шапку и съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ любящаго человѣка оглядываетъ его, провожая за порогъ.

— Ужъ не взыщите, матушка барышня,—говоритъ она, возвращаясь:—что огня не зажигаю. Такія у насъ сосѣдки любопытныя, и-и! Страсть! Не приведи Господи! Спятъ—во снѣ видятъ, гдѣ бы что разнюхать да по міру разславить. Ужъ такъ ихъ приходится остерегаться—тономъ заговорщицы шепчетъ она, наклоняясь.

Она уходитъ къ захныкавшему ребенку, и оттуда долго доносится мѣрное поскрипываніе люльки. Мы съ Русью подъ пыхтѣніе самовара чайничаемъ и полушопотомъ ведемъ тихую, задушевную бесѣду.

Онъ такой славный, этотъ Русь. Весь заросъ густой черной щетиной, только носъ да низкій лобъ бѣлѣются. Когда улыбается, глазки прячутся въ щелки и собираютъ вокругъ себя оборочки изъ кожи. Наивный до ребячества; дѣльный до виртуозности во всемъ, за что берется; чистый, непосредственный, трогательный.

Онъ рассказываетъ мнѣ о своей жизни, о службѣ, о горестяхъ, сомнѣніяхъ, надеждахъ. Рассказываетъ долго, проникновенно, видно подошла такая минута, хочется передъ кѣмъ-нибудь излиться.

— . . . Подумаешь только, какъ все переменялось и какъ все въ жизни просвѣтлѣло, стало вольготнѣе, радостнѣе! Словно осіяло тебя, и душу пригрѣло, и выпрямило всего! Ужъ на что я по своимъ заскучавши,—шестой вѣдъ годъ пошелъ, какъ не видался съ ними,—а вотъ вѣдъ, ради революціи остался на «шкуру». Господи! да тѣхъ же нашихъ «шкурь» возьмите. Темный, пакостный, можно ска-

затъ, народъ, а и они къ тому же... У всѣхъ славное новое что-то засвѣтилось впереди, всѣ чего-то словно ожидаютъ. Офицера на что,—и тѣ... Для ради святого дѣла развѣ пожалѣешь чего, хоть жизни, хоть чего другого...

Секлетеевна уже успѣла укачать ребенка, вышла къ намъ, усѣлась, не торопясь, за столъ, налила всѣмъ чаю, положила каждому варенья на блюдечко, пододвинула булки и, погрызывая кусочки сахара крѣпкими, молодыми зубами, прихлебываетъ чай съ блюда, а сама слушаетъ, слушаетъ...

А вотъ жену-то свою вы просвѣщаете?—вдругъ врѣзывается она въ рѣчь Руся.

— Это какъ же? Это къ чему вы... разговоръ такой затѣяли?—насторожился тотъ.

— А къ тому: кроетесь вы отъ нея съ дѣлами своими?—еще настойчивѣе и суровѣе повторяетъ она.

— Какъ же такъ? Коли я членъ гарнизоннаго собранія, долженъ что ли я и бабу свою на собраніе тащить?

— Не про то я. А вотъ вы тутъ про радость жизни, про то, да се толкуете... Э-эхъ! Мозгачи!... Радость-то... да ее нужно всѣмъ нести, а вы отъ перваго вамъ человѣка кроетесь, какъ дурную болѣзнь, прячете. Утайщики, молчальники!

Рванулась зло и ушла въ другую комнату, къ ребенку.

— Вотъ те на!.. Какая азартная!—бормочетъ озадаченный Русь.—Моя-то Матреша тишае, много тишае.. Куда ей!... За что это она меня такъ? Вотъ такъ откачерижила! Ну-ну!... Секлетеевна! Будетъ сердчать! Иди къ намъ! Не хоронимся, разъ ты такая... до дѣла жадная!

Не сразу появилась Секлетеевна. И то не сѣла на стулъ, а въ дверяхъ остановилась.

— Почему вы сердитесь?—спрашиваю ее.

Тихо тлѣетъ забытый костеръ. Но вотъ подулъ вѣтеръ,—зашипѣлъ костеръ, трещитъ, кидаетъ во всѣ стороны искрами, лижетъ огневыми языками, растетъ, раздувается, озаряетъ далеко кругомъ жизнью и свѣтомъ,—вдругъ проявляется вся скрытая сила огненной стихіи.

Такъ и Секлетеевна. Баба, какъ баба: теплая, ласковая,—вотъ, казалось, и вся ея сущность въ этомъ. Принимаетъ меня добродушно, хорошо, запросто. А тутъ вдругъ вспыхнула, загорѣлась. Ребенокъ заплакалъ,—и про него будто не сразу вспомнила...

— Сколько муки мученской перетерпѣла я по милости ума вашего мужчинскаго! Сколько горюшка приняла!.. Вѣрите ли?—повертывается она ко мнѣ.—Жили мы съ мужемъ всегда ладно. Ужъ сколько годиковъ! Онъ, бывало, въ деревню на побывку пріѣдетъ,—не налюбуются всѣ на

насъ, какъ на ясныхъ соколовъ. Блюла себя. Чуть что, сейчасъ къ мужу. И въ Кронштадтъ перебралась, чтобы съ нимъ въ разлукѣ не быть. И вдругъ стала неладное за нимъ замѣчать: съ чѣмъ-то хоронится отъ меня, товарищи новые завелись, пропадать сталъ. Раньше фронтъ фронтъ ходилъ, а тутъ и одежду всю спустилъ. Совсѣмъ чужой сталъ, о чемъ-то задумывается. И ума не приложу, съ чего это. Придетъ поздно, я и виду не показываю, будто сплю. Бросится къ окну, выглядываетъ во всѣ стороны,—а услышитъ стукъ, такъ и вздрогнетъ весь. Что за притча?—думаю. Спросишь—хмурится: «не твоего, говорить, бабьяго ума дѣло». Къ сосѣдямъ за совѣтомъ не пойдешь, а вижу, что своего ума деревенскаго мало. А главное, что пропадать сталъ, ночи двѣ кряду разъ не явился.

— Это, навѣрно, когда артиллерию на смотръ увозили, тогда по ночамъ обсуждения шли!—вставляетъ Русь.

— Тутъ ужъ такое въ голову вступило: измѣнщикъ, думаю. Вся причина, думаю, въ какой разлучницѣ. Сколько слезъ было пролито! Инда къ утру вся подушка мокрая. Ждешь его,—вотъ-вотъ, думаешь, звякнетъ кольцо у воротъ. И начнешь среди ночи шептать: Миленькій! Хоть пьяненькій, да приди! Хоть побей, да приди,—все стерплю! «Да куда тамъ! Добро выпивалъ,—а то вѣдь бросилъ! Прямо, какъ отъ яду какого, воротить его отъ водки... А то среди ночи не сплю, гляжу на него: и онъ, и не онъ. Господи! Вразуми меня! Научи ты меня, наставь уму-разуму!... Вотъ разъ лежитъ онъ со мною рядомъ, да вдругъ какъ крикнетъ со сна: «Вотъ когда поживемъ то мы!»—да какъ жмакнетъ кулаками въ разныя стороны,—чуть успѣла отвернуться, а то бы прямо по лбу. «Вспятилъ, думаю, какъ есть спятилъ! Убьетъ, безпремѣнно убьетъ!» Не знаю, что со своей головушкой дѣлать,—къ доктору ли пойти, по начальству ли заявить.

Русь слушаетъ, видимо, до-нельзя пораженный.

— По начальству! Вотъ дурья голова!—бормочетъ онъ,—да ты въ умѣ ли?

— Я вѣдь не про теперешнее, про старое выговариваю. И не за себя только, а и за всякую бабу обидно. Вотъ и вы... поди што со своей Матрешей такъ же обходитесь? Вѣрно я говорю... Ну, за что вы насъ умучиваете?

— Какъ же вы съ мужемъ-то поладили? Какъ все объяснилось у васъ?—спрашиваю я.

— Корзинкинъ помогъ. Слыхали, можетъ?

— Какъ же, какъ же!—прерываетъ Русь.—Знаете, что изъ Баку сюда за неблагонадежность присланы? Такъ онъ изъ тѣхъ.

— Не вамъ чета, умникамъ!—какъ весенній громъ громыхнула Секлетеевна, будто сердито и ворчиливо, а на самомъ дѣлѣ добродушно, почти весело.

— Да, онъ у насъ, что говорить, первый сортъ. Что твоя машина—полнымъ ходомъ дѣйствуетъ!—вторитъ ей Русь, пропуская мимо ушей брошенную ему шпильку:—и на извороты разные хитеръ. Разбрасаютъ по казармѣ прокламацію,—сейчасъ его за бока, ему и званіе «политикъ»:—«Никто, какъ ты! революціонеръ!»—кричатъ на него. А онъ простецомъ прикинется: «Дозвольте, говорить, Ваше Благородіе, разъясненія испросить, что это самое слово собой обозначаетъ: ралювацинеръ? Да такъ слово наизнанку перевернетъ, что мы ажъ отъ смѣха задохнемся!

— Головастый!—смѣется и Секлетеевна.—Мужъ тоже рассказывалъ. Книжки нашли въ экипажѣ что ли. Призываютъ его:—Это ты книжки въ экипажѣ заносишь съ воли?—Какія книжки? Печатныя?—Да, печатныя?—Задумался. Тѣ ждутъ, вотъ разъяснить имъ, гдѣ бралъ.—А гдѣ онъ?—спрашиваетъ, и сурьезно такъ. Тѣ совсѣмъ обрадовались:—Да вонъ, на столѣ лежатъ!—Вотъ эвти самыя?—Ну, да!—А можно полюбопытствовать? на досугъ такъ?—Зачѣмъ это?—А прочитатъ, что такое въ нихъ объясняется. Очень даже интересно это. Разозлились,—выгнали его.

Оба весело хохочутъ.

— Ну, какую же пользу оказалъ вамъ этотъ удивительный Корзинкинъ?

— А очень просто. Приходилъ онъ къ намъ. Иной разъ мужа нѣтъ,—сидитъ, ждетъ. А слова-то у него въ горлѣ не прячутся, какъ у нашихъ умниковъ, а на кончикѣ языка скачутъ. Вотъ и сталъ онъ мнѣ все больше объяснять. Тутъ-то я и поняла! Какъ опознала, что мужъ мнѣ въ вѣрности... что тутъ было-то!... И говорю я Петѣ: «Что ты скрываться отъ меня вздумалъ, дурашливый ты! Я вѣдь все знаю, на что вы идете!» И рассказала ему все, что сама понимала. А онъ смотритъ, смотритъ,—да вдругъ какъ бросится на меня, да давай обнимать! «Милая, говорить моя женушка!»—Глупый ты, говорю,—хоть и мужчина! Ну-ка, пришли бы съ обыскомъ! Сколько недоброго, можетъ, наговорила бы по глупости!—А онъ знай свое:—Милая да милая! Прильнулъ,—не оторвешь! Словно сейчасъ изъ-подъ вѣнца!... Съ той поры и радость ко мнѣ вернулась. «Петя, не спишь?—спрашиваю, бываетъ, ночью тихонько:—Давай поговоримъ!» И начнемъ это вдвоемъ разныя мечтанія разводить! И до чего же это, родимые, хорошо-то!

— Всѣ молчимъ. Задумались.

— Д-да-а!—вдругъ, крикнувъ, встаетъ Русь и прощается.

— Что?—спрашиваю я его:—Видно, Секлетеевна теперь вамъ услужила, какъ ей Корзинкинъ? Надоумила какъ вамъ съ вашей Матрешей быть?

— Оно такое дѣло!—скребетъ онъ въ головѣ, видимо сильно затронутый, но еще не рѣшившій труднаго вопроса.

Поздно вечеромъ—хозяинъ еще не вернулся, а мы съ Секлетеевной уже спать было улеглись—раздается сильный стукъ въ дверь. Секлетеевна быстро вскакиваетъ, выхватываетъ изъ-за образовъ пачку бумагъ, суетъ ихъ мнѣ, подводитъ къ печкѣ, подвигаетъ керосинъ и спички.

— Пойду спрашивать. Коли махну рукой, жгите скорѣе!

Черезъ минуту снова подбѣгаетъ и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Чужой голосъ... мужа спрашиваетъ... голосъ будто боязливый...

А вслухъ продолжаетъ:

— На что Барабановъ ночью понадобился?

— Очень нужно, впустите!—послышалось глухо и просительно изъ-за двери.

— Такъ полиція не входитъ. Какъ будто свой!

Отперла. Входятъ два матроса.

— Дома?

— Нѣтъ. Зачѣмъ онъ?

— Да нужно... Дозвольте обождать... Очень требуется.

Мнѣ изъ-за перегородки слышно, какъ они переминуются въ нерѣшительности.

— Да вы не таитесь!—ласково, немного ворчливо уговариваетъ ихъ Секлетеевна.—Можетъ, подсобить въ чемъ надо?

Что-то наконецъ говорятъ ей почти шопотомъ. О чемъ-то шушукуются съ ней.

— Такъ и есть! Изъ нашего экипажа изъ-подъ ареста убѣгли! Сей секундъ скрылись! Сейчасъ ихъ хватаются!—шепчетъ мнѣ Секлетеевна, забѣжавъ на минутку.

Набрасываетъ на себя шаль, выхватываетъ изъ люльки ребенка.

— Знаю, гдѣ для такихъ случаевъ одежда вольная припрятана—я за ней мигомъ слетаю!

— А ребенокъ зачѣмъ?

— Закричитъ еще... сосѣдка, чего добраго, приблизитъ. Такъ вѣрнѣе, съ собой я дите... А вы тихонько сидите! Нишкните!

— Мигомъ разстараюсь, соколики!—кидаетъ она матросамъ, выходя въ коридоръ и снаружи запирая за собой дверь на ключъ.

Тѣ все еще жмутся и мнутъ.

— Да будетъ вамъ, товарищи!—говорю я имъ, выходя изъ засады:—Не видите что ли? Къ своимъ попали!

— Такъ и вы товарищ?—несказанно обрадовались тѣ.—А то намъ сказали только про «шкуру», про Барабанова, чтобъ ему довѣриться... Про женщинъ-то ничего не наказывали, вотъ и сумлѣваемся...

Разсказываютъ, какъ были артельщиками на суднѣ и отказались принять гнилое мясо, какъ завѣдующій хозяйствомъ офицеръ надавалъ имъ пощечинъ, какъ они, внѣ себя бросились на него, чуть совсѣмъ не убили, и угодили подъ военный судъ. Разсказываютъ, а сами прислушиваются ко всякому шороху, подбѣгаютъ къ окну. Полчаса отсутствія Секлетеевны, навѣрно, показались имъ за цѣлую вѣчность...

Наконецъ щелкаетъ ключъ, и сама она, съ огромнымъ узломъ въ одной рукѣ, съ ребенкомъ въ другой, вваливается въ комнату, запыхавшаяся, выбившаяся изъ силъ.

— Ну, ребята, поскорѣе! И вамъ да и намъ пропадать не резонъ!

Солдаты пыхтятъ, возятся за перегородкой. Новое горе: для одного сапогъ не оказалось, для другого шапки. Но Секлетеевна уже шуршитъ по шкафамъ и по комодамъ, выдвигаетъ изъ-подъ кровати какія-то коробки, отъ которыхъ разитъ нафталиномъ, и только приговариваетъ: «Были! Знаю, что были гдѣ-то у мужа завалящие!»

Выискала-таки.

— Подождите... по коридору пройду. Коли махну рукой, прямо къ выходу идите да на цыпочкахъ!... А по улицѣ пойдете,—голову выше, и не больно торопо... Ну, съ Богомъ, со Христомъ... Да на пароходъ-то порознь входите, и промежъ себя не разговаривайте... будто другъ друга незнамые!

Вернулась изъ коридора, высунулась въ окно.

— Только ихъ и видѣли, голубчиковъ! Только пятки сверкаютъ!—затряслась она отъ дробнаго нервнаго смѣха, повернувъ ко мнѣ свое красивое, возбужденное лицо.

И уже снова заметалась: разъ, два, три! Ужъ пылаетъ печка, ужъ горятъ въ ней всѣ матросскіе доспѣхи, и рубахи, и штаны. Притащила ножъ, сапоги пополамъ, скоблитъ голенища, сажетъ да углемъ фамиліи владѣльцевъ замазываетъ. Выскользнула за дверь, утащила ихъ куда-то на дворъ.

Наконецъ, вотъ и пароходный свистокъ. Уѣхали! А тревоги еще и не было! Ура!

Вернулась Секлетеевна, такая важная, даже торжественная. Подходить къ образу Владычицы, крестится, крѣпко прижимая пальцы ко лбу, плечамъ и груди. Вдругъ снова стукъ.

— Ты сестреница моя! Изъ деревни говорите, что пріѣхала! Ложитесь!—путая ты и вы, шепчетъ она мимоходомъ, идя къ двери.

Выглядываю изъ-подъ одѣяла. Съ оханьями и причитаніями вбѣгаетъ сосѣдка.

— Неужто не слыхали? Убѣгли вѣдь!

— Кто?

— Да матросы-то!

— Какіе матросы? Чтой-то, сосѣдушка, не попритчилось ли?

— Провалиться на этомъ мѣстѣ, коли вру! Въ два голоса обѣ ахаютъ, и причитаютъ.

— Мой-то въ погоню назначенъ. Прибѣжалъ изъ канцеляріи, одѣлся, и со двора. А я вотъ сюда...

Неужели мы рано зарадовались? Да нѣтъ! До Лисьяго Носа всего полчаса ѣзды. Да, наконецъ, тамъ и телефона нѣтъ, задержать невозможно. Спасены, несомнѣнно спасены!

Не проходить и получаса,—снова та же сосѣдка.

— Вернулся мой съ пристани,—никакіе тамъ матросы не пріѣзживали. Наказаль, какъ появятся два матроса, хватать ихъ. А сами по городу бросились искать, по бульварамъ да оврагамъ.

Потомъ ужъ Секлетеевна рассказывала мнѣ, что всю ночь въ экипажѣ шла возня. Хлопанье дверей, топотъ ногъ по лѣстницѣ, громкіе, сердитые голоса и женскія оханья. Но я ничего не слышала, и подъ такой аккомпаниментъ спала непробуднымъ, каменнымъ сномъ.

Просыпаюсь. Въ томъ закуточкѣ, гдѣ я спала, ставни еще закрыты. Почти темно. Въ душѣ тихій перезвонъ колоколовъ. Мягко переливается радость, грезы еще окружили свѣтлыми видѣніями и томятъ душу радостнымъ трепетомъ.

Вдругъ топотъ дѣтскихъ босыхъ ножекъ:

— Тетенька! Мамка вставать велитъ!

Точно серебряный колокольчикъ, звенитъ-звенитъ ребячій лепетъ, радостнымъ аккордомъ врываясь въ золотой сонъ. Теряютъ меня теплыя ручки, любопытно разглядываютъ веселые, только что раскрывающіеся на жизнь

Крѣпко, крѣпко жму хозяевамъ руки на прощаніе. Цѣлую золотую головку. Никогда не забыть мнѣ этого вечера и этой ночи.

ГЛАВА XVIII.

Тревога за тревогой.

Мы уже совсѣмъ размечтались было о прочной дружбѣ съ социал-демократами. Уже подумывали о сліянніи съ ихъ рабочей организаціей, въ виду возможности совмѣстнаго выступленія въ недалекомъ будущемъ. Строили десятки плановъ...

И вдругъ намъ сообщаютъ однажды утромъ, что они всѣ переарестованы! Мы забили тревогу. Но потомъ оказалось, что гроза разразилась только надъ нашими союзниками. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Маркъ, успѣли скрыться, остальные взяты. Остался лишь одинъ, по кличкѣ Арсеній. Уцѣлѣла и ихъ главная квартира, гдѣ они принимали по всѣмъ дѣламъ.

Эти аресты явились грознымъ предзнаменованіемъ и для насъ. Мы стали зорко слѣдить за собою. Обсудивъ дѣло, рѣшаемъ, что необходимо совершенно отгородиться и отъ эсдэковской квартиры и отъ Арсенія. Возможно, что полиція не тронула ихъ нарочно, чтобы по нимъ выслѣдить и другихъ. Къ тому же Арсеній былъ намъ уже и раньше не симпатиченъ, да и осторожнымъ его нельзя считать. Мы знаемъ, на примѣръ, что у него однажды случайно натолкнулись на полный списокъ всѣхъ представителей военныхъ частей, и эсдэковскихъ и нашихъ, съ именами, фамиліями, партійными кличками и т. д. Благо случившійся тутъ Комовъ сейчасъ же забралъ этотъ списокъ и уничтожилъ, а Арсенію за такую неосторожность его товарищи задали хорошую головомойку.

И все-таки, несмотря на всѣ принятые мѣры предосторожности, намъ кажется, что мы висимъ на волоскѣ. Тяжело на душѣ. Хочется не то кого-то проклинать, не то кому-то жаловаться, не то молиться. Но смотришь вокругъ, на другихъ,—и становится стыдно своей слабости. Всѣ серьезные, сосредоточены, суровы,—но и только. У Никиты между бровей залегла глубокая складка. Дмитрій по прежнему старается шутками разгладить морщины на нашихъ лицахъ. Калмаковъ сталъ еще молчаливѣе,—и только разъ вымолвилъ: Насъ возьмутъ—другіе встанутъ, а все же своего добьемся! Сорокинъ,—этотъ еще проще ко всему относится съ него все, какъ съ гуся вода! Про-

велъ ладонью по стриженной нескладной головѣ,—да только и молвилъ: «Дѣйствовать! Впередъ наступать! Ага! Засуетились! Стало быть,—вали гуще!»

Я выхожу изъ дому, оглядѣвшись, не слѣдятъ ли за квартирой. Какъ будто ничего подозрительнаго незамѣтно. Побывала кое-гдѣ,—все благополучно. Вдругъ слышу—какъ будто меня окликають. Оглядываюсь,—какая-то фигура чуть не бѣгомъ катитъ на меня, и руками мнѣ машетъ, и кричитъ что-то, а полы пальто такъ и развѣваются по воздуху. Это еще что за росомаха такая! Подходить ближе,—ба! Да это Арсеній!

Итакъ, напрасно мы его избѣгали, напрасно такъ тщательно скрывали отъ него свои адреса! Вотъ онъ! А слѣдомъ за нимъ, быть-можетъ, цѣлая свора полицейскихъ ищеекъ...

— Зачѣмъ вы кричите?—рѣзко обрываю я его:—Зачѣмъ подходите на улицѣ? Что за непозволительная неосторожность! Да пустите же, уходите, я не хочу...

А онъ не внимаетъ, вцѣпилъ въ мою руку, трясетъ ее и, запыхавшись, бормочетъ:

— Ага, попались наконецъ!... А я-то вездѣ искалъ вашихъ, никакъ найти не могъ... Неосторожность? Сами виноваты! Почему адресовъ не даете? Вотъ и приходится останавливать на улицѣ... Вы далеко живете? Можеть-быть къ вамъ зайти, чтобы не на улицѣ? Повидаться надо, столько дѣлъ... Хотя бы вотъ: наши, уѣзжая, сколько у васъ заняли? Могу хоть сейчасъ же вернуть...

У меня на душѣ шевелятся самыя худшія подозрѣнія. Лицо у него бѣлобрысое, растяпистое, глаза водянистые, какіе-то раскосые, бѣгающіе, взглядъ—то боязливый, то скрытно радостный. Весь его неуверенный и вмѣстѣ съ тѣмъ развязно ратрепанный видъ, громкая, обращающая на себя вниманіе рѣчь, смѣющийся на солнцѣ цѣлый вѣеръ разноцвѣтныхъ ассигнацій,—ужъ не вздумалъ ли прельстить насъ деньгами?—все это рядомъ съ моимъ костюмомъ, съ моимъ выѣзжающимъ изъ башмака пальцемъ,—ансамбль хоть куда!

Съ трудомъ отдѣлываюсь отъ него. Тревога въ душѣ растетъ. Стоило одному винтику повернуться не въ ту сторону,—все такъ и идетъ вкривъ да вкосъ. Слово раскрылась гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ организма, опасная ранка,—и вотъ ждешь съ часу на часъ рокового внутренняго кровоизліянія.

Недаромъ сжималось мое сердце-вѣщунъ, когда меня поймалъ на улицѣ Арсеній. Все больше и большѣ подозрѣній скопляется противъ него. А онъ той порою не будь плохъ,—улетучивается,—неизвѣстно куда.

Черезъ нѣсколько дней получаемъ изъ охраны добытую какими-то судьбами копию списка, того самаго списка, который Арсеній неосторожно держалъ у себя на столѣ, и который у него нашли и уничтожили. Видимо, Арсеній потомъ возстановилъ его по памяти.

Каждый набрасывается на списокъ и, найдя тамъ свою фамилію, отходитъ возбужденный, словно даже радостный. Всѣ какіе-то вздернутые, подстегнутые. Мы танцуемъ на вулканѣ. Но какъ же быть? Не бросать же работу? Не прекращать же всего?

А тутъ въ довершеніе всего доходятъ возбуждающія вѣсточки отъ ушедшихъ судовъ. Готовится къ плаванію и артиллерійскій отрядъ. Матросы, какъ всегда передъ отправкою, волнуются. Опять прежнее напряженіе и тревога, опять борьба болѣе благоразумныхъ съ экспансивными. Наша работа становится все лихорадочнѣе и лихорадочнѣе.

— Все равно пропадать! Такъ ужъ по крайности напоследки нарабotaемся вволю!—говорятъ одни.

— Вотъ горе!—жалуются другіе:—Всего только съ мѣсяцъ прожили новой жизнью. Эхма! Мало! И о чемъ раньше думали?

Сорокинъ не унываетъ:

— Знаете, что у насъ Калмаковъ-то придумалъ!—разсказываетъ онъ.—На ночь сталъ насъ къ себѣ въ канцелярію пускать! Туда ужъ никто не придетъ, если и хватятся насъ арестовывать.

— На чемъ же вы тамъ спите?

— Да мы развѣ спимъ!—обижается Сорокинъ.—Мы планы составляемъ... обсуждаемъ. Калмаковъ говоритъ:—«Теперь насъ въ скорости заберутъ, другимъ нужно все въ порядкѣ оставить, и планъ скорѣе кончать». Ну, и другое все обтолковываемъ... А только я полагаю, что не заберутъ насъ!

— Что? Кого не заберутъ?

— Да насъ, тѣхъ, что въ списокъ попали.

— Не заберутъ? Имѣя списокъ въ рукавъ, не заберутъ?

— И списокъ имѣють,—и не заберутъ. Вотъ увидите! Опасно это имѣ.

Очевидный вздоръ несетъ, но тонъ увѣренный,—и помимо воли подчиняешься ему.

— Сидимъ это мы,—съ увлеченіемъ разсказываетъ Сорокинъ:—въ канцеляріи, среди ночи, за столомъ. Столъ

краснымъ сукномъ накрыть, кисти золотыя болтаются, все честь-честью. И сидимъ мы на судейскихъ мѣстахъ. А по стѣнамъ-то шкафы, а въ нихъ дѣла судейскія, протоколы тамъ всякіе да акты обвинительные. Тутъ, можетъ, который за служебную повинность судился, а теперь самъ засѣдаетъ на мѣстѣ предсѣдателя и сужденіе имѣетъ, что съ офицерами во время возстанія учинять!

Вваливается въ комнату Недотрогинъ, встревоженный.

— Меня какой-то человѣкъ на лѣстницѣ остановилъ. Куда, говорить? — «Къ Сидоровой, отвѣчаю, къ женщинѣ одной». — А въ который, говорить, номеръ? — Сказалъ вашъ, двадцатый.

— А какой онъ изъ себя, этотъ человѣкъ?

— Невысокій, въ коричневой шляпѣ, усики махонькіе.

— Я утромъ у насъ такого на дворѣ видѣла, съ дворникомъ разговаривалъ, — замѣчаетъ Настя.

Всѣ встревожены. Черезъ минуту приходитъ Смирновъ. Мы къ нему:

— Человѣка видѣли на лѣстницѣ?

— Да, а что?

— Какъ «что»? Какой изъ себя?

— А, этотъ, съ которымъ я разговаривалъ? — и, видя наше недоумѣніе, поясняетъ: — Онъ меня спрашивалъ, куда я иду.

— Ну, ну?

— Я сказалъ, что въ 20-й. А въ чемъ дѣло?

— А что онъ еще спрашивалъ?

— Да онъ много что-то говорилъ: къ кому, говорить? — Ну, говорю, къ кому? Къ дружку своему, къ Трофимову.

Ну конспираторы! Указываютъ прямехонько нашу квартиру да еще придумываютъ разныя чужія имена! Чѣмъ еще легче навлечь подозрѣнія? Вѣдь это значитъ прямо сказать, что тутъ живутъ молодцы, которыхъ прозываютъ «лѣтомъ Филаретомъ, а зимой Кузьмой!»

Всѣхъ моментально выпроваживаемъ во-свояси.

Черезъ два-три дня — новая тревога. У насъ сидитъ пріѣзжій, военный работникъ изъ Петергофа. Разсказываетъ, какъ растетъ и ширится работа среди солдатъ царской охраны, среди гусаръ, которые послѣ Питерскаго собранія бредятъ Кронштадтомъ и обязательно просятъ позволенія пріѣхать къ намъ въ гости. Вдругъ стукъ въ дверь. Отворяю — дворникъ.

— Здорово, молодушки! — начинаетъ онъ будто въ обычномъ своемъ тонѣ, — страшно чутко вслушиваюсь въ интонацію его голоса. Шагаетъ, какъ всегда, по направленію къ комнатѣ, но, завидѣвъ тамъ, рядомъ съ Настей, нашего гостя, останавливается, словно искрой пронизанный. Вижу, какъ передергивается его лицо. Сердце у меня начинаетъ колотиться быстро-быстро, кровь приливаетъ къ щекамъ. Онъ взглядываетъ на меня. На лбу злая морщина.

— А я вотъ на счетъ документиковъ! — неестественно громкимъ и непривычно грубымъ голосомъ заявляетъ онъ. — Мужъ-атъ, ѣдетъ что ли вашъ?

— Я же вамъ сказывала, родитель его при смерти. Кто, кромѣ Бога, можетъ знать, когда онъ его приберетъ? — неувѣреннымъ голосомъ, тихо говорю я.

— Та-акъ-съ. Сыхали мы это. А фатеркѣ какъ же, безъ прописки что ли оставаться по причинѣ вашего родителя?

— Да хоть сейчасъ на меня пишите, коли не хотите ждать, ваше дѣло.

— На васъ, значить?

— Какъ ваша воля будетъ. Хотите — мужа ждите, хотите — на меня пишите.

Помолчалъ.

— Ну, а мужъ-атъ, когда пріѣдетъ, онъ, стало-быть, какъ будетъ?

— Что жъ мужъ? Мужъ, стало-быть, будетъ при женѣ, все въ исправности! — неуклюже, все еще не поборовъ смущенія, шучу я.

— У людей жена при мужѣ, а у васъ, видно, наобороту, не по-людски!

Взглядываетъ на меня неприкрыто враждебнымъ взглядомъ, окидываетъ изподлобья комнату съ Настей и прісмирѣвшимъ гостемъ и, не прощаясь, уходитъ, дернувъ дверь.

На слѣдующій день Настя, вернувшись съ базара, жалуется, что дворникъ на нее накричалъ: «Зачѣмъ, говорить, къ вамъ толпами солдаты и матросы ходятъ?» Настя приняла видъ оскорбленной невинности и тоже накричала на него.

Необходимо что-то предпринять. Но что? Собственно говоря, выходъ одинъ: уѣхать съ квартиры и перемѣнить паспорта. Но какъ переѣхать, не приведя за собою шпиговъ? Бросить всѣ вещи и обзаводиться всѣмъ заново? И это при нашемъ безденежьи? Да и какъ знать, насколько велика опасность? И съ какой стороны она намъ угрожаетъ?

Съ энергіей отчаянія рѣшаю перейти въ наступленіе: пойти объясниться съ дворникомъ.

— Что это вы сестру мою передъ всѣмъ дворомъ порочите?—наступаю я на него, не давая ему опомниться:— Думаете, беззащитная дѣвушка, такъ и можно? Ужо, прѣдетъ мужъ, онъ вамъ покажетъ, онъ найдетъ на всѣхъ управу!

Напряженные нервы толкаютъ меня говорить дальше и дальше, голосъ дрожитъ отъ возмущенія, непритворныя слезы въ немъ.

— У самихъ порядку ни какого! Какъ праздникъ, такъ и начинается шлянданье: все приходятъ, какую-то Сидорову спрашиваютъ, а то еще Трофимова. Проживали что ли тутъ такіе? Отбою нѣтъ, хоть двери не открывай!

Дворникъ, прижатый къ стѣнѣ, стоитъ, заложивъ руки подъ фартукъ, смущенный, робкій, на Настю жалобно поглядываетъ.

— Что взѣдается-то, молодухи? Чего лаетесь зря?—Такъ странно слышать, вмѣсто ожидавшихся грубостей, его тихій, покорный голосъ послѣ моей крикливой, негодующей шумихи:— Да мнѣ-то что? Ахъ ты, прости Господи! Да по мнѣ хоть весь полкъ соберите! Право! Лишь бы скандаловъ не было. Жильцы вотъ жалобятся... А я... да ни въ жисть...

Приходятъ наши мушины. Никита былъ въ полицію и слышалъ тамъ, какъ приставъ наставлялъ нашего дворника.

— Ты слѣди за ними хорошенько, про мужа все выведдай. Безпрѣмѣнно онѣ должны быть особы по... Тебѣ чего?—вскинулся онъ, замѣтивъ Никиту. Такъ тому и не пришлось дослушать конца фразы.

И вотъ мы сидимъ, унылые и измученные, выясняемъ свое положеніе и ломаемъ голову надъ таинственнымъ слогомъ «по».

Конечно, насъ считаютъ политическими. Ясно. И шпики на лѣстницѣ и слѣжка со стороны дворника. Какія же могутъ быть еще сомнѣнія!

— Подождите! Больно вы скорая на заключенія!—вѣско и степенно возражаетъ Никита.—Тутъ въ Кронштадтѣ есть и другіе сыщики—проститутокъ выслѣживаютъ. Дома терпимости вѣдь закрыты. Ищутъ тайныхъ проститутокъ. Одинъ городъ на это 30.000 рублей расходуетъ.

Проститутокъ ищутъ!.. Слова Никиты вдругъ, какъ яркій снопъ свѣта, освѣщаютъ намъ много такого, что раньше проскальзывало мимо вниманія или казалось случайнымъ. Мнѣ вспоминается, какъ измѣнился въ лицѣ дворникъ, увидѣвъ Настю съ нашимъ гостемъ...

— За мной приказчикъ изъ трактира сталъ вдругъ ухаживать!—замѣчаетъ со своего всегдашняго мѣста на постели Настя.

А развѣ не было за послѣдніе дни и у меня разныхъ сценокъ! Мало ихъ замѣчала за сутолокою и тревоженіями, а теперь онѣ всплываютъ одна за другой, оживая и расцвѣчиваясь и яркими образами впиваясь въ мозгъ...

...Я у сапожника на нашемъ дворѣ. Сколько я ни мучилась съ разорвавшимся башмакомъ, какъ ни чинила его, но свободолюбивый палецъ, преодолевая всѣ преграды, упорно выбивался на свѣтъ божій. Истопились наконецъ мое терпѣніе и моя изобрѣтательность, и я рѣшилась на крайнее въ моемъ положеніи средство: пойти къ сапожнику. Это значило, что на нѣсколько часовъ, а то и на цѣлыхъ полдня, я лишена буду свободы передвиженія.

— Заплаточку вотъ тутъ положить бы. Сколько это будетъ стоить? Да пожалуйста какъ бы поскорѣе. Можно часа черезъ два?

— Сколько же съ тебя взять-то?—цѣдитъ сапожникъ, оглядывая снятый башмакъ. И вдругъ, бросивъ его на скамейку, рѣшительно отрубаетъ:

— Два рубля! Меньше нельзя!

— Два рубля!—пачусь я въ ужасѣ:—Да что ты, въ умѣ ли? Новые три стоили. А мнѣ только здѣсь, всего только этакую заплаточку! Съ баръ бы запрашивалъ, а то съ своего брата вздумалъ! Да есть ли крестъ на тебѣ?

— Что за дорого? Даже нисколько. Даже въ самый разъ!—говоритъ онъ съ удареніемъ.

— Да гдѣ же и денежкамъ водиться, какъ не у васъ!—не утерпѣвъ, вставляетъ его худая жена. Кормить ребенка въ люлькѣ, а сама поглядываетъ на меня изподлобья, злыми, завистливыми глазами.—Чай, легко достаются!.

Или вотъ еще сценка.

Я въ мелочной лавочкѣ, что напротивъ. Нашъ дворникъ, какъ-то особенно ухмыляясь, съ подчеркнутой фамильярностью протягиваетъ мнѣ руку, и, вижу, кому-то показываетъ на меня глазами. Оглядываюсь,—и ловлю на себѣ животный, похотливый взглядъ маленькаго жирнаго чело-вѣка съ заплывшими кошачьими глазами. Лавочница потомъ объяснила, что это былъ нашъ хозяинъ.

И вотъ теперь, при мысли, что этотъ чело-вѣкъ живетъ тутъ гдѣ-то совсѣмъ близко-близко отъ насъ, считаетъ насъ «гулящими» и, можетъ быть, прикидываетъ въ умѣ, какъ бы воспользоваться случаемъ, — меня охватываетъ х олодный ужасъ, мнѣ начинаетъ казаться, что комната наполняется скользкими холодными гадами... Все ближе и ближе они... Уже охватываютъ меня и, какъ спрутъ, крѣпко держать въ своихъ объятіяхъ. Все внутри у меня кричитъ отъ ужаса, съ бѣшенною силой я стараюсь вырваться изъ скользкихъ объятій на волю, на свѣжій воздухъ.

Но какъ же быть, какъ же быть? Я пробую доказать товарищамъ, что имъ немедленно нужно удалиться и на время прервать съ нами всякія сношенія: вдругъ за нами слѣдятъ, какъ за политическими?

— Чтобы изъ-за насъ арестовали всю организацію? Нѣтъ, уходите, уходите! Вы не имѣете права рисковать!

— Ну, нѣтъ, нельзя васъ оставлять однѣхъ!—возражаетъ Никита.

— Какъ видится, дурная молва о васъ уже широко пошла. Того гляди, могутъ ворваться какіе-нибудь гуляки... А не то, тотъ же самый хозяинъ... А тогда бѣда! Онъ, коли разозлится, можетъ напустить на васъ и дворника и городскихъ!...

«Настя!»—молніей мелькнуло въ моей головѣ. И вся моя геройская рѣшимость покидаетъ меня. О, если бы можно было сейчасъ же черезъ море перекинуть Настю въ безопасное мѣсто!

— Который часъ, товарищи?

— Скоро 12.

Ушелъ, значитъ, послѣдній пароходъ.

Взглядываю я на Настю, а она повернулась къ стѣнѣ лицомъ и дышитъ ровно, спокойно... Заснула!... Золотистые кудри раскинулись по ея дѣтскому, совсѣмъ еще дѣтскому лицу, раскраснѣлась вся, губы улыбаются... Видно, что-то хорошее-хорошее снится ей. Снится, быть-можетъ, что выплывала на лодкѣ на середину широкой родной Волги, залюбовалась просторомъ, повернула къ смѣющемуся солнцу счастливое лицо,—и замерла въ сладостной истомѣ. Грезы ея далеко отъ черныхъ ужасовъ, которыми грозитъ ей дѣйствительность. Грозитъ... по моей винѣ!

Тупой, ноющей болью сжимается сердце. Тихонько накрываю Настю шалью. Среди наставшей тишины въ квартирѣ подъ нами четко отбиваютъ свой тактъ стѣнные часы.

— А въ полицію ее не могутъ потащить... освидѣтельствовать что ли?

Мелкая дрожь трясетъ все мое тѣло. Съ мольбой смотрю на Никиту, словно отъ него зависитъ предохранить Настю отъ несчастія. Онъ знаетъ жизнь, знаетъ всѣ житейскіе распорядки, всѣ обычаи. А мы тутъ, какъ младенцы.

— Я узнавалъ про это,—говоритъ онъ еще тише,—и съ докторомъ изъ либераловъ совѣтовался. Потащить женщину свидѣтельствовать могутъ только послѣ того, какъ полиція застанетъ ее на мѣстѣ преступления. Для этого-то, можетъ, шпики и высматриваютъ,—кидаетъ онъ слово за словомъ, глухо и уставившись въ землю.

Дмитрій словно угадываетъ мои мысли.

— Я думаю, ей на время уѣхать нужно. Оставаться здѣсь ей сейчасъ нельзя. Да и вообще, домой бы ей, на отдыхъ. Очень ужъ она извелась. А вѣдь легкія-то у нея далеко не въ порядкѣ.

Возраженій нѣтъ, да и быть не можетъ.

Ночь проходитъ спокойно. На завтра, сверхъ ожиданія, Настя встрѣчаетъ вѣсть о своей «высылкѣ изъ Кронштадта» довольно спокойно. Видно сама сознаетъ, какъ подточены ея силы. Уѣзжаетъ грустная, молчаливая, съ осунувшимся лицомъ.

А мы? Какъ мы ее провожаемъ? Больно подумать: никакъ. Какъ разъ въ этотъ день пріѣзжаютъ гости изъ Петербурга: нѣсколько ораторовъ, а съ ними—американецъ, изучающій Россію и русскую революцію. Ему захотѣлось взглянуть на насъ и на нашъ бытъ, даже, кажется, интервьюировать насъ. Странно видѣть въ нашей обстановкѣ его безукоризненные, бѣлоснѣжные манжеты, его золотое пенснэ, всю его корректную, изящную и строгую фигуру, нагибающуюся, чтобы не хватиться лбомъ о низкую притолоку. Навѣрно, такъ же странна и для него вся наша квартира, наше несложное хозяйство, нашъ внѣшній видъ. Должно-быть, какъ на странныхъ, заморскихъ звѣрей, глядитъ онъ на насъ, хотя этого и не видно на его каменно-спокойномъ лицѣ.

Я разрываюсь на части: что-то невпопадъ отвѣчаю на вопросы переводчика, хлопочу, какъ накормить пріѣзжихъ, и тутъ же въ суматохѣ помогаю собираться Настѣ.

Какъ никогда, чувствую я въ этотъ моментъ, до какого сухого аскетизма доводитъ насъ «дѣло». Какая вынужденная суровость, какая черствость! Вотъ около мѣсяца прожила съ нами Настя. А развѣ мы хоть разъ заглянули поближе во внутренній міръ другъ друга? Развѣ было у насъ время поговорить «по душамъ»? О, да, мы жалѣли и цѣнили ее, мы любовались ею, всегда выдержанной, мягкой, свѣтящейся тихимъ внутреннимъ свѣтомъ. Но обогрѣли ли мы ее душевнымъ тепломъ? Нашли ли слова, которые снимаютъ перегородки между душами? Знаемъ ли мы, съ чѣмъ она пріѣхала, и съ чѣмъ уѣзжаетъ? Нѣтъ! Мы, какъ будто боясь оторвать часть силъ на что-то постороннее «дѣлу», были сухи, были замкнуты въ отношеніяхъ къ Настѣ.

Что это? Узость душевная? Элементарность? Однобокость фанатиковъ?

Не знаю... Знаю лишь, что всѣми силами души рвусь вслѣдъ за Настей: что-то дѣлаю, о чемъ-то говорю, — но мысли мои далеко, съ нею,

И все-таки... Какъ легче стало на душѣ съ ея отъѣздомъ.

Иду на собраніе, забравъ съ собой только что привезенную литературу. Рисковано это, конечно, но соблазнъ слишкомъ великъ: сразу все расхватаютъ и сегодня же разнесутъ по воинскимъ частямъ.

Спускаюсь съ корзинкой по лѣстницѣ, сверху въ ней лучокъ, картошка торчитъ, все какъ слѣдуетъ. На встрѣчу дворникъ.

— А Настя гдѣ? Что ея не видать?

— Нѣту ея! — отрѣзаю сердито. — Въ Питерѣ она.

— Въ отъѣздѣ, стало-быть... А когда воротится?

— Да не воротится!

— Не воротится! Какъ это такъ? Почему?

— Почему! Самъ накричалъ, напугалъ, а теперь — «почему»! Она къ этому у насъ не привычна. Съ испугу-то, какъ съ малымъ дитемъ, родимчикъ бываетъ. Вотъ и теперь что-то попритчилось, — намучилась я съ ней... въ больницу ужъ свезла.

— Въ больницу! Ахъ ты, Господи! Въ какую больницу-то? Я съѣзжу!.. Я скажу!.. Не хотѣлъ я... видеть Богъ, не хотѣлъ... Да что же это такое! Зачѣмъ же на меня-то? Вотъ истинный крестъ, я отъ души!

— Отъ души, а однако въ больницу пришлось свезти!

— Право, я съѣздила бы!

— Еще чего! Еще пуще прежняго напугать?

Хочу пройти, а онъ вцѣпилъ въ корзину, не пускаетъ. Смотритъ молящими глазами. Будто не фальшивитъ. Какъ-то въ минуту откровенности рассказалъ онъ про свою жизнь: мало добра видѣлъ отъ людей, а обмана и жестокости — сколько угодно. Жена его покинула, тутъ и совсѣмъ горе крышкой его прихлопнуло: запилъ, махнулъ на все рукой и жилъ послѣдніе годы угрюмымъ мизантропомъ. Съ нашимъ пріѣздомъ онъ какъ-то сразу посвѣтлѣлъ. Почему знать? Можетъ, Настя, такая простая и ласковая, такая непривычно высокая и чистая, — глубоко запала въ его душу, — то и тянется къ ней... А можетъ, и другое? Кто его знаетъ!

Кое-какъ отдѣлываюсь отъ него и, изо всѣхъ силъ напрягая мышцы, чтобы не показать виду, что несу тяжесть, съ трудомъ ковыляю по улицамъ.

На сердцѣ тяжело. И Настя нѣтъ: подбодрила бы. Нервы взвинчены тревогой и потрясеніями послѣднихъ дней, да и не досыпаю постоянно. Все кругомъ кажется полнымъ опасностей. И квартиру насиженную придется, видно, бросить, и вся организація наша у начальства теперь, какъ на ладони, и въ газеты заглянешь, — грозой пахнетъ, арѣетъ кризисъ... И солнце палитъ такъ нещадно... И возъ съ желѣзомъ, рѣзко и громко дребезжа, ударяетъ полами по мостовой, словно молоткомъ стучаетъ по головѣ...

Наконецъ добираюсь до мѣста собранія. Около дома ходятъ наши патрули. Слѣжки за мною нѣтъ. Вхожу, раскладываю литературу по кучкамъ. Кое-кто изъ нашихъ уже тутъ. Хохоленко, невысокій, плотный хохоль-матросъ, разсказываетъ Дмитрію, какъ будто въ чемъ-то оправдываясь:

— А колы жъ воны менѣ слухаты нѣ хочутъ!.. Кажутъ: — Поки усі вкупи, тутъ и починать. Нѣ хотимъ у плаваніе... Я имъ кажу: центръ нѣ втверждае выступленія. А воны на менѣ лаюцца: — Якъ выдно, кажутъ, докладъ нѣ гарно робышь, нѣ вмѣшь ристолкуваты, шо къ чому.

Я даже не дивлюсь ни этимъ новымъ осложненіямъ, ни тому, что Хохоленко, всегда выдержанный, теперь какъ будто самъ поддается нетерпѣливымъ порывамъ матросовъ. Теперь все должно рваться и соскакивать съ рельсовъ, все должно пойти прахомъ.

Дмитрій упрекаетъ Хохоленку, а тотъ стоитъ передъ нимъ, трогательный, грустный, куда-то внизъ скосивъ глаза. Въ душѣ у него, видимо, борьба, на лицѣ мучительная складка.

— А я що жъ тутъ могу? Я свое, а воны тожъ свое...

Разговоръ длится еще, неровно, дерганно, въ такомъ же духѣ. Какъ вдругъ тревожный голосъ: «Полиція! Полиція!»

Кто-то стучитъ и ломится изъ коридора. Дмитрій, не разобравъ дѣла, кидается туда и не пускаетъ. Я дрожащими руками заталкиваю принесенную литературу обратно въ корзину. Слышу, какъ солдатъ енисеецъ, по прозвищу «Панъ», полякъ родомъ, повелительно и зло кричитъ Дмитрію: «Маце (имѣте) браунингъ? На ласку Боску (ради Бога) дайце мнѣ браунингъ!» Я выскакиваю заднимъ ходомъ, мечусь съ корзиной, не зная, куда дѣваться, пробираюсь на чердакъ и, найдя тамъ большую кадку, бросаю

всю корзину туда. Сбѣгаю обратно. Дмитрій кричитъ на меня: «Да уходите же, уходите скорѣй! Илью Семеновича, — (хозяинъ квартиры, гдѣ мы собрались) — только что околodочный въ полицію повелѣ, сейчасъ сюда явятся съ обыскомъ!»

Спускаюсь внизъ. Но вѣдь наверху могутъ все найти! Что я надѣлала! Бѣгу къ хозяйкѣ. «Есть огонь въ кухнѣ?» — «Есть, есть!» Бѣгу опять наверхъ, тащу корзину, подношу все добро къ огню... И вдругъ сердце сжимается невыразимой болью. Чистенькіе, гладкіе, еще пахнуція типографской краской, совсѣмъ свѣжіе листки... Передъ глазами ярко-ярко встаетъ весь трудъ, вложенный въ то, чтобы все это составить, напечатать, провезти...

— Да жгите же! Жгите! — кричитъ хозяйка, и кидаетъ въ огонь нѣсколько штукъ. Огненные языки лизнули бумагу... Я быстро выпрямляюсь и рѣзко отстраняю бѣлую руку хозяйки... это такое святотатство!

— Давайте мнѣ, я спрячу! — теребитъ меня какая-то незнакомая мнѣ женщина. Я гляжу на нее... Ея уже немолдое лицо мнѣ почему-то кажется непріятнымъ.

— Вѣрно, дайте ей, она здѣшняя! Она знаетъ, гдѣ спрятать! — говоритъ мнѣ хозяйка.

Женщина забираетъ и уноситъ мое сокровище. Вдругъ я вижу, у лѣстницы что-то бѣлѣетъ. Наклоняюсь: пачка оброненной мною литературы! Въ ужасѣ отъ своего ротозѣйства, бѣгу снова на чердакъ. Такъ и есть: часть книжекъ провалилась на дно кадки и плаваетъ тамъ въ капустномъ разсолѣ. А кадка въ ростъ человѣка. Продѣлавъ рядъ гимнастическихъ упражненій, я извлекаю-таки изъ нея изрядное количество оскизлыхъ, пожелтѣвшихъ, страшно вонючихъ листовъ. Куда мнѣ теперь съ ними? Скидаю нижнюю юбку, заворачиваю въ нее мокрые листки и выбираюсь задами на улицу. Наши патрули стоятъ дозоромъ на углахъ, отсылая назадъ представителей, идущихъ на собрание.

Наконецъ я дома. Тамъ уже Дмитрій и Костя. Рассказываю имъ про корзину. И вдругъ Костя тревожно говоритъ: «Ахъ, эта женщина! Она такая странная! Мнѣ всегда казалось, что она въ охранкѣ служитъ!»

Господи! Еще этого не доставало! Неужели я сама, сама дала въ руки полиціи улики противъ Ильи Семеновича? Почему его взяли въ полицію? Ясно, что это мы его провалили. А человѣкъ на службѣ, семейный, да еще содержитъ старуху мать. Изрѣдка давалъ намъ свою квартиру для собраній, — и вотъ...

Бѣгу выручать литературу. Взявшей ее женщины нѣтъ дома. Я уже рѣшаю, что она, конечно, побѣжала въ полицію. Точно загипнотизированная мыслью, что надо добыть литературу обратно во что бы то ни стало, я мечусь по городу и ставлю на ноги всѣхъ, кого можно. Наконецъ, къ вечеру все улажено. Злополучная корзина въ безопасномъ мѣстѣ.

Узнаю, что на квартирѣ Кости тоже была сегодня какая-то тревога. И это, конечно, не даромъ. Бѣда надвигается на насъ со всѣхъ сторонъ. Конечъ свѣтлымъ, безмятежнымъ днямъ!

Выпрояживаю всѣхъ изъ квартиры быстро, по-военному, не давая имъ начать опять разговоръ объ опасности вторженія ко мнѣ какихъ-нибудь ночныхъ гулякъ. Я боюсь этихъ мыслей, боюсь, какъ бы онѣ не расшевелили притаившагося въ углу души страха. И безъ того нервная дрожь, нѣтъ-нѣтъ, да и проползетъ непріятной судорогой по спинѣ...

И вотъ я одна. Гдѣ-то далеко чернѣетъ море съ темными силуэтами кораблей. Сѣрватая, какая-то безразличная ночь повисла сухо и равнодушно, — ни темно ни свѣтло. Вспоминаю усталое лицо Дмитрія; такое безжизненное; что-то сѣрое, какъ и въ природѣ, отразилось въ его глазахъ, сдѣлало ихъ бѣлесоватыми; неживыми...

Оглядываясь кругомъ. Стали было мы складываться, разложили на полу одѣяло, свалили на него всѣ свои пожитки, но связать не успѣли. Въ углу одиноко торчатъ доски изъ-подъ предполагавшихся кроватей. Голыя стѣны, подслѣповатая оконца... Такая опустошенность, такая брошенность!

Вдругъ стемнѣло. Видно луна зашла за тучу. Изъ угловъ потянуло сырмъ холодкомъ. По стѣнамъ отъ фонарей колышутся прихотливыя тѣни, капризные и насмѣшливыя. Точно маленький молоточекъ, равномерно и отчетливо стучитъ кровь въ вискахъ. Цѣпляясь одна за другую, плывутъ обрывки мыслей. Кажется, будто кто-то стоитъ за дверью и тихонько стучится или за скобку дергаетъ, пробуетъ, крѣпко ли.

Зарываюсь въ грудь тряпья, прикрывшись не то платьемъ, не то пальтомъ. Сѣрый туманъ пронизываетъ мозгъ. Передъ глазами смѣющіяся рожи, гримасы. Вонъ толстое лицо хозяина выплыло изъ мрака; заплывшіе глазки, ротъ кривится въ похотливую улыбку. Стучать? Нѣтъ, это сердце вдругъ забилося. Стѣны словно заходили... Шорохъ, шаги на лѣстницѣ... все ближе... скрипятъ деревянные половицы... Конечно, это хозяинъ! Узналъ отъ дворника, что всѣ наши ушли. Не даромъ въ лавочкѣ перемигивались.

Пробую взять себя въ руки и спокойно обдумать свое положеніе. Что мнѣ дѣлать? И дѣйствительно ли мнѣ грозитъ опасность?... Но нѣтъ: «Бѣжать! Бѣжать!»—кричитъ все мое существо. Нѣтъ мѣста разсужденію, одно мучительное ощущеніе охватило все тѣло. Только гдѣ-то въ глубинѣ, совѣсть ли, гордость ли, отзывается слабо: «Стыдно трусить, революціонерка!»

И вдругъ мною овладѣваетъ полная увѣренность, что сейчасъ здѣсь долженъ быть хозяинъ. Не опасеніе, не страхъ безформенный, а твердая, окрѣпшая увѣренность. Дрожащіе, непослушные пальцы завязываютъ шаль вокругъ головы, съ какой-то судорожной дрожью раскрываютъ дверь. Скорѣй, скорѣй! Дорога каждая минута. Какъ лунатикъ, спускаюсь съ лѣстницы. Остается пересѣчь маленький дворикъ. Кто-то съ улицы раскрываетъ калитку, нагибается подъ цѣпочкой, идетъ мнѣ на встрѣчу. Луна показывается изъ-за тучи... Какъ распушенная пружина, отпрыдываю назадъ. Не призрачный, а настоящій хозяинъ останавливается передо мною... и вдругъ, улыбаясь и разставивъ руки, направляется къ мнѣ. Какъ безумная, бросаюсь къ калиткѣ, проскальзываю въ нее подъ цѣпочкой. А онъ, толстый, неповоротливый, слышу, застрялъ и кричитъ мнѣ что-то вслѣдъ.

На улицахъ тихо и свѣтло отъ луны. Пусто и сонно въ городѣ. Кучки городскихъ на углахъ. Завертываю за одинъ уголъ, за другой. Бьется, колотится сердце въ груди.

Тихо, тихо. Откуда-то вдругъ потянетъ холодкомъ, сиренью или яблочнымъ цвѣтомъ и душистой землей.

Куда, собственно говоря, я бѣгу? Бульвары заперты. Прохожихъ ни души. Встрѣтился ночной патруль, посмотрѣли на меня, — ничего не сказали. Но если еще разъ встрѣтятъ, могутъ и остановить. Куда же мнѣ дѣваться?

И вдругъ обрадовалась: къ Никитѣ пойду! Сяду на стулъ, положу на столъ голову. Какое счастье, какой великолѣпный пріютъ!

Подхожу... Но большой, заржавленный замокъ на его двери смотритъ на меня чернѣющей скважиной и словно заявляетъ: нѣту хозяина, чего смотришь? проваливай дальше!

Но куда же мнѣ «проваливать»?

«Все образуется», «Три къ носу!», «Все Богъ да малыя боженята!»—запестрѣли вдругъ въ мозгу присказки нашихъ матросовъ. Словно собрались они сейчасъ поутѣшить, поутѣшить меня. Да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ вдругъ стало легче. Э-эхъ! Да и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, «все образуется»!

Иду по городу да по сторонамъ поглядываю. «Чему быть, тому не миновать!» «Двухъ смертей не бываетъ!» «Дальше Сибири не сошлютъ, глубже земли не закопаютъ!»... Конечно, не хорошо, что въ русскомъ человѣкѣ такъ много

фатализма, но порой, право, необходимо немного заразиться этой успокоительной философией.

А вотъ и квартира арестованнаго Ильи. Въ его комнатѣ свѣтъ. Не обыскъ ли? Неудержимо тянетъ ближе къ дому, къ окнамъ. Не услышу ли хоть обрывки полицейскихъ разговоровъ?... Вотъ и ворота. Изъ кухни доносится запахъ жаренаго, звонъ посуды и веселый хохотъ. Дверь на лѣстницу настаежъ. Что все это значить? Я стою, полная изумленія. Вдругъ... голосъ словно знакомый? Передо мною самъ Илья Семеновичъ. Жметъ руки:

— Какими это судьбами вы здѣсь? ночью? Случилось что-нибудь? Ну, идемте!

— А какъ же? А обыскъ? Вѣдь вы арестованы?—бормочу я растерянно, боясь вѣрить своимъ глазамъ.

— Глупости! Бабы сплетни! Интрига какая-то! Вызвали меня въ полицію. Приставъ знакомый, показалъ доносъ на меня, всякая чепуха тамъ...

— Ну, и что же?

— Да ничего! Погрозилъ пальцемъ и опустил съ миромъ.

Значить все это было лишь ложной тревогой! У-уф-фъ! Какъ легко, какъ спокойно сразу стало на душѣ!

Въ комнатѣ Ильи Семеновича свѣтло и уютно. Большой портретъ старушки-матери въ углу. Веселый и любовный свѣтъ лампы надъ абажуромъ. Такимъ милымъ кажется Никита, очутившійся тоже здѣсь. Такъ привѣтливо и радушно угощаетъ горячимъ чаемъ хозяинъ! Кутаясь въ платокъ, усаживаюсь на кровать. Живыя струйки пробѣгаютъ по тѣлу, хочется не то плакать, не то смѣяться.

Самоваръ кипитъ на всѣхъ парахъ.

— Вотъ вамъ мой сказъ, — заключаетъ наше продолжительное совѣщаніе Никита. Онъ за послѣднее время замѣтно осунулся, — тоже, видно, изрядно надорвалъ свое здоровье.—Вотъ вамъ мой сказъ. Поѣзжайте завтра же въ Питеръ, и переверните тамъ всѣ низы и верхи, и рай и адъ. Пусть комитетъ дастъ людей на подмогу. Невозможно больше намъ однимъ управляться. «Не уѣду, молъ, пока не дадите!» И денегъ вотъ тоже. и литературы. Вѣдь подумайте: народу въ Питерѣ тьма тьмущая, а станешь звать сюда.—то да се имъ, вишь ли, на дорогѣ выросло. Эхмал!

— Сами мы, видно, плохи, Никита, коли привлечь не умѣемъ.

— Ну, да ладно. Поспите пока. А мы съ Ильей ко мнѣ пойдемъ. Только завтра ввечеру, непременно здѣсь будьте. Здѣсь же у Ильи и встрѣтимся. Счастливо съѣздить!

Приди въ эту ночь на самомъ дѣлѣ полиція съ обыскомъ,—не добудились бы меня.

Призваніе варяговъ.

Рано утромъ бѣгу на пароходъ. Снова чувствуется прежній подъемъ духа и забывается, что мы висимъ на волоскѣ.

«... И я не знаю, отчего я въ такомъ веселомъ духѣ, и мы смѣемся и шутимъ, какъ точно не на смерть мы приговорены...» — вспоминается поразившее меня письмо одного солдата «смертника» наканунѣ казни.

И еще вспоминаются стихи Оскара Уайльда объ осужденномъ: его душа, уже прикоснувшаяся къ вѣчности, глотаетъ каждый оставшійся мигъ жизни напряженно, страстно:

И жадно пилъ онъ воздухъ,

Какъ сладкое вино...

Высшее страданіе и высшая радость — не есть ли одинаково дѣти великаго?

Наши переживания тоже особенны. Слова: восторгъ, восхищеніе, энтузіазмъ — ничего о немъ не говорятъ. Нѣтъ, это не восторгъ, а какая-то особая радость жизни, не та бурная радость, что пышетъ и бьетъ въ глаза, а внутренняя, спокойная, усугубленная страсть, которая объемлетъ всего человѣка, радость интенсивныхъ переживаній, граничащихъ съ творческимъ состояніемъ.

Точно у вратъ града взыскаемаго стоишь, и замираетъ сердце въ ожиданіи предстоящаго тамъ, за вратами, гдѣ все залито сверкающимъ свѣтомъ, гдѣ ликованіе и небесная мелодія.

Когда великое коснется крыломъ своимъ души человѣка, пусть это будетъ душа самая заурядная, — она встрепенется преображенной и забьется въ страстномъ стремленіи вырваться изъ оковъ обыденщины. Какимъ хорошимъ, какимъ счастливымъ дѣлаетъ это переживаніе человѣка! У людей искусства и науки такое состояніе называется вдохновеніемъ и проявляется въ созиданіи великихъ твореній. Пусть у насъ, обыкновенныхъ людей, наше вдохновеніе не оставляетъ за собой видимаго, осязательнаго слѣда. Но кто учтетъ то незримое, что такія состоянія даютъ душѣ пережившаго ихъ?...

Въ 8 часовъ я уже въ Питерѣ. Опять бѣготня, опять замелькали квартиры бѣдныя и богатые, ораторы, организаторы, рабочіе, ихъ жены, безработные...

— Ишь вы, какая прятка! — солидно цѣдитъ мнѣ разсудительный рабочій: — вынь да положь ей женщину! Черезъ недѣльку, черезъ двѣ, можетъ и подыщемъ.

Невскій. Помѣщеніе Трудовой Группы. Лапти, сермяги, пиджаки, сюртуки, — все перемѣшалось. Атмосфера дѣловая, нервная, напряженная, почти судорожная. Тутъ и депутаты, тутъ и ходоки, усталые, измученные, прямо, видно, съ дороги, тутъ и мѣстные столичные жители.

Высокій мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, говоритъ собравшимся вокругъ него ходакамъ о жалкомъ положеніи безвластной Думы:

— И про что только она ни заикнется, ей отвѣчаютъ: «Не суйся!» Знай-де сверчокъ свой шестокъ! Какъ послѣднiяго парнишку, пинаютъ барскимъ сапогомъ. А мальчонка-то, — извѣстное дѣло, деревенскій, неразумный, — не унижается. Нѣту у него силенки, чтобы въ рукопашную схватиться съ обидчикомъ, а уgomониться тоже не хочетъ. Дѣла не дѣлаетъ, а шуму, крику — Боже мой! И пишитъ, и извивается, и руку барину укусить пытается, и оретъ благимъ матомъ. Духа-то этого въ ѣмъ нѣтъ вольнаго, рабство его заѣло, вотъ и сказывается...

У оратора густыя накупившіяся брови, пронзительные и глубоко, какъ въ норѣ, сидящіе глазки, худошавое, бурое отъ загара лицо, большая, жесткая борода, спутанные длинные кудлы на лбу.

— Да-а, — закончилъ онъ, усмѣхаясь: — Хвалю сивку за обычай: хоть не везетъ — да ржетъ!

Къ кучкѣ подходитъ одинъ изъ лидеровъ трудовиковъ. Мужикъ повертывается къ нему:

— Сказали вы министрамъ, что не считаете ихъ за правительство?

— Сказали! — отрубаетъ тотъ.

— Заявили имъ, что разъ они супротивъ народа пошли, вы никакого съ ними дѣла не желаете имѣть?

— Заявили. Ну?

— То-то и оно! Не давши слова, — крѣпись, а давши, — держись; и взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ! Сказали вы имъ все. А какъ же опосля всего этого вы же разрѣшаете министрамъ вѣшателямъ деньги, чтобы голодныхъ кормить? Изъ трупныхъ рукъ хотите хлѣбъ давать?

Трудовикъ передвинулъ ноги, поправился не торопясь на мѣстѣ, поднялъ опущенную голову, оглядѣлъ всѣхъ.

Это одинъ изъ немногихъ народныхъ избранниковъ, сразу завоевавшій симпатіи всей страны своими выступлениями въ Думѣ. Его твердый голосъ громко раздается въ думскомъ залѣ, заставляя содрогаться сердца слушателей. Онъ кричитъ министрамъ: «Мы — или вы! Вонъ, убійцы! Не вамъ здѣсь мѣсто!» — что-то въ этомъ родѣ кричитъ, и министры, уводя голову въ плечи, поспѣшно исчезаютъ изъ своихъ ложъ. И несется его крикъ далеко за стѣны

Таврическаго дворца, будя нетерпѣливое негодованіе, возмущеніе и жажду дѣйствія въ многихъ милліонахъ сердець.

А вотъ тутъ этотъ трибунъ стоитъ подѣ огнемъ замѣчаній и нападокъ, вслушивается въ нихъ, — и молчитъ, выставивъ впередъ широкій шишковатый лобъ. Смотритъ изподлобья, какъ быкъ на бойнѣ, ждущій удара.

Упорной силой вѣдетъ отъ этого человѣка. Онъ изъ крестьянъ, самъ пробилъ себѣ дорогу въ жизни, получилъ образованіе. Казалось бы, такимъ людямъ и книги въ руки.

Но глубокая морщина залегла у него между бровей, напряженная, мучительная дума чуется въ его глазахъ. Словно богатырь, остановившійся передъ тремя роковыми разстанными дорогами.

— Почему вы клялись, когда шли въ думу, — наступаетъ на него какой-то человѣкъ въ вышитой рубахѣ: — Умремъ, — а землю добудемъ! Уже мѣсяць скоро Думѣ, земли все нѣтъ, да видно и не будетъ. а вы все живы?

— А оружіе у васъ есть? — вдругъ рѣзко оборачивается къ нему депутатъ.

Тотъ смотритъ недоумѣнно.

— Нѣтъ, вы скажите: оружіе у васъ есть? Вѣдь нѣту? Ну, вотъ то-то же! Вы-то готовы ли въ бой? Готовъ ли народъ? Сумѣете ли вы вооружить его и повести на борьбу, коли мы призовемъ его къ рѣшительному шагу?

— Въ народъ что ли не вѣрите, маловѣры? — вставляетъ строго мужикъ-ораторъ.

— Знаю, знаю! — замахалъ рукою трудовикъ. Порывшись немного, онъ вытаскиваетъ изъ бокового кармана цѣлую пачку телеграммъ. — Ежедневно засыпаютъ насъ ими, со всѣхъ концовъ приходятъ: боритесь, дескать, мы поддержимъ васъ въ трудной борьбѣ. А только... какъ съ голыми руками противъ арміи воевать? Вотъ и въ газетѣ вашей, эсэровской, сегодня: «За Горемыкинымъ стоитъ Треповъ, полки солдатъ, казаки, пушки, пулеметы, толстая стѣна невѣжества, злобы и грубой силы. За Думой — только народное горе и народная воля. Но народная воля не выковала еще народнаго меча».

— Онъ здѣсь, господинъ депутатъ! — Онъ... вотъ онъ! — даже не выкрикиваетъ, а какъ-то весь взрывается маленький неуклюжій солдатикъ. Онъ страшно волнуется и торопится, и говоритъ. и возится со штыкомъ, и, видимо благоговѣя передъ трудовикомъ, боится быть непонятнымъ, неуслышаннымъ.

— Вѣдь вотъ онъ! — онъ вытащилъ наконецъ штыкъ и неловко помахиваетъ имъ: — онъ вѣдь у насъ... А мы... да рази не... да неужто свой своего выдастъ!...

Весь возбужденный, вспотѣвшій, онъ пожираетъ глазами трудовика. А тотъ не торопясь перевелъ на него

свой упорный, бычій взглядъ и долго смотритъ испытующе на его восторженно блестящіе глаза.

— Вашими бы устами да медъ пить! — говоритъ онъ наконецъ: — только все же «отъ чаши до устъ еще далеко!»...

Меня отозвали по дѣлу. Возвратясь, слышу въ той же кучкѣ ужъ иной разговоръ:

— Оно конечно, армія задвигается, — народъ смѣлѣе станетъ. Вотъ недавно видѣлъ я офицеровъ кронштадтскихъ, изъ моряковъ, молодые еще. Показываютъ камушки: — «Съ мостовой, — говорятъ, — подняли; по нимъ, — говорятъ, — народные избранники шли. Какъ святыню сохранимъ ихъ. Мы, — говорятъ, — можетъ, эти самые камни кровью народной должны были бы полить, а теперь... Счастливейшій, — говорятъ, — это день нашей жизни». У одного даже слезы на глазахъ.

Кто же правъ? Скептикъ трудовикъ или же эти офицеры съ камушками и этотъ восторженный солдатикъ? Путанное время, трудное. Такое трудное, что голова отъ думъ на части разрывается.

Я въ редакціи эсэровской газеты, которая съ открытіемъ Думы выходитъ легально. Еле пробираюсь сквозь густую толпу корреспондентовъ, рабочихъ, пропагандистовъ, ораторовъ. Въ самой послѣдней комнатѣ явка Центральнаго Комитета. Меня принимаетъ уже немолодой человѣкъ, товарищ Зеленовъ, сухой, аккуратный, не особенно щедрый на слова. Волнуясь, рассказываю ему про настроеніе въ Кронштадтѣ. «Вотъ этотъ, — думаю въ это же время, — подошелъ бы къ намъ: лицо не очень выразительное, не выдѣлялся бы среди другихъ, и голова бритая, въ формѣ великолѣпно сошелъ бы за солдата».

— Матеріаль богатый, а работниковъ нѣтъ... Мы еле держимся. Скорѣй замѣстителей надо найти... Иначе все прахомъ пойдетъ...

Чувствую, что говорю не то, что надо, бездоказательно, обрывочно, и въ отчаяніи добавляю:

— Дайте намъ большаго человѣка. Неужели наша партія такъ слаба? Или близорука?

Нѣтъ, я не умѣю убѣждать, заражать тѣмъ, что сама чувствую.

— Если вы думаете, что мы преувеличиваемъ, приѣзжайте сами, посмотрите, убѣдитесь...

Зеленова отозвали. Я жду, наблюдая. Какъ нигдѣ, чувствуется здѣсь бѣніе пульса партійной жизни, и мѣстной и центральной, нервный, почти бѣшенный темпъ ея. То и дѣло трещитъ телефонъ. То и дѣло приходятъ все новыя и новыя люди съ сообщеніями или за указаніями. Во всѣхъ углахъ съ ними ведутся въ полголоса короткія совѣщанія.

Сюда же прибѣгаетъ съ корректурами изъ типографіи, что внизу, весь выпачканный рабочій.

Всѣ бѣгаютъ, всѣ чѣмъ-то заняты. Почему же всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не Кронштадтомъ?

— Хорошо, хорошо!—говоритъ мнѣ освободившійся наконецъ Зеленовъ:—я уже слышалъ о Кронштадтѣ... Я сейчасъ,—кидаетъ онъ старику съ проницательнымъ взглядомъ поверхъ очковъ, подошедшему отъ кучки людей, что съ самаго начала ведутъ тихій разговоръ, примостившись въ неудобныхъ позахъ у окна. И снова ко мнѣ:

— Слышалъ, да... Вамъ что, Петровъ? О военныхъ бунтахъ замѣтка? Подождите немного. Что? Редакторъ не ждетъ? Ну, ладно!

И тутъ же, посреди комнаты, даже не присаживаясь, онъ просматриваетъ рукопись. Петровъ уходитъ.

— Отъ редактора вернитесь, Петровъ! У меня къ вамъ дѣло!—кричитъ ему въ догонку Зеленовъ.

— Да, да!—поворотъ въ мою сторону,—сегодня же снова поднимаемъ о васъ вопросъ въ Ц. К.

— Когда же вы наконецъ освободитесь, Павелъ Семеновичъ? Мы васъ ждемъ!—снова подходитъ съ озабоченнымъ видомъ старикъ въ очкахъ:—Тамъ делегатъ пріѣхалъ, хочетъ видѣть васъ по военнымъ дѣламъ.

— Иду, иду! Минутку, одну, минутку!... Вы видите, какая здѣсь кутерьма!—словно извиняется онъ передо мною:—Я къ вамъ пріѣду...

Въ комнату вбѣгаетъ Волгинъ, военный работникъ изъ Колпина. Блуждающимъ взоромъ онъ оглядывается, и прямо къ Зеленову:

— Въ Колпинѣ спокойно... сегодня ночью рѣшено возстаніе...

— Что? Что такое?

У Волгина лицо заострившееся, все подергивается мелкой дрожью. Сѣрая рубашка смокла отъ пота, который темными пятнами проступаетъ на спинѣ. Голосъ обрывается.

— Пироксилинъ уже подложили подъ офицерское собраніе...

— Да въ чемъ дѣло?

Быстрыми, отрывочными фразами тотъ рассказываетъ, какъ солдатъ, вернувшихся съ войны и безъ того уже изнервничавшихся, начальство довело разными придирками до крайней взвинченности, до рѣшительнаго шага.

— Всѣ мои уговоры не помогли. Единственная надежда на авторитетъ Ц. К.

Зеленовъ совѣщается съ тѣми, что засѣдаютъ у окна. Волгинъ нервно ходитъ по комнатѣ, ероша волосы, такой взломаченный и мокрый, что жалость смотрѣть. Подхожу къ нему.

— Вы бы хоть пригладились немного, а то обращаете на себя вниманіе!

— А? Что?—словно проснувшись, разсѣянно бормочетъ онъ:—Да, здравствуйте, здравствуйте!

Но я вижу ясно, что онъ ни чего не понимаетъ, можетъ-быть, даже не сразу узналъ меня, занятый своими думами:

— Да, да, не правда ли, вѣдь ваши поддержать въ случаѣ чего? у нашихъ вѣдь широкій планъ: сейчасъ же итти въ Питеръ, поднять матросовъ и Петропавловку, вооружить рабочихъ, занять арсеналъ и Охтенскіе пороховые заводы...

Онъ нервно потираетъ руки, то и дѣло взглядывая въ сторону цекистовъ. Его подзываютъ туда. Потомъ въ комнату приводятъ какого-то очень высокаго челоѣка, на-спѣхъ что-то ему объясняютъ. Высокій беретъ Волгина подъ-руку, и оба быстро, забывъ даже проститься, исчезаютъ изъ комнаты.

Начинается... Вотъ оно, [невѣдомое... Идетъ... надвигается...

— Ну, а мнѣ что же скажите?

— Ахъ, да!—спохватывается Зеленовъ,—во-первыхъ, я на дняхъ буду у васъ,—роется въ записной книжкѣ,—въ пятницу можно?

— Когда угодно!

— Итакъ, въ пятницу, въ четыре. А ваши пусть не волнуются. На примѣтъ есть для васъ подходящий челоѣкъ. Надѣйтесь. Да, дѣла-а! До свиданья!

Наконецъ я на пароходѣ. Спускаюсь, какъ всегда, въ третій классъ, сажусь въ темный уголъ. Закрываю глаза. Мѣрно укачиваетъ пароходъ, все слабѣе доносится говоръ, точно жужжанье мухъ издали...

Просыпаюсь отъ какого-то крика. Протираю глаза: подрались двое пьяныхъ. А кругомъ шмыгаютъ лакеи съ чарками, рюмками, бутылками; изъ публики кто спитъ, кто мирно бесѣдуетъ, относясь къ дракѣ, какъ къ должному. Тускло и грязно горятъ лампочки. Тѣсно и жарко. Отъ вымокшихъ на дождѣ одеждъ въ воздухѣ стоитъ густой паръ, какъ въ банѣ.

Но я просыпаюсь бодрая и освѣженная. Горячее тепло проникаетъ не только во всѣ частицы тѣла, давая ему столь желанный отдыхъ, но какъ будто даже въ самую глубь души. Вѣрится, что Колпино не возстанетъ преждевременно, что къ намъ пріѣдетъ членъ Ц. К. и обѣщанный работникъ,—можетъ-быть,—нужный намъ «большой челоѣкъ», что будетъ хорошая квартирная хозяйка... Вообще вѣрится въ одно лишь хорошее...

На плечѣ у меня похрапываетъ какая-то старушка. Густая сѣть морщинъ покрываетъ ея лицо, безкровныя губы что-то шепчуть во снѣ, и вся она, словно маленькій безсильный ребенокъ, такая тошенькая, безтѣлесная; и запахъ отъ нея такой пріятный, съ дѣтства знакомый-запахъ высохшаго старенькаго тѣла, и кожа на лицѣ мягонькая, шелковистая.

А дождь за стѣнкой все стучитъ, стучитъ монотоннымъ, долбящимъ звукомъ, навѣвая дремоту. Въ одномъ углу широкихъ наръ спятъ раскидавшіеся ребятишки. Мать кормитъ грудью меньшого. Въ другомъ углу плачутъ проснувшіеся дѣти. Взрослые храпятъ, зѣваютъ, потягиваясь и крестясь. Подвыпившіе матросы за столомъ о чемъ-то шумно бесѣдуютъ. Забившись въ самый уголь, ближе къ дѣтямъ, матросъ водить пальцемъ по книгѣ, бормоча вслухъ:

«Человѣкъ немыслящій не понимаетъ, невѣжда не разумѣетъ того, что, когда цвѣтутъ нечестивые, какъ трава, и растутъ всѣ творящіе зло, то это на ихъ же гибель вѣковѣчную. Ты же, Господи, вѣчно возвышенъ. Ибо вотъ враги твои, Господи, вотъ враги твои пропадаютъ, всѣ дѣлающіе беззаконія расточаются, а мой рогъ ты возносишь, какъ рогъ буйвола: я пропитанъ свѣжимъ елеемъ...

— . . . Праведный цвѣтетъ, какъ пальма, возрастаетъ, какъ кедръ на Ливанѣ: они посажены, какъ въ домѣ Господнемъ, будутъ цвѣсти во дворахъ Бога нашего, будутъ еще расти и въ сѣдинѣ, будутъ тучны и зелены, дабы возвѣщать, что прямъ Господь, оплотъ мой, и нѣтъ въ немъ неправды...»

А мѣрная рѣчь ѣдущихъ артелью рабочихъ—земляковъ тянется подъ шумъ колеса и окружающій гомонъ длинно и монотонно, какъ степная дорога, уходящая въ безконечность.

Довѣрчиво и тѣсно окружаетъ меня этотъ разношерстный, собранный со всей Россіи людъ. Я смотрю на всѣхъ своихъ спутниковъ, и въ душѣ ворошится не то мысль, не то ощущеніе: вѣдь вотъ, это—часть огромнаго народа, того народа, который даетъ содержаніе и цѣль моей жизни, даетъ мнѣ силу работать, даетъ радость борьбы; благодаря ему я живу такъ ярко, такъ полно. О, если бы знали вы, братья, о будущемъ вашемъ, о близкомъ свѣтломъ будущемъ вашемъ!